

A detailed historical map of the Kuznetskaya Starina region. The map shows a river network, including the Kuznetskaya River (Кузнецкая) and the Kuznetskaya River (Кузнецкая). The city of Kuznetskaya (Кузнецкая) is depicted with a grid-like street pattern. The map is labeled with various geographical features and place names in Cyrillic script. The title "Кузнецкая старина" is prominently displayed in the upper center in a stylized, golden font. The map is oriented with North at the top.

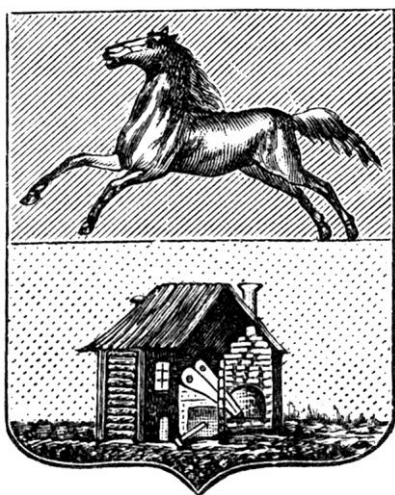
Кузнецкая старина

Выпуск 7

РѢКА

А

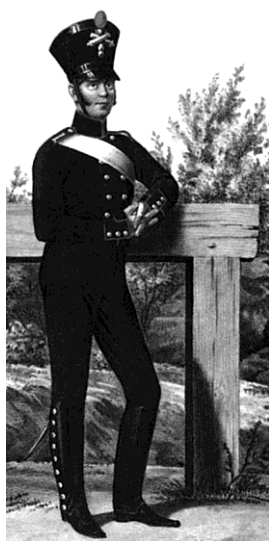

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
АДМИНИСТРАЦИИ Г. НОВОКУЗНЕЦКА
ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ МУЗЕЙ
«КУЗНЕЦКАЯ КРЕПОСТЬ»

КУЗНЕЦКАЯ СТАРИНА

Выпуск 7

Издательство «Кузнецкая крепость»
Новокузнецк 2005

ББК 63.3/2Р4 Кем
М43

Под общей редакцией к. и. н. Ю.В. Ширина

Редакционная коллегия:

*С.Д. Мартин
М.М. Маслов
Б.А. Рахманов*

**Книга выпущена по заказу управления культуры
администрации г. Новокузнецка**

Кузнецкая старина.— Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2005.—
Вып. 7.— 180 с.

ISBN 5-87521-092-3

Очередной выпуск историко-краеведческого сборника содержит новейшие открытия в области археологии Кузнецкого края и сопредельных территорий, а также разнообразные материалы по истории г. Новокузнецка от начала XVII в. до середины XX в.

Книга рекомендуется для археологов, историков и широкого круга читателей.

На обложке: Фрагмент карты съемки 1897 г.

На шмуцтителе: Герб уездного г. Кузнецка Томской губернии образца 1804 г.

На титульном листе: Рядовой гарнизонной артиллерии. 1824-1825 гг. (по А. Висковатову)

ISBN 5-87521-092-3

© Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость», 2005 г.

© Издательство «Кузнецкая крепость», 2005 г.

Комплекс скифского времени на могильнике Тузовские Бугры I

В сентябре 2000 г. Приобским археологическим отрядом АГУ проводились раскопки грунтового могильника Тузовские Бугры I, расположенного в Первомайском районе Алтайского края. Памятник находится в 8,5 км к ЮЮЗ от с. Рассказиха Первомайского района и в 2 км к СВ от бывшего с. Васино Калманского района, на правобережье р. Оби, в 4 км к З от ее коренного берега, вблизи протоки Заломная (Рис. 1). Обская протока Заломная начинается в 10 км к ЮЗ от устья р. Петровка (правый приток р. Оби) и впадает обратно в р. Обь у с. Рассказиха, имея протяженность с Ю на С около 35 км. По правому берегу Заломной расположены гряды останцев, удобных для проживания. Еще 30 лет назад здесь располагались заброшенные в настоящее время села: Усть-Заломный, Чирики, Мезенцево, Васино.

Первые археологические исследования на Заломной были проведены в 1977-1978 гг. В.Б. Бородаевым¹. Помимо прочих памятников, им были выявлены два поселения у бывшего с. Васино. В 1995-1996 гг. разведочные работы продолжил Д.А. Пугачев, зафиксировавший поселения Васино III-VII и могильник эпохи неолита². В 1998 г. А.В. Шмидт при проведении археологической разведки по Заломной переименовал часть открытых Д.А. Пугачевым памятников (поселения Васино III-VI) в соответствии с местным топонимом в Тузовские Бугры I-IV и исследовал одно погребение скифского времени³.

В связи с путаницей в наименованиях объекта раскопок было необходимо на месте разобраться, имеется ли в действительности один могильник, относящийся к различным эпохам, или речь идет о разных памятниках. В ходе работ стало ясно, что памятник все-таки один, поэтому за кратковременной многослойной стоянкой было сохранено наименование Васино V, как в отчете Д.А. Пугачева, а могильник был назван, вслед за А.В. Шмидтом, Тузовскими Буграми I.

¹ Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Раннесредневековые находки с Борковских Елбанов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Часть. 2. С. 153-160; Шмидт А.В. Неолитические-энеолитические материалы, разведанные В.Б. Бородаевым и А.Л. Кунгуровым с протоки Заломная 1977-1978 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 88-91.

² Пугачев Д.А. Новые археологические памятники у с. Мезенцево // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 79-82; Он же. Разведка в Алтайском и Калманском районах Алтайского края // АО 1995 года. М., 1997. С. 363-364.

³ Шмидт А.В. Разведочные работы в районе протоки Заломная // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 127-131; Шмидт А.В., Служак И.В. Новый грунтовой могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 110-112.

Могильник Тузовские Бугры I расположен на правом берегу протоки Заломная, в 1 км к ЮЗ от нее, на восточном берегу оз. Тузовского старичного происхождения. Северный и восточный берега озера представляют собой гряды останцов общей протяженностью с ЮЮВ на ССЗ около 700 м и шириной до 200 м (Рис. 1). Местное наименование этой гряды останцев — Тузовские Бугры. Могильник Тузовские Бугры I внешних признаков не имеет и занимает две соседние возвышенности в центральной части гряды. Размеры уплощенных площадок этих возвышенностей: северная — 60х30 м, высота 5-6 м от поймы, южная — 80х40 м, высота 5 м (Рис. 1). На северной площадке был заложен разведочный раскоп 1995 г., на южной — разведочный раскоп 1998 г.⁴ Для раскопок 2000 г. был выбран участок в центральной части северной площадки останца вокруг раскопа 1995 г. (Рис. 1). В течение трех лет работ на памятнике вскрыто 176 кв. м и исследовано 37 погребений.

Материалы, полученные при раскопках могильника Тузовские Бугры I, относятся к широкому хронологическому диапазону. Впервые останец использовался в качестве временной стоянки в неолитическую эпоху. В период позднего неолита — энеолита на Тузовских Буграх было устроено кладбище. К этому времени относятся 20 погребений (мог. 2-4, 7-10, 13, 14, 18, 23, 24, 26-28, 31-35), характеризующихся ориентацией умерших головами в СВ сектор⁵. В конце эпохи бронзы останец был вновь использован для кратковременной стоянки. К этому периоду относится большая часть найденной в культурном слое керамики, типичной для большереченской культуры (VIII-VI вв. до н.э.). В скифское время Тузовские Бугры опять использовались в качестве кладбища. Были сооружены могилы 1, 5, 11, 12, 15-17, 20-22, 25, 29, 30, 36, а также могила 1 из раскопок 1998 г. А.В. Шмидта, для которых характерна ориентация погребенных головами в ЮЗ сектор (15 погребений). К концу I тыс. до н.э. — началу I тыс. н.э. относятся небольшая часть керамики, украшенной ямками, зубчатым штампом и «уточкой» — орнаментом, обычным для фоминского этапа кулайской культуры. Эпохой железа датируются также две безынвентарные могилы (мог. 6 и 19), в которых умершие были уложены вытянуто на спине черепами на СЗ.

Могила 1. Форма могилы подпрямоугольная, размеры 0,75х1,65 м (длинная ось ЮЗ-СВ). Рядом с ЮВ краем могилы на глубине 0,25 м от современной поверхности найдены куски деревянных плашек толщиной 2-3 см, вероятно, остатки перекрытия, в 20-50 см от СЗ стенки на глубине 0,2-0,25 м — фрагменты одного сосуда (Рис. 6-7) и оселок (Рис. 4-5). Могила полностью разgrabлена. В заполнении могилы встречались мелкие обломки костей. Дно ее находилось на глубине 0,6 м от современной поверхности.

Могила 5 (Рис. 3). Форма могилы овальная, размеры 1,05х2,15 м (длинная ось ЮЗ-СВ). Глубина от современной поверхности — 1,02 м, в материке — 0,29 м. На дне лежал скелет взрослого человека на спине вытянуто, черепом на ЮЗ. Череп был слегка развернут направо, кости рук раздвинуты в стороны,

⁴ Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Пугачев Д.А., Шмидт А.В. Предварительные итоги исследований могильника Тузовские Бугры I // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Том VI. С. 206-210; Абдулганеев М.Т. Раскопки в предгорном и лесостепном Алтае // АО 2000 года. М., 2001. С. 193, 196.

⁵ Абдулганеев М.Т. и др. Предварительные итоги исследований... С. 206-210; Абдулганеев М.Т. Раскопки в предгорном... С. 193, 196; Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Погребение раннебронзового века из могильника Тузовские Бугры I // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 4-6.

кисть правой руки отсутствовала. Напротив правого колена, с внешней стороны ноги, лежали 2 костяных наконечника стрел остриями вниз (Рис. 3, 2, 3).

Могила 11 (Рис. 3). Форма могилы подовальная, размеры 1,0х2,0 м (длинная ось ЮЗ-СВ). На дне могилы (глубина 1,2 м от современной поверхности, в материке она была заглублена на 0,5 м) лежал скелет взрослого человека, на спине вытянуто, черепом на ЮЗ, ноги слегка согнуты в коленях, на черепе и левом колене зафиксированы остатки небольших (до 10х3 см) плашек толщиной 3-6 мм. У СЗ стенки обнаружен обломок оселка (Рис. 3, 4). В СВ углу могилы, у правой стенки стоял сосуд (Рис. 3, 5).

Могила 12 (Рис. 4). Форма могилы подпрямоугольная, размеры 0,9х2,05 м (длинная ось ЗСЗ-ВЮВ). На дне могилы (глубина 0,89 м от современной поверхности, в материке — 0,26 м) находился скелет взрослого человека на спине вытянуто, черепом на ЮЗ; лицевой частью направо. Слева от черепа, над левым плечом лежал на боку сосуд (Рис. 4-1), напротив лицевой части черепа, справа — костяная проколка (Рис. 4-2), у северной стенки, напротив кисти левой руки — 2 керамических пряслица (Рис. 4-3, 4). Вдоль западной, северной и южной стенок могилы на глубине 0,83-0,89 м отмечена деревянная обкладка — 4 куска жердей размерами от 3х18 см до 7х95 см и толщиной 2-4 см.

Могила 15. Форма могилы овальная, размеры 0,45х0,75 м. (длинная ось ЮЗ-СВ). Дно могилы фиксировалось на глубине 1,03 м от современной поверхности, в материке — 0,23 м. На дне в юго-западной части могилы найдены фрагменты черепа младенца.

Могила 16 (Рис. 5). Могила имела подпрямоугольную форму, размеры 0,95х2,3 м (длинная ось ЮЗ-СВ). Глубина от современной поверхности 1,08 м, в материке — 0,22 м. На дне могилы найдены разбросанные в беспорядке кости: ребра, позвонки, фаланги пальцев, верхняя челюсть взрослого человека. В восточном углу найдена нижняя часть сосуда (Рис. 5-7), второй сосуд обнаружен в ЮЗ части могилы, ближе к ЮЗ стенке (Рис. 5-6). В центральной и ЮЗ части дна могилы имелось углубление подпрямоугольной формы размерами 50х110 см (длинная ось ЮЗ-СВ), глубже дна могилы на 8-10 см. В углублении найдены сваленные в кучу кости человека: черепная коробка, лучевые кости рук, ребра, позвонки, фаланги пальцев. На дне, на глубине 1,16 м (от совр. поверхн.) лежали *in situ* берцовые кости ребенка. Судя по ним, погребенный лежал на спине, черепом на ЮЗ. К ЮВ от могилы, на глубине 0,2-0,4 м, найдены выброшенные из нее кости человека (обломки нижней челюсти взрослого человека, длинных костей, ребра, позвонки), куски дерева, костяной наконечник стрелы (Рис. 5-1), 2 венчика сосуда (Рис. 5-7), 2 обломка железных ножей (Рис. 5-2, 3).

Могила 17 (Рис. 4). Форма могилы подпрямоугольная, размеры 0,75х1,73 м (длинная ось ВСВ-ЗЮЗ). Глубина ее от современной поверхности составляла 0,94 м, в материке — 0,3 м. На дне могилы лежал скелет взрослого человека на спине вытянуто, черепом на ЗЮЗ. Руки вытянуты вдоль тела, кисть правой руки находилась под тазом. У правой височной доли найдена бронзовая серьга с конусовидной подвеской, у левой височной доли — вторая серьга, состоящая из бронзового кольца и глиняной бусины (Рис. 4-6-8). Под нижней челюстью слева зафиксированы остатки ожерелья, состоящего из 4 костяных пронизок, 2 пастовых бусин и 1 глиняной подвески (Рис. 4-9-15).

Могила 20 (Рис. 5). Форма могилы подпрямоугольная, размеры 0,4х0,88 м (длинная ось ЮЗ-СВ). На дне (глубина 0,99 м от современной поверхности, в материке — 6 см) лежал скелет младенца на спине вытянуто, черепом на ЮЗ. Череп раздавлен, кости левой руки, кроме кисти, отсутствовали. На глубине 0,9 м в заполнении был найден альчик барана.

Могила 21 (Рис. 5). Форма могилы подпрямоугольная, размеры 1,0х1,25 м (длинная ось ЮВ-СЗ). Глубина ямы составляла 0,92 м от современной поверхности, в материке — 0,25 м. На дне могилы находились скелеты двух детей, уложенных в яме по ее диагонали, на спине вытянуто, черепами на З. Слева от северного погребенного, у северного угла могилы стоял сосуд (Рис. 5-5), второй сосуд находился за черепом южного погребенного, ближе к ЮЗ стенке (Рис. 5-4). Во рту северного погребенного найдена пастовая бусина со спекшейся с ней железной пронизкой (Рис. 5-8,9). Кости северного погребенного были в полной сохранности, у южного — сохранился раздавленный череп, правая рука и правая часть грудной клетки. Остальные кости были найдены в норе грызуна.

Могила 22 (Рис. 5). Форма могилы подпрямоугольная, размеры 0,45х0,9 м (длинная ось ЮЗ-СВ). Глубина составила 0,75 м от современной поверхности, в материке — 8 см. На дне лежал скелет младенца на спине вытянуто, черепом на ЮЗ. Череп его был раздавлен, лучевые кости рук и кисти отсутствовали.

Могила 25 (Рис. 5). Форма могилы подпрямоугольная, размеры 0,6х1,4 м (длинная ось ЗЮЗ-ВСВ). Дно могилы находилось на глубине 1,15 м, в материке — 15 см. На дне лежал скелет подростка на спине вытянуто, черепом на ЗЮЗ. Череп его был раздавлен и слегка развернут направо. Правая рука вытянута вдоль тела, кисть левой руки располагалась на тазе.

Могила 29 (Рис. 6). Форма могилы подпрямоугольная, размеры 0,8х2,12 м (длинная ось ЮЗ-СВ). Глубина составила 0,97 м от современной поверхности, в материке — 24 см. На дне могилы найдены лежавшие в беспорядке кости человека: у ЮЗ стенки — нижняя челюсть, возможно *in situ*, в центре — черепная коробка, отдельные ребра и позвонок. Здесь же обнаружены бронзовая серьга (Рис. 6-2), дужка от другой серьги (Рис. 6-3) и обломки железных обоев (Рис. 6-4,5). Еще один кусок железа найден в СВ части могилы, у восточной стенки (Рис. 6-6). Вероятно, к этому же захоронению относятся обломки одного сосуда, найденные к СЗ от могилы 29 на глубине 0,5 м (Рис. 6-8).

Могила 30 (Рис. 6). Форма могилы подпрямоугольная, размеры 0,8х1,95 м (длинная ось ЮЗ-СВ). Глубина составила 0,9 м от современной поверхности, в материке — 20 см. На дне лежал скелет взрослого человека на спине вытянуто, черепом на ЮЗ. Череп раздавлен. К СЗ от могилы на глубине 0,7 м найден обломок пряслица (Рис. 6-1).

Могила 36 (Рис. 3). Форма могилы подпрямоугольная, размеры 0,8х1,95 (Ю) м или 0,65 (С) м (длинная ось ЮЮЗ-ССВ). Глубина от современной поверхности составила 1,0 м, в материке — 16 см. В верхней части заполнения, на глубине 0,84 м, вдоль северной стенки лежала жердь диаметром 4-6 см. На дне могилы находился скелет взрослого человека вытянуто на спине, черепом на ЮЮЗ. Череп его слегка был повернут налево, руки вытянуты вдоль тела. Между его левым коленом и северной стенкой могилы найден костяной наконечник стрелы острием вниз (Рис. 3-1).

Могила 1 (Раскоп 1998 г.) (Рис. 7). Форма могилы подпрямоугольная, размеры 2,05х0,9 м (длинная ось ЮЮЗ-ССВ). Глубина от современной поверхности — 0,68 м. На дне могилы находился скелет взрослого мужчины вытянуто на спине, черепом на ЮЮЗ. У середины левой плечевой кости лежал бронзовый кельт с сохранившейся деревянной втулкой, остатками двухслойного кожного чехла на лезвии и фрагментом кожного ремешка, проходившего через ушко (Рис. 7-2). Возле правой кисти найден бронзовый нож (Рис. 7-1). Между бедренными костями обнаружен колчанный набор, состоящий из одного бронзового (Рис. 7-20) и 16 костяных наконечников (Рис. 7-4-19). У правой стопы стоял керамический сосуд с четырьмя выступами-налепами (Рис. 7-3).

Расстояние между мог. 1, вскрытой в 1998 г., и раскопом 2000 г. составляет примерно 60 м, что позволяет говорить о довольно крупных размерах некрополя (Рис. 1). Захоронения на площади памятника располагаются нечеткими рядами. Наиболее явно прослеживаются ряды по линии СЗ-ЮВ, где могилы ориентированы друг к другу длинными сторонами (мог. 5, 1, 36, 20 и мог. 15, 29, 22, 11, 12, 21, 17). Не столь четко вычленились ряды по линии ЮЗ-СВ. Из-за небольшой площади раскопа, цепочки захоронений в этом направлении проследить затруднительно, возможно, их составляют группы по две-три могилы, ориентированные в этом направлении (Рис. 2). Подобная планировка сакрального пространства на могильном поле, с наличием своеобразной планировочной сетки захоронений по линиям ЮЗ-СВ и СЗ-ЮВ, является типичной чертой грунтовых могильников староалейской культуры (Фирсово XIV; Малый Гоньбинский Кордон I/1; Староалейка II; Обские Плесы II)⁶.

Погребальные ямы захоронений скифской эпохи на могильнике отличаются единообразием. Все они представляют собой ямы подпрямоугольной, реже овальной формы с прямыми стенками. Только в одном случае, в ограбленном захоронении 16 зафиксирован нестандартный профиль могильной ямы (Рис. 5). На дне могильной ямы прослежено по центру углубление подпрямоугольной формы, ниже дна могилы на 10 см. В нем обнаружены берцовые кости ребенка *in situ*. Из-за разрушения могилы интерпретировать данную конструкцию могильной ямы сложно. Не исключено, что углубление по центру могилы является остатками более раннего погребения, уничтоженного могилкой скифского времени.

Глубина как взрослых, так и детских могил варьирует от 0,6 до 1,15 м от дневной поверхности. По размерам в плане выделяются три группы захоронений. Первая — крупные могилы взрослых людей (мог. 5, 11, 12, 16, 21, 29, 30, 36, 1 (раск. 1998 г.)) шириной от 0,8 м до 1,05 м и длиной от 1,95 м до 2,3 м. Вторая — небольшие могилы взрослых (мог. 1, 17) шириной 0,75 м и длиной 1,65 и 1,73 м. Третья — детские захоронения (мог. 15, 20, 21, 22, 25) шириной (для одиночных) от 0,4 до 0,6 м и длиной от 0,75 до 1,4 м.

Сложных внутримогильных конструкций из дерева не прослежено. В одном погребении (мог. 12) выявлены остатки рамы из тонких жердей диаметром 2-4 см на дне могилы (Рис. 4) и в другой могиле (мог. 36) остатки одной продольной, такой же тонкой (2-4 см в диаметре), жерди, располагавшейся в 16 см над дном могилы, размещавшейся, вероятно, на небольшом уступе и служившей опорой для какого-то несохранившегося перекрытия могилы (Рис. 3). Остатки перекрытий из тонких плашек прослежены в мог. 1 и 11. В мог. 1 плашки толщиной 2-3 см обнаружены в грабительском выбросе. В мог. 11 два фрагмента продольно расположенных узких плашек шириной 3-4 см и толщиной 3-6 мм обнаружены на костях ног погребенного, еще один фрагмент такой же плашки лежал на его черепе перпендикулярно длинной оси могилы (Рис. 3). Подобные внутримогильные конструкции находят аналогии в захоронениях староалейской культуры⁷.

Зафиксировать положение костяка удалось в 11 захоронениях. Все погребенные уложены вытянуто на спине черепами на ЮЗ; в двух случаях прослежены отклонения к западу (мог. 17 и 25) или в мог. 1 (1998 г.) к югу. Незначительная вариативность прослежена в расположении рук. В двух могилах взрослых муж-

⁶ Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в до н.э. — II в. н.э. (по данным грунтовых могильников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 15 с.

⁷ Фролов Я.В. Староалейская культура (по данным погребальной обрядности) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 150-152; Он же. Погребальный обряд населения ... С. 13-14.

чин (мог. 5 и 1 (1998 г.)) руки слегка разведены в стороны (Рис. 3, 7). Также, возможно, разведены руки в детском погребении мог. 22 (Рис. 5). В захоронении подростка (мог. 25) левая рука находилась на левом крыле таза (Рис. 5). В мог. 17 у умершего кисть правой руки находилась под тазом (Рис. 4). В большинстве случаев кисти рук находились ладонями вверх. Обе кисти ладонями вниз зафиксированы только в мог. 11. В мог. 17, 25, 36 ладонью вниз располагалась кисть левой руки. В мог. 21 у одного из умерших детей ладонью вниз лежала кисть правой руки (Рис. 5).

Положение ног более устойчиво. В подавляющем большинстве они вытянуты, колени прямые. Замечены лишь единичные отклонения. Слегка согнуты и повернуты коленями вправо ноги у умершего в мог. 11 (Рис. 3). Немного согнуты в коленях и разведены в стороны ноги у ребенка в мог. 20 (Рис. 5). Положение умерших, их ориентация и даже прослеженная вариативность в положении конечностей укладываются в «стандарт» староалейской культуры⁸.

Традиции размещения инвентаря в могилах характерны для некрополей староалейской культуры. Сосуды (7 экз.) найдены в 5 могилах (мог. 11, 12, 16, 21, 1 (1998 г.)). В трех случаях они стояли в головах (мог. 12, 16, 21), еще в трех — в ногах погребенного (мог. 11, 21, 1 (1998 г.)), в мог. 12 — у левого плеча. В трех могилах обнаружены наконечники стрел. В мог. 1 (1998 г.) они входили в состав крупного колчанного набора, состоявшего из 1 бронзового и 16 костяных наконечников. В этой могиле наконечники найдены между ног умершего, в районе колен, лежащими, как и в двух других захоронениях, боевой частью к ногам (Рис. 7). Колчан мог быть положен сверху на живот погребенного. В могильниках староалейской культуры в 70% случаев наконечники стрел укладывались боевой частью к ногам умершего. Такое расположение стрел обычно для погребений скифского времени Верхнего Приобья⁹.

Характерно расположение бронзового ножа в мог. 1 (1998 г.) в районе правой кисти умершего (Рис. 7). Подобное расположение данного предмета довольно часто встречается в могильниках староалейской культуры, датирующихся в пределах VI-IV вв. до н.э. (41% погребений с ножами: Фирсово XIV (мог. 276, 312, 319; Обские Плесьи II (мог. 1, 19, 33); Малый Гоньбинский Кордон I/1 (мог. 15, 27) и сходно с размещением кинжалов в могилах скифского времени лесостепного и Горного Алтая. Из 5 случаев нахождения кинжала *in situ* в некрополях староалейской культуры в двух могилах он находился у кисти умершего и в трех — в районе пояса на тазе, но в этих случаях неясно положение рук погребенного. Три кинжала из могильника Новотроицкое II также располагались у кисти (к. 5, мог. 3; к. 7, мог. 6; к. 8, мог. 2). На пазырыкских могильниках Горного Алтая кинжалы найдены в большинстве случаев справа от погребенного, у правого бедра; в некоторых могилах кинжал заменялся ножом¹⁰. Не исключено, что и на Тузовских Буграх I возможно говорить о варианте замены кинжала ножом, тем

⁸ Тур С.С., Фролов Я.В. Половозрастная дифференциация смертности и ее отражение в погребальном обряде населения староалейской культуры (по материалам могильника Фирсово 14) // V конгресс этнографов и антропологов России. М., 2003. С. 238.

⁹ Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. С. 28.

¹⁰ Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. С. 57; Он же. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. С. 61; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть. II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. С. 74; Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть. III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катун. Барнаул, 2004. С. 56.

более, что остальные находки из мог. 1 (1998 г.) — кельт-топор, колчанный набор свидетельствуют о воинском характере погребения.

Инвентарь из захоронений скифского времени не богат, но довольно разнообразен. Наиболее яркими являются находки из мог. 1 (1998 г.).

Кельт с лобным ушком, бронзовый, имеет небольшие размеры (3,6х2,7х6,4 см). Втулка овальной формы, по краю которой оформлен слабо выраженный валик. Лезвие округлой формы. На одной из боковых сторон имеется ушко — небольшая петелька округлой формы. В петле были зафиксированы остатки кожаного ремешка, а на самом кельте — остатки двухслойного кожаного изделия, закрывающего лезвие, вероятно, чехла (Рис. 7-2). Наиболее близкие аналогии кельт данного типа находит в материалах староалейских некрополей. Он практически идентичен кельту из мог. 276 некрополя Фирсово XIV¹¹, а также из могильника Староалейка II¹². Из сборов с площади могильника Ближние Елбаны VII происходит еще одно такое же изделие¹³. Кельт с лобным ушком близкий найденному на Тузовских Буграх, обнаружен в окрестностях с. Смоленское в северных предгорьях Алтая¹⁴. Скорее всего, с Ближних Елбанов происходят хранящиеся в Горно-Алтайском музее кельты из коллекции Н.С. Гуляева, опубликованные как происходящие с территории Горного Алтая¹⁵. Такое же происхождение могут иметь и кельты, хранящиеся в Алтайском государственном краеведческом музее, у которых ошибочно указано место находки (Усть-Балыкса)¹⁶, однако в последнем случае такой вывод не является окончательным. Кельты с лобным ушком встречаются довольно широко в азиатской части скифского мира. Подобные изделия найдены в Усть-Шилкинском могильнике¹⁷ и у саков Приаралья, где они датируются VII-V вв. до н.э.¹⁸

Наконечник стрелы бронзовый трехлопастной втульчатый, имеет трехгранную боевую головку и сильно выступающую прорезную втулку (размеры 3,5х1,1 см). Три выреза на втулке имеют клиновидную форму (Рис. 7-20). Наиболее близкая аналогия наконечнику происходит с поселения староалейской культуры Обские

¹¹ Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. Рис. 1-16.

¹² Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник Староалейка II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. Рис. 13-4; Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI-V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. Рис. 1-17.

¹³ Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА № 48. М.; Л., 1956. Табл. XIV-9.

¹⁴ Абдулганеев М.Т. «Неизвестные» памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. Рис. 1-3.

¹⁵ Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. Рис. 6-13,14; Суразаков А.С. Некоторые материалы эпохи раннего железа из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. Табл. VI.

¹⁶ Абдулганеев М.Т. «Неизвестные» ... Рис. 1-2,4.

¹⁷ Мандрыка П.В. Ранний железный век подтаежной зоны Среднего Енисея: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998. Рис. 1.

¹⁸ Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. М., 1973. Табл. IX-20; XXVII-14; Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. М., 1996. Рис. 19-16.

Плеса I¹⁹. Трехлопастной наконечник с сильно выступающей втулкой найден в староалейском могильнике Клепиково I²⁰. Так же как и кельты с лобным ушком, данный тип наконечников встречается довольно редко, но на значительных территориях и характерен для азиатской части скифского мира. Восточнее Верхнего Приобья они встречены в Туве в VIII-VII вв. до н.э.²¹ или в VII-VI вв. до н.э.²² В Минусинской котловине похожие наконечники, но без прорезной втулки, отнесены Н.Л. Членовой к VI-IV вв. до н.э.²³ Г.Е. Иванов трехлопастные наконечники с выступающей втулкой из лесостепного Алтая датирует VI-IV вв. до н.э.²⁴ Западнее Верхнего Приобья наконечники с прорезными втулками встречаются в Южном Приуралье и Северном Казахстане в VII-V вв. до н.э.²⁵, Приуралье в VII-сер. VI вв. до н.э.²⁶, а также на Памире²⁷, в Средней Азии, Центральном и Восточном Казахстане²⁸.

Небольшие костяные черешковые наконечники стрел — обычная находка для колчанных наборов староалейской культуры. Их на могильнике Тузовские Бугры I найдено 20 экземпляров (16 — мог. 1 (1998) (Рис. 7-4-19); 2 — мог. 5 (Рис. 3-3,4); 36 — мог. 1 (Рис. 3-1); 1 — у мог. 16 (Рис. 5-1). По размерам наконечники можно разделить на две группы — средних размеров (от 7,35 см до 4,65 см) и миниатюрные (от 3,8 см до 2,3 см). Изделия из первой группы имеют сходные формы и пропорции. Это трехгранные наконечники с удлиненной сводчатой боевой головкой. Концы ребер боевой головки оформлены в виде слегка опущенных книзу коротких окончаний — шипов подтреугольной формы. Один из наконечников этой группы имеет характерную башневидную форму головки (Рис. 7-5). Насад у подобных предметов короткий, округлый в сечении, имеет уплощение на конце. На трех из этих наконечников на уплощенной части насада имеются насечки, создающие рифленую поверхность для более надежного крепления древка (Рис. 3-3,4; 7-7). Наконечники стрел второй группы имеют более разнообразную форму (Рис. 7-11-19). Один из них копирует образцы первой группы и отличается только размерами (2,3 см) (Рис. 7-18). Остальные наконечники имеют как ромбическую, так и уплощенную в разрезе форму боевой головки. Выделяются экземпляры с короткой и широкой боевой частью. Один из

¹⁹ Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 86. Рис. 10-1.

²⁰ Фролов Я.В. Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково I (по материалам М.Д. Копытова и С.М. Сергеева 1925, 1928 гг.) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. Рис. 1-3.

²¹ Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. Вкладка III, Табл. I. Рис. 24.

²² Членова Н.Л. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. С. 51. Рис. 5-78.

²³ Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. С. 44-45, табл. 12-33, 41.

²⁴ Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 57-61.

²⁵ Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Курганы у с. Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 65.

²⁶ Вишневская О.А. Культура сакских... Рис. 8-10; Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи. М., 1997. С. 65; Рис. 31-7.

²⁷ Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». М., 1972. С. 97; табл. 34-10-12.

²⁸ Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Курганы у с. Обручевка... Рис. 3-1е; С. 65.

наконечников только с одной стороны имеет вырез, отделяющий боевую часть от насады, и по форме напоминает крючок (Рис. 7-16). В целом, создается впечатление, что наконечники второго типа сделаны довольно небрежно и, возможно, изготовлены специально для погребения, т.е. являются votivnymi предметами.

Костяные наконечники из могильника Тузовские Бугры I датируются в широких пределах. П.И. Шульга наконечники из мог. 1 (1998 г.) относит к VII-VI вв. до н.э.²⁹, VI — первой половиной V вв. до н.э. датирует наконечники подобных форм Л.С. Марсадалов³⁰.

Нож бронзовый пластинчатый с прямой спинкой имеет длинную черенковидную рукоять и короткое узкое лезвие клиновидной формы (Рис. 7-1). Ножи подобных форм распространены в некрополях староалейской культуры (Клепиково I; Фирсово XIV; Обские Плесы II; Малый Гоньбинский Кордон I/1)³¹. Они известны также в быстрианских памятниках (Аэродромный, Тесьпа, Усть-Иша I, Точильное I)³² и в некрополях скифского времени на Средней Катуни³³. Датируются они в пределах VI-IV вв. до н.э. Для других территорий ножи подобного типа менее характерны³⁴.

Оселки с могильника Тузовские Бугры I представлены обломками двух предметов (Рис. 3-4; 4-5). Оба они плоские и подпрямоугольные в сечении. Концы также имеют подпрямоугольную форму. На одном из обломков имеется сквозное отверстие круглой формы (Рис. 3-4). Другой оселок имеет узкую и длинную рабочую часть (Рис. 4-5). Изделия данного типа — распространенная находка для памятников скифского времени лесостепного Алтая. Основная их масса датируется в пределах VII-III вв. до н.э.³⁵

²⁹ Шульга П.И. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 54.

³⁰ Марсадалов Л.С. Основные тенденции в изменении форм наконечников стрел на Алтае в конце IX-IV вв. до н.э. // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. Табл. 1; Рис. 1-14.

³¹ Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Могила раннескифского времени около Барнаула // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. Рис. 1; Фролов Я.В. Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково I... С. 136, 140; Рис. 2-1, 3; Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плесы II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. Рис. 4; Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-I в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. Рис. 1-14-16.

³² Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Раскопки могильника Аэродромный в Бийске // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. Рис. 1-2, 17; Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х. К археологической карте Красногорского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. Рис. 1-2-11; Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск: памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. Рис. 4; Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрианской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. Рис. 5-4.

³³ Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха... Рис. 32-1-6.

³⁴ Фролов Я.В. Грунтовый могильник раннего железного века... С. 140.

³⁵ Могильников В.А. Население Верхнего Приобья... С. 69-70; Фролов Я.В., Папин Д.В. О трансформации культурных традиций населения Кулундинской равнины в VIII-VI вв. до н.э. // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 38.

Пряслица, найденные на Тузовских Бутрах I (два целых (Рис. 4-3,4) и обломок третьего (Рис. 6-1)) имеют сечение трапецевидной формы и орнамент на одной из сторон в виде заштрихованных сегментов. У одного из них орнаментирована наклонными резными линиями и боковая сторона (Рис. 4-4). Пряслица подобных форм и с такой же орнаментацией являются характерной принадлежностью женских погребений староалейской культуры и одним из основных культурно-дифференцирующих предметов. Следует отметить, что орнамент в виде ленты, заполненной взаимопроникающими заштрихованными треугольниками, встречен на ряде сосудов староалейской культуры: в могильниках Обские Плесы II, Ближние Елбаны III, Клепиково I, Фирсово XIV, поселении Обские Плесы II и т.д.³⁶ В некрополях других культур скифского времени пряслица с подобной орнаментацией нам не известны³⁷.

Из украшений на могильнике найдены серьги. Одна из них имеет круглую дужку и подвеску в виде свернутого из бронзового листа конуса (Рис. 4-6). Серьга данного типа занимает промежуточное положение между золотыми серьгами с подвеской-конусом, украшенной зернью, привесками из бисера, характерными для раннескифских памятников³⁸, и более поздними серьгами с восьмерковидной дужкой и колоколовидной подвеской с петелькой³⁹. Серьга из могильника Тузовские Бутры I имеет довольно архаичную форму — кольцевую дужку и подвеску в виде полого конуса, имеющую отверстие в верхней части, через которое и продета дужка, что сближает ее с раннескифскими образцами. Похожие серьги встречены в раннетагарских комплексах и датируются VII-VI вв. до н.э.⁴⁰

Серьга с подвеской-бусиной входила в пару с описанным выше украшением. Сохранилось изделие довольно плохо. Имеется кольцевая дужка из тонкой округлой в сечении бронзовой проволоки, аналогичная дужке серьги с конусом, и округлая керамическая бусина-подвеска диаметром 5 мм (Рис. 4-7,8). Способ крепления бусины к дужке неясен. Серьги с подвесками-бусинами появляются на

³⁶ Фролов Я.В. Грунтовый могильник раннего железного века... Рис. 2-3; Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник... Рис. 4-6; Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников... Рис. 1-2.

³⁷ Фролов Я.В. О пряслицах раннего железного века Верхнего Приобья как культурно-диагностирующем признаке // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 75-82; Он же. Староалейская культура... С. 150-154; Он же. Погребальный обряд населения... С. 18.

³⁸ Завитухина М.П. Курганы у села Быстрянского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. Л.; М., 1966. Вып. 8. Рис. 2,3; Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. С. 141; Рис. 10, 1е; Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I / САИ. М.; Л., 1962. Вып. ДЗ-9. Рис. 2, 3; Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 38; Семенов Вл.А. Синхронизация и хронология памятников Алды-бельского типа в Туве // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999; Ширин Ю.В. Погребальные памятники эпохи раннего железа на юге Кузнецкой котловины // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6. Рис. 3-1.

³⁹ Могильников В.А. Население... Рис. 55а, 3, 20-21; Авраменко В.И., Фролов Я.В. Новые находки эпохи раннего железа с территории г. Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 182. Рис. 1-6; Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960. Табл. VIII-125.

⁴⁰ Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. М., 1997. С. 21; Табл. 1-92; Рис. 21-8, 25-8.

Алтае в начале скифского времени и бытуют довольно продолжительное время вплоть до эпохи средневековья⁴¹.

Серьга проволочная бронзовая со спиралевидным окончанием сделана из отрезка тонкой округлой в сечении проволоки, один конец закручен в спираль (Рис. 6-2). С территории лесостепного Алтая похожая серьга происходит из могильника Новотроицкое I V-III вв. до н.э.⁴² Встречаются серьги со спиралевидными окончаниями в Причерноморье, где датируются в пределах VI-III вв. до н.э.⁴³ Пару этой серьге составляло еще одно похожее изделие из бронзовой проволоки. Его форму из-за плохой сохранности установить не удалось (Рис. 6-3).

К украшениям — деталям прически следует отнести костяную шпильку-заколку. Она представляет собой небольшой округлый в сечении стерженек, приостренный и зашлифованный на одном конце, и имеющий расширение неправильной формы на другом (Рис. 4-2). Изделия подобного рода в единичных экземплярах встречаются в памятниках староалейской культуры⁴⁴.

Бусы найдены в двух погребениях могильника. Из трубчатых костей птицы изготовлены 4 пронизы. Они имеют длину 17-22 мм и диаметр 3-4 мм (мог. 17) (Рис. 4-10-12,14). Из этой же могилы происходит плоская глиняная подвеска диаметром 18 мм и толщиной 4-5 мм. В торцевой части подвески имеется сквозное отверстие диаметром около 2 мм (Рис. 4-9). В ожерелье из мог. 17 входят также изготовленные из белой стекловидной пасты биконическая бусина и цилиндрическая пронизка (Рис. 4-13,15). Бусина имеет наибольший диаметр 7 мм и отверстие диаметром 1-1,5 мм, пронизка длиной 6 мм имеет диаметр 4 мм и отверстие диаметром 1 мм. По форме она близка костяным пронизкам. Уплощенно-округлая бусина диаметром 7 мм и толщиной 5 мм происходит из мог. 21 (Рис. 5-9). Она сделана из стекловидной пасты. К ней прикипел сильно корродированный фрагмент небольшой железной пронизки длиной 1,5 см и диаметром 7 мм (Рис. 5-8). Диаметр отверстия у обоих изделий достигает 3 мм. Железные бусины встречаются в ожерельях, найденных в староалейских могильниках⁴⁵.

Обломки железных портупейных обойм найдены в ограбленной мог. 29 (5-6 экз.) (Рис. 6-4-6); три из них спеклись между собой (Рис. 6-4). Размеры обойм различны: до 1,6х1,3 см, толщина от 2 до 4 мм; размеры отверстий от 2х9 мм до 5х10 мм. Из железа были изготовлены также однолезвийные ножи, найденные в обломках в мог. 16 и рядом с ней (Рис. 5-2,3). Ширина лезвий этих ножей составляла 1,6-2,8 см., толщина у обуха — 3-4 мм.

В погребениях могильника Тузовские Бугры I обнаружено 9 керамических сосудов, которые можно разделить на три типа.

Первый тип — миски (3 экз.), все открытые, плоскодонные (мог. 29) или круглодонные (мог. 1, 21), имеют небольшие размеры при диаметре устья 10-12 см и высоте 4-5 см. Только одна из них (мог. 1) орнаментирована в верхней части рядом мелких насечек (Рис. 5-4; 6-7,8).

Второй тип — банка (1 экз. (мог. 12)) имеет небольшие размеры и закрытое устье. Диаметр сосуда 10,5 см, высота 11,5 см. Тулово по диаметру немного шире устья. Банка орнаментирована в верхней части рядом жемчужин, разделенных округлыми ямками (Рис. 4-1).

⁴¹ Могильников В.А. Население Верхнего Приобья... С. 75-76.

⁴² Там же. Рис. 55а-24.

⁴³ Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. / САИ. М., 1978. Вып. Д 4-5. С. 28,29; Табл. 18-13-16.

⁴⁴ Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс... Рис. 1-31.

⁴⁵ Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской... С. 91.

Третий тип — горшковидные сосуды (5 экз.). Среди них выделяется два подтипа. К первому относятся сосуды из мог. 16 и 21. Они небольших размеров при диаметре устья 8,5-9,5 см и высоте 10 см. Хорошо выраженные венчики имеют высоту около 1,2 см. Один из сосудов украшен по шейке рядом жемчужин, разделенных ямочными вдавлениями (Рис. 5-5), второй имеет два противостоящих сквозных отверстия для подвешивания (Рис. 5-6). Сосуды из мог. 1 (1998 г.), 11 и 16 относятся ко 2 подтипу (Рис. 3-5; 5-7). Они значительно большего размера: диаметр венчика у сосуда из мог. 11 составляет 14 см, высота 22 см, тулово его раздуто в средней части и имеет диаметр 20,5 см. Венчик прямой с небольшим напылом по краю, имеет высоту 3 см. По венчику располагается ряд жемчужин, разделенных косыми длинными насечками. Ниже жемчужин имеются 4 парных противостоящих сквозных отверстия для подвешивания (Рис. 3-5). У второго сосуда сохранилась полностью только нижняя часть, судя по которой он имел сходные с первым размеры и пропорции. Обломки верхней части от него были найдены в грабительском выбросе. По венчику сосуд был украшен почти так же, как и сосуд из мог. 11 (Рис. 5-7).

К ним примыкает сосуд из мог. 1 (1998 г.) (Рис. 7-3). Его диаметр 15 см, высота 18 см. Тулово раздуто в верхней части до 19 см в диаметре. Венчик слегка отогнут и имеет высоту около 2 см. По шейке расположен ряд жемчужин, разделенный отпечатками уголка лопаточки. Здесь же находятся четыре противостоящих друг другу симметричных конусообразных налета-выступа, шириной в основании до 1 см и высотой до 2 см (Рис. 7-3).

Полных аналогий данному изделию нам не известно, но три сосуда со сходным налечами обнаружены на одном из некрополей староаляйской культуры Фирсово XIV, датирующемся VI-V вв. до н.э.⁴⁶. Налепы подобной формы встречаются относительно редко, но разброс аналогий довольно велик. Это памятники красноярского и лесостепного вариантов тагарской культуры на востоке, датируемые IV-II вв. до н.э.⁴⁷, и могильники сарматского времени из Ставрополя, Северного Кавказа⁴⁸ и Южного Приуралья⁴⁹ на западе.

⁴⁶ Шамшин А.Б., Фролов Я.В. Погребение гунно-сарматского времени из могильника Фирсово XIV // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Часть 2. С. 138-141; Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники ранне-го железного века... С. 220.

⁴⁷ Дзвлет М.А. Керамика позднетагарских курганов Красноярского района // СА. 1964. № 2. Рис. I-II; Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. Табл. XXVII-24; Мартынов А.И. Хронология и периодизация памятников лесостепной тагарской культуры // ИЛАИ. Кемерово, 1976. Вып. 7. Рис. 6, 5, 6; Он же. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. Табл. 26; 36, 4-6, 16; Мартынов С.В. Форма посуды как хронологический и этнический индикатор культур железного века Среднего Енисея // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 86; Николаев Р.В. Раскопки тагарского кургана в окрестностях Красноярска в 1957 г. // Древняя Сибирь. Новосибирск, 1966. Вып. 2. Рис. 5, 1, 2; Он же. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. Рис. 2; Членова Н.А. Происхождение... Табл. 42, 13.

⁴⁸ Абрамова М.П., Петренко В.Г. Погребения сарматского времени из Ставрополя // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. Рис. 1, 3, 6; С. 41-42.

⁴⁹ Мошкова М.Г., Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Археологические исследования в Западном Казахстане // АО 1969 года. М., 1970. С. 394-396; Мошкова М.Г., Кушаев Г.А. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. Рис. 1, 6; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. Рис. 10-26.

Имеющийся инвентарь позволяет датировать могильник Тузовские Бутры I в рамках VII-IV вв. до н.э. Относительно узко датируется погребение 1 из раскопа 1998 г. В нем найдены надежно датирующиеся предметы (бронзовый наконечник стрелы с прорезной сильно выступающей втулкой, бронзовый кельт с лобным ушком и ланцетовидный нож), которые были распространены в VII-V вв. до н.э. По имеющимся материалам трудно определить, есть ли хронологический разрыв между погребениями из раскопов 1998 и 2000 гг. Инвентарь из могил раскопа 2000 г. датируется несколько шире: VII-IV вв. до н.э. Однако находка довольно архаичной серьги с конусовидной подвеской свидетельствует о хронологической близости могил на разных концах некрополя. Погребальная обрядность могильника Тузовские Бутры I характерна для развитой «классической» стадии староалейской культуры и ближайшие аналогии находит в материалах могильников Фирсово XIV и Обские Плесы II. Последний памятник расположен в 17 км севернее некрополя Тузовские Бутры I.

Обнаружение могильника староалейской культуры на протоке Заломная еще раз демонстрирует высокую плотность распространения данного типа памятников в Барнаульском Приобье на участке правобережной поймы от с. Клепиково до с. Мыльниково. Здесь староалейские некрополи располагаются вдоль берега р. Оби на расстоянии 15-30 км друг от друга. Это свидетельствует о том, что в VI-IV вв. до н.э. пойма р. Оби в Барнаульском Приобье была достаточно плотно заселена.

ЛИТЕРАТУРА:

Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул, 1994. С. 37-43.

Абдулганеев М.Т. «Неизвестные» памятники раннего железного века в северных предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1996. С. 128-134.

Абдулганеев М.Т. Раскопки в предгорном и лесостепном Алтае // АО 2000 года. М., 2001. С. 193, 196.

Абдулганеев М.Т., Кадиков Б.Х. К археологической карте Красногорского района // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 64-67.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф. Погребение раннебронзового века из могильника Тузовские Бутры I // Северная Азия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 4-6.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Кадиков Б.Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52-77.

Абдулганеев М.Т., Кирюшин Ю.Ф., Пугачев Д.А., Шмидт А.В. Предварительные итоги исследований могильника Тузовские бутры 1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Том VI. С. 206-210.

Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Могила раннескифского времени около Барнаула // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1990. С. 97-104.

Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстринской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 143-155.

Абрамова М.П., Петренко В.Г. Погребения сарматского времени из Ставрополя // Памятники Евразии скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 35-55.

Авраменко В.И., Фролов Я.В. Новые находки эпохи раннего железа с территории г. Барнаула // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 181-184.

Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960. 440 с.

Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Раннесредневековые находки с Борковских Елбанов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V. Часть 2. С. 153-160.

Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник староалейской культуры Обские Плеса II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 88-114.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н.э. М., 1973. 160 с.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Курганы у с. Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 53-66.

Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980. 256 с.

Грязнов М.П. История древних племен верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка / МИА. № 48. М.; Л., 1956. 256 с.

Дэвлет М.А. Керамика позднетагарских курганов Красноярского района // СА. 1964. № 2. С. 205-210.

Завитухина М.П. Курганы у села Быстринского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. Л.; М., 1966. Вып. 8. С. 61-77.

Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 56-62.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки нижней Сырдарьи. М., 1997. 188 с.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник Староалейка II // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 115-134.

Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск: памятники археологии // Бийск. Бийский район. Памятники истории и культуры. Бийск, 1992. С. 7-47.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть III. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катун. Барнаул, 2004. 292 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть II. Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул, 2003. 233 с.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951. 643 с.

Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987. 301 с.

Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск, 1992. 219 с.

Кулемзин А.М. Татарские бронзовые наконечники стрел // Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху. Кемерово, 1976. С. 43-56.

Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-I в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 92-98.

Кунгуров А.Л., Кунгурова Н.Ю. Раскопки могильника Аэродромный в Бийске // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 77-89.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «крыши мира». М., 1972. 270 с.

Мандрыка П.В. Ранний железный век подтаежной зоны Среднего Енисея: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998. 18 с.

Марсадоллов Л.С. Основные тенденции в изменении форм наконечников стрел на Алтае в конце IX-IV вв. до н.э. // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 36-43.

- Мартынов А.И. Хронология и периодизация памятников лесостепной тагарской культуры // ИЛАИ. Кемерово, 1976. Вып. 7. С. 3-29.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979. 208 с.
- Мартынов С.В. Форма посуды как хронологический и этнический индикатор культур железного века Среднего Енисея // Культурногенетические процессы в Западной Сибири. Томск, 1993. С. 84-86.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине—второй половине I тысячелетия до н.э. М., 1997. 196 с.
- Мошкова М.Г., Кушаев Г.А. Сарматские памятники Западного Казахстана // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973. С. 258-268.
- Мошкова М.Г., Кушаев Г.А., Железчиков Б.Ф. Археологические исследования в Западном Казахстане // АО 1969 года. М., 1970. С. 394-396.
- Николаев Р.В. Раскопки тагарского кургана в окрестностях Красноярска в 1957 г. // Древняя Сибирь. Новосибирск, 1966. Вып. 2. С. 196-207.
- Николаев Р.В. Красноярский вариант тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Кемерово, 1980. С. 239-247.
- Петренко В.Г. Украшения Скифии VII-III вв. до н.э. / САИ. М., 1978. Вып. 44-5. 144 с.
- Пугачев Д.А. Новые археологические памятники у с. Мезенцево // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1997. Вып. VIII. С. 79-82.
- Пугачев Д.А. Разведка в Алтайском и Калманском районах Алтайского края // АО 1995 года. М., 1997. С. 363-364.
- Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I / САИ. М.; Л., 1962. Вып. Д3-9. 52 с. + 27 табл.
- Семенов Вл.А. Синхронизация и хронология памятников Алды-бельского типа в Туве // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 165-169.
- Семенов Вл.А. Проблема выделения хронологических индикаторов в скифских комплексах V-IV вв. до н.э. в Туве // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 179-182.
- Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект. Саратов, 1990. 299 с.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. М., 1964. 377 с.
- Суразаков А.С. Некоторые материалы эпохи раннего железа из Горного Алтая // Известия лаборатории археологии. Горно-Алтайск, 1997. Вып. 2. С. 85-93.
- Тур С.С., Фролов Я.В. Половозрастная дифференциация смертности и ее отражение в погребальном обряде населения староалейской культуры (по материалам могильника Фирсово XIV) // V конгресс этнографов и антропологов России. М., 2003. С. 238.
- Фролов Я.В. Грунтовый могильник раннего железного века Клепиково I (по материалам М.Д. Копытова и С.М. Сергеева 1925, 1928 гг.) // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 135-143.
- Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI-V вв. до н.э. в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 211-219.
- Фролов Я.В. О пряслицах раннего железного века Верхнего Приобья как культурно-диагностирующем признаке // Актуальные вопросы истории Сибири. Барнаул, 2000. С. 75-82.
- Фролов Я.В. Староалейская культура (по данным погребальной обрядности) // Историко-культурное наследие Северной Азии. Барнаул, 2001. С. 149-155.

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в до н.э. — II в. н.э. (по данным грунтовых могильников): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2004. 23 с.

Фролов Я.В., Папин Д.В. О трансформации культурных традиций населения Кулундинской равнины в VIII-VI вв. до н.э. // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 31-42.

Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999. С. 219-226.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967. 300 с.

Членова Н.Л. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археологический вестник. СПб., 1993. С. 49-77.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. М., 1997. 98 с.

Шамшин А.Б., Фролов Я.В. Погребение гунно-сарматского времени из могильника Фирсово XIV // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1995. Вып. V, Часть 2. С. 138-141.

Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 69-88.

Ширин Ю.В. Погребальные памятники эпохи раннего железа на юге Кузнецкой котловины // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6. С. 5-40.

Шмидт А.В. Разведочные работы в районе протоки Заломная // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 127-131.

Шмидт А.В. Неолитические-энеолитические материалы, разведанные В.Б. Бородаевым и А.Л. Кунгуровым с протоки Заломная 1977-1978 гг. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2000. Вып. XI. С. 88-91.

Шмидт А.В., Служак И.В. Новый грунтовый могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул, 1999. Вып. X. С. 110-112.

Шульга П.И. Ранние костяные наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 2002. С. 43-61.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья. М., 1996. 186 с.

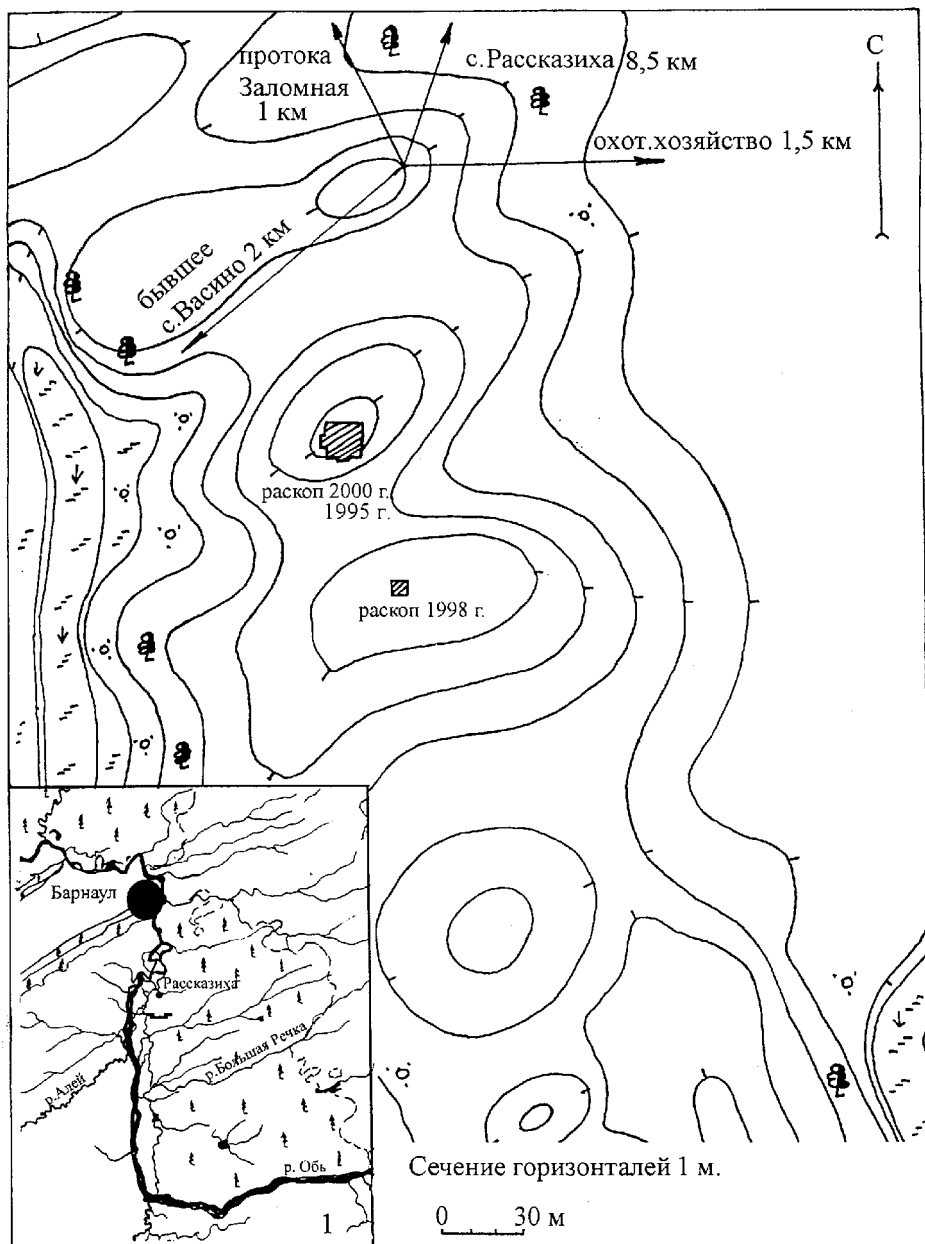

Рис. 1. План расположения раскопов на могильнике Тузовские Бугры I и обозначение могильника на карте-схеме Барнаульского Приобья.

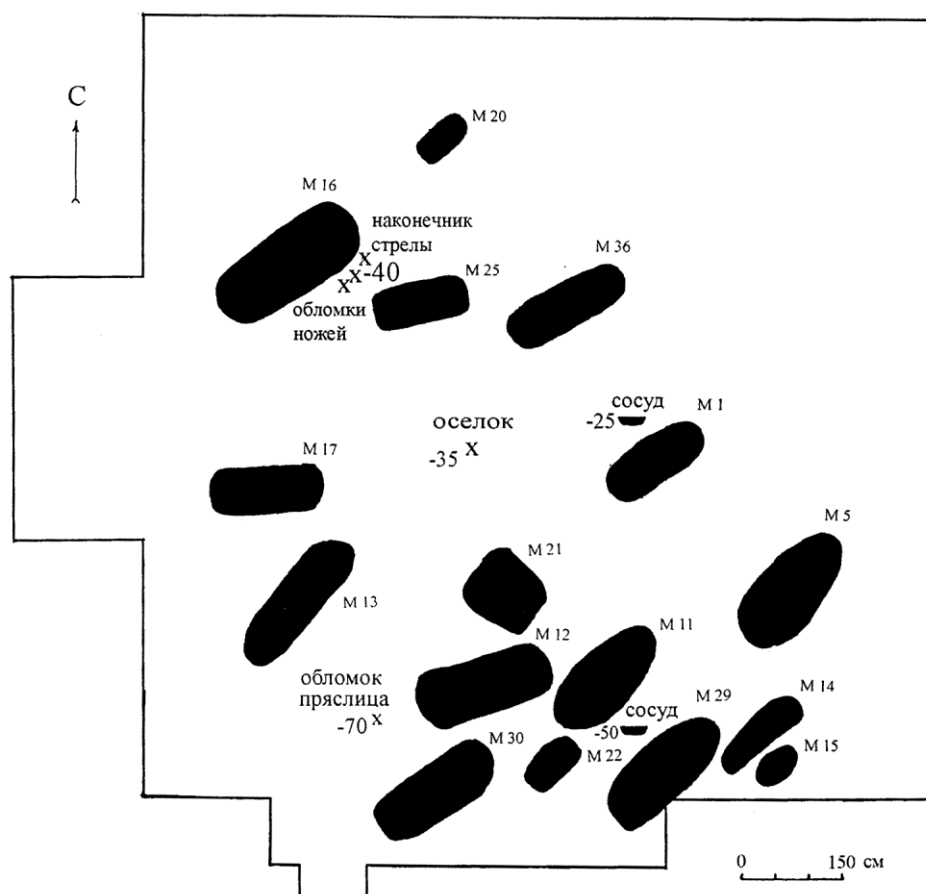

Рис. 2. Могильник Тузовские Бугры I.
Общий план комплекса захоронений скифского времени.

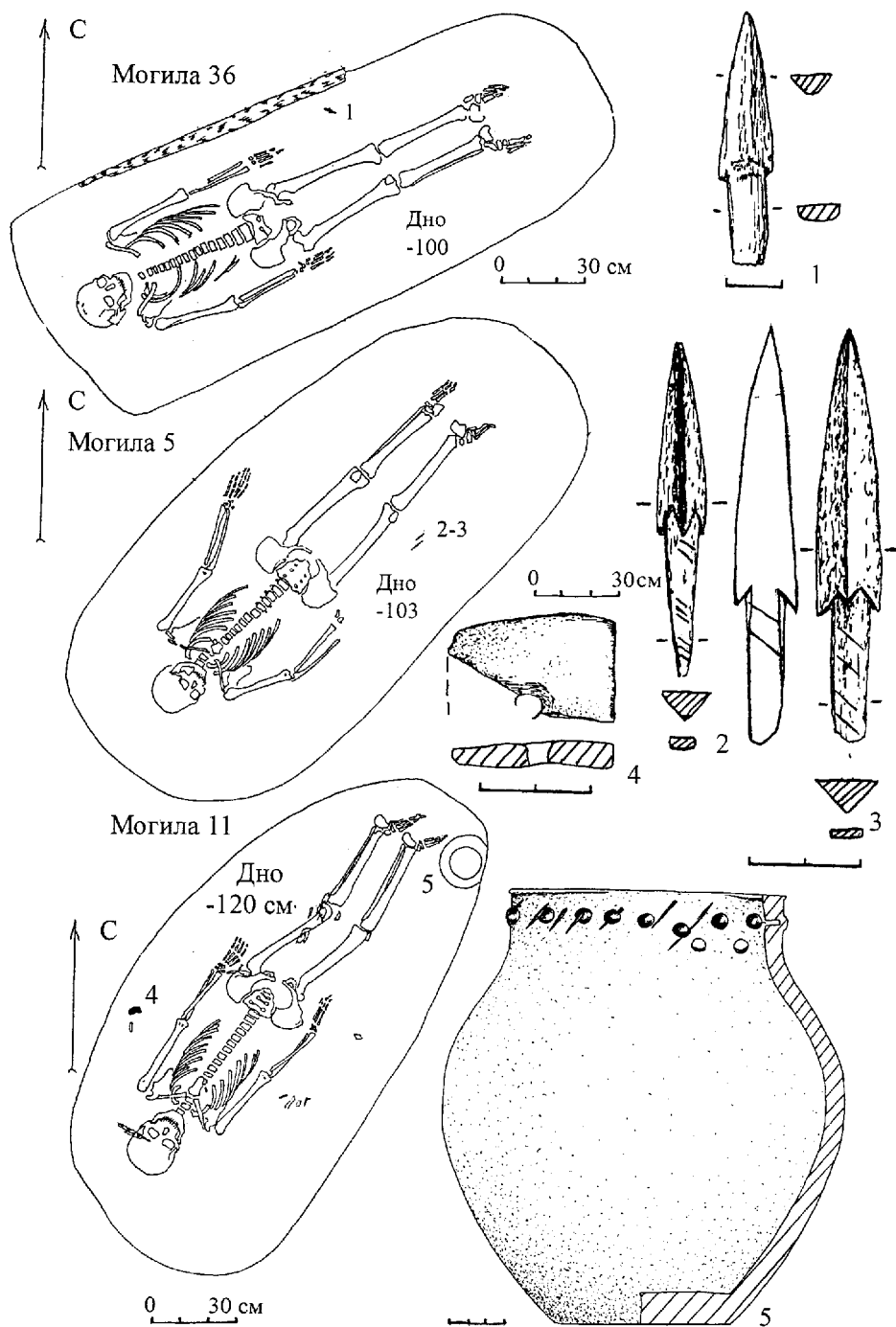

Рис. 3. Могильник Тузовские Бугры I. Планы могил 5, 11, 36.
1-5 — вещи из погребений. 1-3 — наконечники стрел; 4 — обломок оселка;
5 — сосуд. 1-3 — кость; 4 — камень; 5 — керамика.

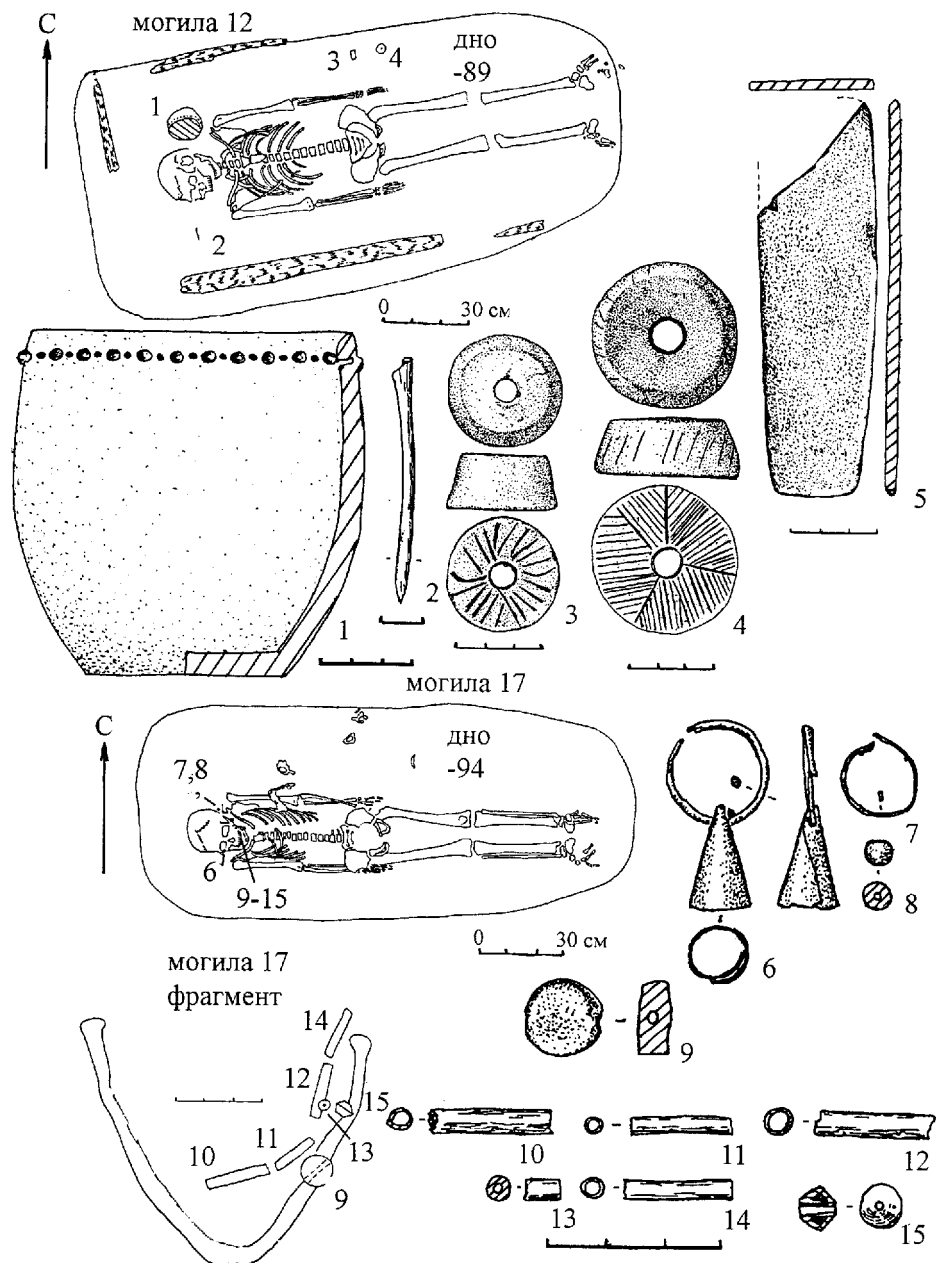

Рис. 4. Могилище Тузовские Бугры I. Планы погребений 12 и 17.
 Вещи из погребений: 1-4 — мог. 12; 5 — межмогильное пространство;
 6-15 — мог. 17. 1 — сосуд; 2 — шпилька-заколка; 3, 4 — пряслица;
 5 — оселок; 6 — серьга с конусовидной подвеской; 7 — дужка серьги;
 8 — бусина-подвеска серьги; 9 — подвеска; 10-12, 14 — пронизи;
 13, 15 — бусины. 1, 3, 4, 8, 9 — керамика; 10-12, 14 — кость; 6, 7 — бронза;
 13, 15 — стекловидная паста.

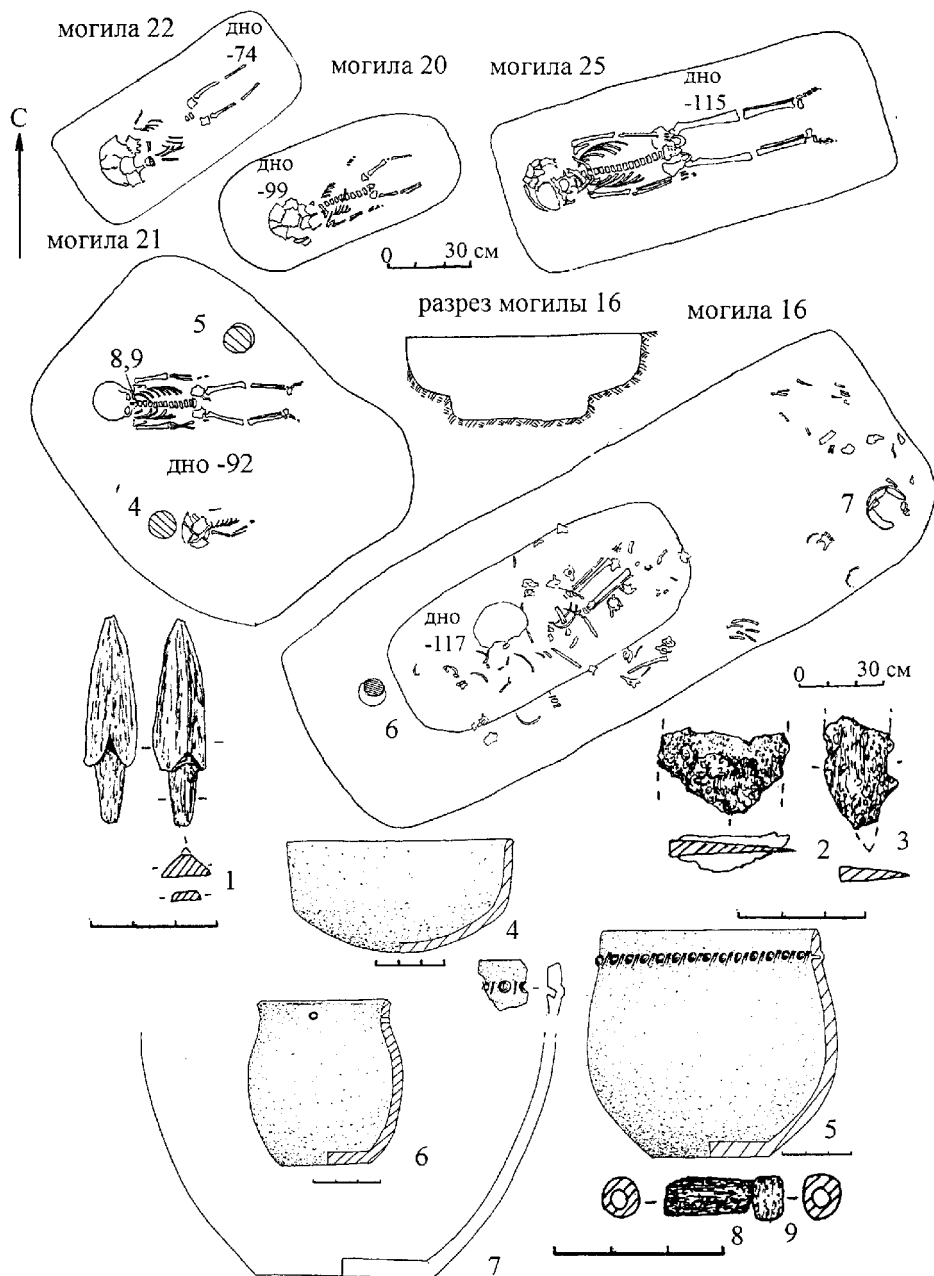

Рис. 5. Могильник Тузовские Бугры I. Планы погребений 16, 20-22, 25.

Инвентарь из могил: 4, 5, 8, 9 — мог. 21; 6, 7 — мог. 16;

1-3 — около мог. 16. 1 — наконечник стрелы; 2, 3 — обломки ножей;
4-7 — сосуды; 8 — пронизь; 9 — бусина. 1 — кость; 2, 3, 8 — железо;
4-7 — керамика; 9 — стекловидная паста.

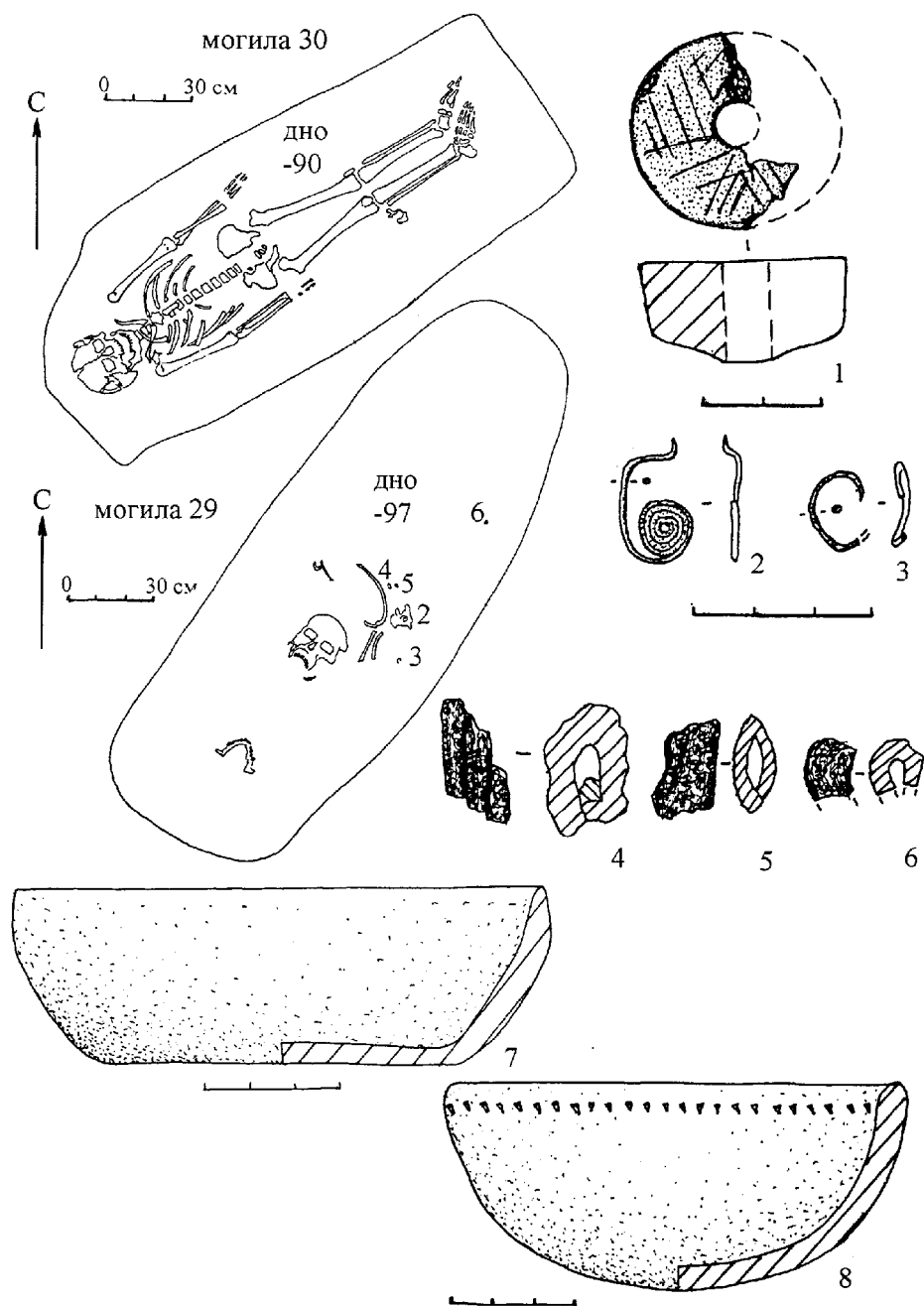

Рис. 6. Могильник Тузовские Бугры I. Планы погребений 29, 30.
 Вещи из погребений и межмогильного пространства: 1 — около мог. 12 и 30;
 2-6 — мог. 29; 7 — около мог. 1; 8 — около мог. 29. 1 — пряслище;
 2, 3 — серьги; 4-6 — портупейные пронизи; 7, 8 — сосуды.
 1, 7, 8 — керамика; 2, 3 — бронза; 4-6 — железо.

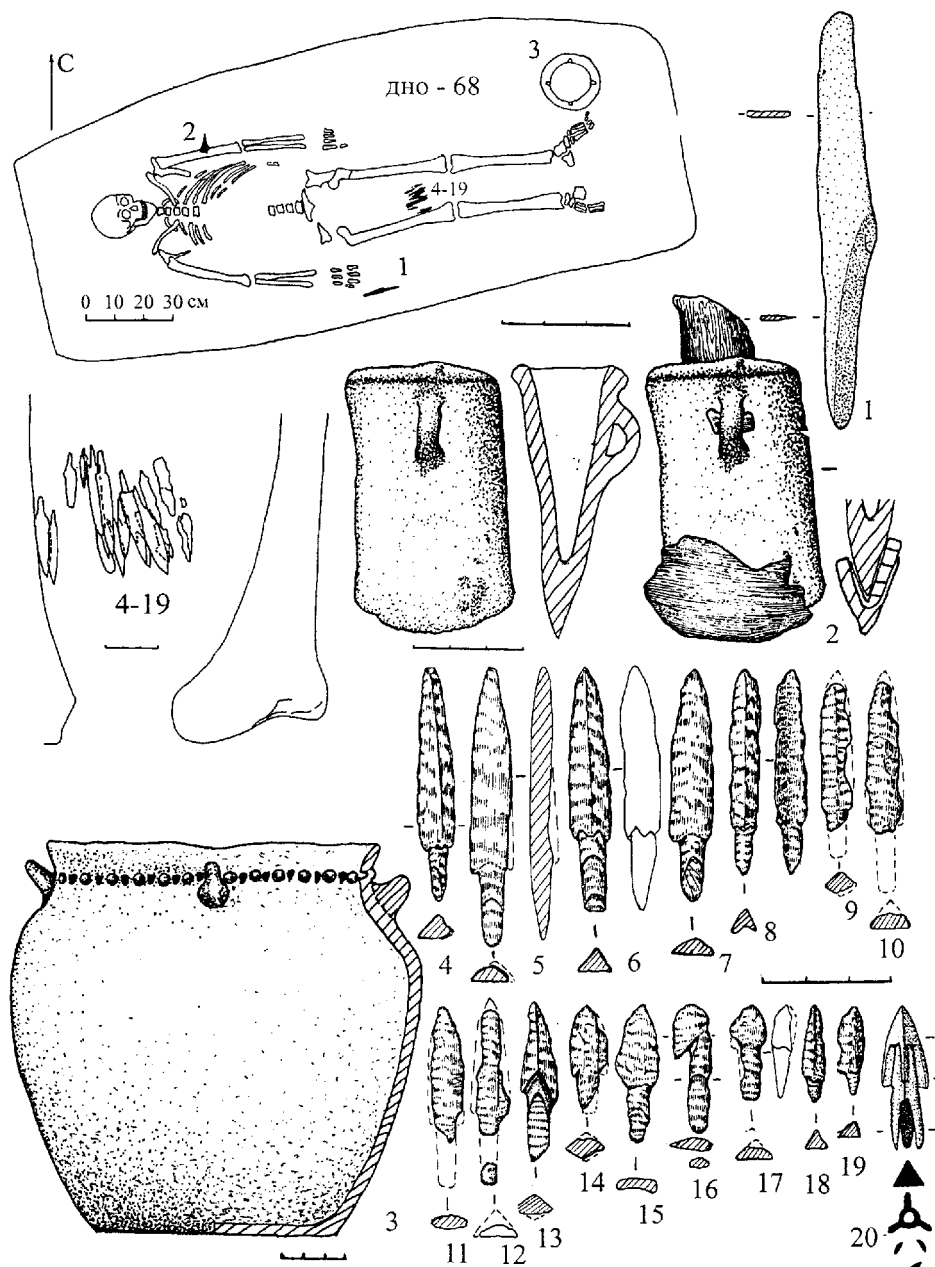

Рис. 7. Могильник Тузовские Бутры I. План погребения 1 (раскопки 1998 г.)
и инвентарь из него. 1 — нож; 2 — кельт; 3 — сосуд;
4-20 — наконечники стрел. 1, 2, 20 — бронза; 3 — керамика; 4-19 — кость.

Поселения фоминской культуры в Кузнецкой котловине и в Горной Шории

В археологии юга Западной Сибири наметился исследовательский кризис по так называемой «кулайской» проблематике. И это не случайно. Круг археологов, занимающихся данным культурным блоком в южно-сибирских древностях конца I тыс. до н.э. — первой половины I тыс. н.э., традиционно узок. Видимо, его увеличению не способствует преобладание среди «кулайских» памятников поселений, при известном тяготении южно-сибирских археологов к опоре в своих исследованиях на погребальные комплексы. В результате мы практически не имеем серьезных разработок тех или иных аспектов «кулайской» тематики, которые можно было бы ожидать вслед за выходом обобщающих монографий Т.Н. Троицкой, а также В.С. Елагина и В.И. Молодина¹.

В свое время, выявление в Новосибирском Приобье памятников, на материалах которых фиксируются элементы кулайской культурной традиции (при всей неопределенности этого термина) было интерпретировано Т.Н. Троицкой как результат проникновения северо-таежного населения. Исходя из этой миграционной концепции было решено выделить в Новосибирском Приобье локальный вариант кулайской культуры. В своем развитии, по мнению Т.Н. Троицкой, кулайская культура Новосибирского Приобья прошла три этапа — III-II вв. до н.э., I в. до н.э. — I в. н.э., I-III вв. н.э. В этой череде завершающим этапом был фоминский². Данная историко-культурная интерпретация памятников так называемого лесостепного варианта кулайской культуры в настоящее время далеко не бесспорна. Об этом говорят и результаты последних исследований в Новосибирском Приобье. Прежде всего, теперь менее внушительно выглядит военный и экономический потенциал «кулайских мигрантов» последних веков I тыс. до н.э., чем представлялось ранее³. Культурные особенности оставленных ими памятников скорее говорят не о тотальной миграции, сколько о локальной инфильтрации мелких групп или ином механизме формирования наблюдаемых признаков. При исследовании памятников рубежа эр и первых веков I тыс. н.э. в Новосибирском Приобье археологи все чаще наблюдают культурные явления, противоречащие теории тотальной экспансии кулайского населения с вытеснением прежних обитателей Приобья⁴. Другое дело — фоминский этап. Анализ фоминских погребаль-

¹ Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979; Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тыс. н.э. Новосибирск, 1991.

² Троицкая Т.Н. Кулайская культура... С. 48-49.

³ Соловьев А.И. К вопросу о характере проникновения кулайского населения в Новосибирское Приобье // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири (Материалы IV Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. Декабрь 1996 г.) Новосибирск, 1996. С. 224-228

⁴ Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследования Могильника Быстровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. Новосибирск, 1995. С. 47-65.

но-поминальных памятников показывает иной компонентный состав фоминского культурного комплекса в сравнении с предшествующими «кулайскими» памятниками Новосибирского Приобья.

Следует признать факты резкого изменения многих культурных признаков, в том числе и наиболее существенных — форм хозяйства, типов поселений, погребального обряда. Фиксируется и принципиально иное территориальное распространение фоминских памятников — расширяются границы ареала и становится более разнообразной их ландшафтная приуроченность. Стоит ли при этом включать фоминские памятники в череду этапов развития той же культуры, которую могли бы представлять предшествующие памятники с кулайскими признаками, занимавшие весьма ограниченную территорию? Видимо, следует говорить о принадлежности фоминских памятников не к этапу развития некой культуры, а к самостоятельной культуре Верхнего Приобья и предгорий Кузнецкого Алатау.

Однако новые источники по южно-сибирской периферии кулайской культурно-исторической общности пополняются и публикуются крайне медленно. Большинство южно-сибирских археологов, прежде всего те из них, кто работает в Верхнем Приобье, все еще робко осваивает багаж гипотез, высказанных в 1970-х гг., и оторваны от современных реалий «кулайской» проблематики⁵. Нерешенность многих проблем кулайского культурогенеза в Новосибирском Приобье негативно влияет на интерпретационную часть работы археологов при анализе комплексов, как Новосибирского, так и Верхнего Приобья. В этой связи особенно показательны неоднократные попытки удревнить начальный этап проникновения кулайских культурных признаков в Барнаульское Приобье⁶. Аргументация, представленная в посвященных этому публикациях, отражает несколько основных тенденций. Во-первых, в памятниках с керамикой со смешанными каменско-кулайскими признаками априорно угадывается «раннее» проникновение «кулайского населения». Во-вторых, установление хронологии памятников с кулайскими признаками проводится на фоне занижения общей хронологии памятников постскифского времени. В-третьих, встречается паралогизм, в основе которого — приписывание кулайских корней культурным признакам некулайского происхождения, видимо, на основе выделения этих признаков в памятниках Новосибирского Приобья смешанного состава.

Развернутая критика выделения «ранних кулайских памятников» в Верхнем Приобье уже была дана⁷, тем не менее она осталась без всякого ответа. Прежние концепции «кулайского культурогенеза» для Верхнего Приобья продолжают

⁵ Сингаевский А.Т. Поселения кулайской культуры на Алтае // Культурология и история древних и средневековых обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск, 2002. С. 356-359; Троицкая Т.Н., Солодская О.В. Некоторые аспекты кулайской миграции // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 69-72.

⁶ Бородаев В.Б., Горбунов В.В., 1993. Троицк-1 — новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Ч. 2. Барнаул; Абдулганеев М.Т., Казаков А.А., 1994. Поселение Чудайская Гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул; Сингаевский А.Т. Поселения кулайской культуры на Алтае // Культурология и история древних и средневековых обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск, 2002. С. 356-359.

⁷ Ширин Ю.В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // РА. 2004. № 2. С. 51-60.

«развиваться» на прежних теоретических и методических позициях⁸.

Обозначенный кризис в южно-сибирской археологии особо остро ощущается на фоне огромных темпов переосмысления прежних «кулайских» концепций (на основе качественно новых источников), наблюдаемых в работах археологов, осваивающих северо-таежные регионы Западной Сибири⁹.

Именно последние из вышедших статей по «кулайской» проблематике Южной Сибири показывают, что необходимо не только привлечь внимание к сложившейся историографической ситуации, но и ввести в оборот новые источники, накопленные по одной из слабо изученных территорий бассейна Верхней Оби — Кузнецкой котловине и Горной Шории.

Прежде всего, перечислим наиболее ранние публикации, где имеются те или иные данные по «кулайским» поселениям Кузнецкой котловины и Горной Шории. Весьма показательно, что первые из них появились около тридцати лет назад, но за прошедшие годы таких публикаций накопилось менее десяти. Как правило, это не специальные работы, «кулайскому» материалу в них посвящено всего несколько абзацев, часто без иллюстраций. Нередко 1-2 иллюстрации, приведенные в статье, не дают реального представления о керамическом материале. Скептическое отношение к керамическому материалу, нежелание с ним работать, к сожалению, весьма часто встречается в практике археологов Южной Сибири. В качестве примера приведем мнение А.С. Васютина, который считает, что керамика — несущественный показатель для культурно-хронологического разграничения фоминских и одинцовских памятников¹⁰.

О первых находках керамики с фигурно-штамповой орнаментацией (с оттисками штампа «уточка») в Кузнецкой котловине было упомянуто в небольшой заметке в «Археологических открытиях 1977 года»¹¹. Это были материалы археологической разведки на острове на водохранилище в районе г. Белово на р. Иня. Памятник получил название Поморцево-1 (Рис. 1, 5). Вскоре небольшая серия «кулайской» керамики была получена и в ходе раскопок поселений в Среднем Притомье: Люскус (Рис. 1, 6), Лачиново-1 (Рис. 1, 8; 3), Сосновка-4 (Рис. 1, 9; 5, 4), Глинка (Рис. 1, 10; 5, 1-3). Частично эта керамика была опубликована¹². Не исключено, что в публикации не попадали единичные находки керамики, сделанные как в ходе раскопок, так и разведок на других памятниках в данном

⁸ Сингаевский А.Т. Эволюция кулайской керамики в Верхнем Приобье // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск, 2005. С. 221-223.

⁹ Чемякин Ю.П. Кулайский этап раннего железного века таежного Обь-Иртышья: из истории исследования // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII ЗСАЭК. Томск, 2005. С. 50-53.

¹⁰ Васютин А.С. Особенности культурогенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины (V-IX вв.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. С. 7-9.

¹¹ Бобров В.В., Бородкин Ю.М. Разведка в Кемеровской области // АО 1977 года. М., 1978. С. 212.

¹² Бобров В.В. Поселение на р. Люскус (предварительное сообщение) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. Рис. 19, 2, 4-9; Коротаев А.М. Поселение у д. Лачиново на р. Томи (предварительное сообщение) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980. Рис. 5; Рабинович Е.М. Раскопки поселения Сосновка // АО 1981 года. М., 1983. С. 228; Циркин А.В. Керамика с поселения Глинка // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск, 1995. С. 65-67.

регионе. Об этом можно судить по упоминанию о том, что в ходе раскопок поселения Танай-4А (Рис. 1, 1) «на западном берегу оз. Танай собраны единичные фрагменты керамики кулайской культуры»¹³.

Из приведенного перечня публикаций видно, что введение в научный оборот и без того скудных «кулайских» комплексов Кузнецкой котловины было растянуто более чем на 20 лет. Конечно же, на такой основе нельзя сделать никаких сколько ни будь обоснованных выводов о культурном своеобразии данных комплексов, об их роли в культурогенезе региона. Это и нашло свое отражение в общих фразах о «кулайском» присутствии в Кузнецкой котловине в ряде обобщающих работ¹⁴, куда была перенесена и культурно-хронологическая схема, предложенная Т.Н. Троицкой для Новосибирского Приобья.

За последние 15 лет, в результате планомерного и целенаправленного сплошного обследования Кузнецкой котловины и Горной Шории, автору удалось не только увеличить число известных поселенческих памятников южной периферии кулайской историко-культурной общности, но и исследовать несколько погребально-поминальных комплексов¹⁵. В данной публикации мы не будем рассматривать всех аспектов культурного своеобразия поселенческих памятников. Остановимся только на общей характеристике выявленной на них керамики.

Усть-Тарсьма. Расположено в Промышленновском районе, на первой террасе левого берега р. Иня, в 100 м ниже устья ее правого притока р. Тарсьма (Рис. 1, 2). Поверхность террасы, занятой поселением, чистая, покрыта луговой травой. В разведочном шурфе среди прочего разновременного материала был найден фрагмент венчика лепного сосуда, украшенный оттисками фигурного штампа в зоне шейки и по уплощенному обрезау. Штамп гладкий, в виде остроугольной скобки (Рис. 2, 8). На поселении Усть-Тарсьма есть несколько культурных слоев — эпохи бронзы и раннего железа. Это поселение вместе с находками на оз. Танай и Беловском водохранилище показывает, что носителями фигурно-штамповой керамики были освоены не только гидроморфные и лесные ландшафты Приобья и Притомья, но и степные районы в бассейне р. Иня.

Чкалово-2. Расположено на мысу первой левобережной террасы р. Касьмы в 1,7 км к СЗ от пос. Чкаловский Ленинск-Кузнецкого района (Рис. 1, 3). поверхность мыса чистая, но разрушена по северо-западной кромке крупными земляными выемками, выкопанными техникой. Через северо-западную обрывистую кромку прорезан бульдозером спуск грунтовой дороги в пойму. В ходе зачистки террасы в местах разрушений были найдены фрагменты керамики с фигурно-штамповой и гребенчато-ямочной орнаментацией (Рис. 2, 1-6), а также более древних периодов эпохи раннего железа и средневековья. Здесь же найден обломок костяного наконечника стрелы с расщепленным насадом (Рис. 2, 7), а также кости овцы, коровы, лошади. Наконечник стрелы можно связать с керамикой, украшенной оттисками фигурного штампа.

Городок-4. Расположено в 150 м к СВ от д. Городок Кемеровского района, на краю правобережной второй террасы р. Томи высотой 20 м (Рис. 1, 7). Обнаружено в 40 м к ЮЗ от вала городища Городок в ходе разведочных раскопок.

¹³ Археологические памятники Тогучинского района Новосибирской области. Новосибирск, 2000. С. 65.

¹⁴ Окунева И.В. Поселения Среднего Притомья.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Кемерово, 1990. 26 с.; Она же. Керамика с фигурно-штампованной орнаментацией в Среднем Притомье // Археология Южной Сибири: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рожд. А.И. Мартынова. Новосибирск, 2003. С. 49-50.

¹⁵ Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. С. 31-48.

И.В. Окуновой здесь было выявлено пятно от постройки полуземляночного типа. В культурном слое, связанном с этой постройкой, были найдены неорнаментированные фрагменты керамики и венчик от сосуда, украшенного треугольными штампами¹⁶. Находка комплекса фоминской культуры в непосредственной близости от площадки, занятой городищем, позволяет предполагать вероятность выявления культурного слоя данного периода и на площади городища Городок. В материалах городища типологически выделяются из однородного материала несколько фрагментов керамики, сходной с керамикой фоминской культуры¹⁷.

Казанково-3. Находится на мысу террасы левого берега р. Томи в устье р. Ускат, в 750 м к югу от с. Казанково Новокузнецкого района (Рис. 1, 12). Высота поселенческой площадки от уровня воды в р. Томь — 15-18 м. Площадка поселения Казанково-3 чистая, используется под сенокос. В 1984 г. на поселении Казанково-3 проводил раскопки В.В. Иванчук. Проведенные раскопки показали многослойный характер поселения Казанково-3 (ранняя, развитая и поздняя бронза, раннее железо, средневековье). При осмотре осыпей найден фрагмент керамики с оттисками фигурного штампа (Рис. 5, 5).

Казанково-5. Находится на левом берегу р. Томи в 4,5 км к СВ от с. Казанково (Рис. 1, 11). Это многослойное поселение, содержащее материалы ранней бронзы, переходного периода от бронзы к железу, раннего железа, в том числе и фоминские комплексы (Рис. 4), а также раннего средневековья. Все материалы этого памятника были опубликованы¹⁸.

Казанково-10А. Памятник расположен на краю коренной террасы левого берега р. Томи высотой более 40 м от уреза воды, в 400 м ниже устья ее левого притока р. Уската (Рис. 1, 13). Здесь в 1995-96 гг. автором были исследованы 4 кургана 6-5 вв. до н. э. (Казанково-10). В верхнем слое западной части насыпи кургана-3 были найдены обломки сосуда фоминской культуры, орнаментированного вертикальными оттисками гребенки и ямками (Рис. 5, 7). На разрушенном участке к 3 от кургана-3 были собраны обломки еще одного сосуда фоминской культуры — баночной формы, орнаментированный гребенчатыми фигурными оттисками в виде скобок (Рис. 5, 6). Возможно, это следы поселения.

Казанково-11. Расположено на гребне водораздельного увала в 400 м к ЮЗ от с. Казанково (Рис. 1, 14). Высота увала над поймой р. Ускат около 50 м. В колее грунтовой дороги собраны обломки керамики (Рис. 5, 8, 9). Некоторые из них украшенной оттисками фигурного штампа. Судя по всему, здесь многолетней распашкой было разрушено жилище.

Казанково-13. Памятник выявлен на пойменной террасе у подножия мысовой части увала, в 2 км к СВ от с. Казанково (Рис. 1, 15). Этот участок поймы чистый от древесной растительности. На мысовой части террасы, на уровне 4-5 м над наименьшими высотами поймы был заложен шурф. В нем получены материалы многослойного поселения (позднее и раннее средневековье, раннее железо), в том числе мелкие фрагменты сосуда фоминского типа с гребенчато-ямочным орнаментом (Рис. 5, 10).

Букино-1. Памятник расположен в 400 м к ЮЗ от д. Букино Новокузнецкого района (Рис. 1, 18). Поселение занимает склон мыса левобережной террасы р. Кондомы с южной экспозицией. С запада он ограничен оврагом, по дну которого протекает ключевой ручей. Ранее мыс многократно распахивался. При подь-

¹⁶ Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6. Рис. 16, 2.

¹⁷ Там же. Рис. 6, 4, 6.

¹⁸ Ширин Ю.В. Многослойное поселение Казанково-V // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 4. С. 25-44.

еме на мыс, в колее грунтовой дороги и в тропах скота, на различных высотных уровнях, был собран многочисленный подъемный материал: мелкие пережженные кости, фрагменты керамики, обломок плиты зернотерки из песчаника. В ходе зачистки были найдены более крупные фрагменты от сосудов, орнаментированных оттисками гребенки и фигурного штампа (Рис. 6, 1, 2).

В Горной Шории пока известно только 3 поселения.

Камешок, поселение. Оно расположено на первой террасе левого берега р. Мрассу на приустьевом мысу рч. Камешок в 2 км к ЮЗ от п. Чувашка (Рис. 1, 19). Высота поселенческой площадки над урезом воды в р. Мрассу 10-11 м. В шурфе были найдены фрагменты двух сосудов баночной формы. От одного из них найдено уплощенное дно. Орнамент одного из сосудов — резные арки и ямки (Рис. 6, 4, 5), другого — фигурные штампы в виде лошадиного копыта (Рис. 6, 3). Данная керамика находит аналогии как среди памятников фоминской культуры Притомья (Казанково-5), так и в таштыкских комплексах.

Печергол-2. Расположено в среднем течении р. Мрассу в 6 км к СЗ от с. Усть-Анзас Таштагольского района (Рис. 1, 21). На этом многослойном поселении был выделен комплекс керамики с фигурно-штамповой орнаментацией (Рис. 6, 9), которую В.В. Бобров связал с проникновением в Горную Шорию носителей кулайской культуры¹⁹.

Колотовка-1. Расположено в с. Кузедеево, на мысу коренной террасы левого берега р. Кондомы, образованном руслом ее левого притока р. Колотовки и сухим оврагом (Рис. 1, 20). Высота террасы от уровня заболоченной высокой поймы около 15 м. Кончик мыса разрушается глиняным карьером. Разведочный раскоп и несколько шурфов позволили выявить разновременные участки поселения. Кроме раннесредневековой керамики конца I тыс. здесь встречены ошлакованные обломки железоплавильных печей и керамика с гребенчатой и фигурно-штамповой орнаментацией фоминской культуры (Рис. 7).

К сожалению, единицы из перечисленных памятников с фигурно-штамповой орнаментацией были подвергнуты раскопкам большими площадями. В силу этого ограничимся наблюдениями, которые носят предварительный характер.

Прежде всего отметим, что все керамические комплексы рассмотренных поселений Кузнецкой котловины и Горной Шории имеют признаки, сближающие их друг с другом, а также с керамикой грунтовых могильников фоминской культуры. В керамике фоминских поселений можно выделить несколько компонентов, видимо, имеющих разное культурное происхождение. Возможно, эти компоненты соответствуют компонентам, выделяемым на материалах грунтовых могильников.

Визуально оценивая орнаментальные тенденции керамических комплексов поселенческих памятников Кузнецкой котловины и Горной Шории, можно отметить три основных ареала. Кузнецкая котловина и Среднее Притомье дает больше сходства с собственно саровскими керамическими типами, поселения Кондомы — по орнаментальному стилю близки поселениям Верхнеобского бассейна (например поселениям на оз. Иткуль²⁰), поселения Мрассу и Томи — имеют таштыкские параллели в орнаменте. Именно наличие в орнаментации керамики фоминских поселений Кузнецкой котловины и Горной Шории особых «таштыкских» мотивов, придает им явное своеобразие по сравнению с памятниками Верхнего и Новосибирского Приобья.

¹⁹ Бобров В.В. Этапы освоения Горной Шории в древности (по материалам поселения Печергол-2) // Шорский сборник. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. Кемерово, 1994. Вып. 1. С. 168, 170; Рис. 3, 4-6.

²⁰ Абдулганеев М.Т. Фоминский комплекс поселения Малый Иткуль-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 101-110.

Следует обратить внимание на то, что на ряде поселений сосуществуют в едином, стратиграфически не расчленяемом, комплексе, типы керамики, традиционно типологически разделяемые в Новосибирском Приобье и относимые к двум смежным «этапам» кулайской культуры — ордынскому (I в. до н.э. — I в. н.э.) (по Т.Н. Троицкой) и более позднему — фоминскому. В связи с этим не исключено, что ряд поселений Новосибирского Приобья, относимых к ордынскому этапу, следует связывать с фоминской культурой. Частичное типологическое несоответствие поселенческой и погребальной керамики — обычное явление. Для памятников Верхнего Приобья это может быть отмечено при сравнении керамики из фоминских погребальных и поминальных комплексов на могильнике Ближние Елбаны-VII²¹. Во всяком случае, с «кулайскими» керамическими комплексами Новосибирского Приобья необходима дополнительная работа. Их предварительная культурно-хронологическая типология, предложенная Т.Н. Троицкой, свою научную роль выполнила. Игнорирование противоречий, которые возникают при попытке ее использования в решении новых исследовательских задач, загоняет ситуацию в тупик. В частности, керамика, типологически сходная с керамикой Новосибирского Приобья ордынского этапа, выделяется в Верхнем Приобье в качестве одного из аргументов раннего проникновения «кулайского» культурного компонента. На деле почти все признаки керамики ордынского этапа присущи так называемой 6-й группе кулайской керамики (по Л.А. Чиндиной), которая, хотя и появляется между васюганским и саровским этапами, но носит хронологически нейтральный характер, в том смысле, что встречается в Среднем Приобье на протяжении всей первой половины I тыс.²² В Верхнем Приобье она также может быть связана с фоминской культурой.

Кузнецкая котловина входит в единую историко-культурную область с Верхним Приобьем, и динамика культурных изменений, в том числе и в эпоху железа, в них взаимосвязана. Целенаправленные разведочные работы позволили выявить в Среднем Приобье около двух десятков памятников с керамикой орнаментированной фигурными штампами (поселенческие и погребальные). Но все они относятся только к фоминской культуре. Исследованные здесь погребальные комплексы позволяют утверждать, что фоминская культура формируется не ранее рубежа II-III вв. и существует до V в.

Пока же большинством исследователей фоминские памятники рассматриваются в рамках фоминского этапа лесостепного варианта кулайской культуры. Предполагается, что культурный компонент, лежащий в основе этих памятников, принял участие в сложении культуры второй половины I тыс., именуемой или верхнеобской, или одинцовской, которая сохраняет автохтонную линию развития, осложненную или прерываемую в различное время на различных территориях Обь-Томского междуречья приходом иноэтнических групп, возможно, тюркских.

Проблема заключается в том, что на самом деле до конца не ясна дальнейшая историческая судьба фоминского населения, его роль в складывании ранне-средневековых культур каждого из регионов, где фоминская культура была распространена в первой половине I тыс. Уровень исторической интерпретации средневековых археологических материалов при таких условиях не может быть высоким. В частности, при общих заявлениях о включении Кузнецкой котловины в сферу одинцовской (верхнеобской) культуры, памятники V-VII вв. н.э. здесь до сих пор не выделены. Следует отметить попытку А.М. Илюшина занизить хро-

²¹ Ширин Ю.В. Верхнее Приобье... Табл. V, VI.

²² Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. С. 92, 105.

нологию ряда раннесредневековых могильников Кузнецкой котловины до V в.²³, что не имеет под собой достаточного источникового основания.

В последние годы в Кузнецкой котловине нами было найдено ряд поселений, керамические комплексы которых обладают чертами генетической связи с фоминскими. Отдельные фрагменты такой керамики были выделены и в комплексах многослойных поселений Среднего Притомья. В ряде случаев наблюдалось их сходство с раннеодинцовской керамикой Новосибирского и Томского Приобья.

Егозово-3. Расположено в 3 км к Ю от с. Сапогово Ленинск-Кузнецкого района, на левобережной коренной террасе р. Иня высотой около 7 м над уровнем высокой поймы (Рис. 1, 4). Площадка террасы чистая, задернованная. Она плавно повышается к СЗ. В шурфе были найдены фрагменты нескольких лепных сосудов. Оба сосуда баночной формы со скошенным вовнутрь венчиком. У одного орнамент состоял из строчки ямок в зоне шейки (Рис. 8, 2), у другого в зоне шейки кроме ямок был гребенчатый орнамент, состоящий из одной строки вертикальных оттисков гребенки, ниже — нанесен ряд гребенчатых «уточек». Ямки наколоты поверх орнамента, гребенкой украшен и обрез венчика (Рис. 8, 1).

Аба-2. Находится на гребне мысовидного участка увала, на высоте 67 м над поймой левого берега р. Абы (левый приток р. Томи) (Рис. 1, 16). Площадка поселения с С-З прикрыта более высоким увалом. Здесь, на пашне, отмечено распространение прокаленной почвы и собраны обломки керамики. Вспашкой была задета западина от сгоревшей полуземлянки. Диаметр западины около 8 м, глубина 15-20 см. Собранные на пашне керамика составляет своеобразный комплекс. Большая часть ее без орнамента, но на отдельных сосудах есть гребенчатые оттиски и имитация «уточек» (Рис. 8, 1-11). Некоторые из встреченных здесь фигурных штампов (Рис. 8, 10) — составные, что характерно для поздней традиции фигурно-штамповой орнаментации (середины I тыс. н. э.).

Аба-3. Расположено на высоте 87 м над поймой левого берега р. Абы, на гребне увала, господствующего над местностью, с СЗ прикрывающего поселение Аба-2 (Рис. 1, 17). Грива увала и юго-восточный склон ранее распахивались, а северо-западный склон порос осинами и березами. В шурфе, заложенном в центре площадки мысовой части увала, выявлен слой, содержащий остатки сгоревшей постройки и фрагменты керамики, в том числе и орнаментированные оттисками фигурных штампов (Рис. 8, 12, 13).

Вероятно, объект на поселении Аба-3 и западина на поселении Аба-2, расположенная в 190 м к ЮВ и на 12 м ниже (на уступе, на склоне увала), представляют относительно одновременный комплекс. Поселения Егозово-3, Аба-2, 3 следует отнести к памятникам, имеющим связь с комплексами фоминской культуры, но хронологически более поздним. Возможно, эти материалы демонстрируют форму трансформации фоминских комплексов в раннеодинцовские, подобно тому, как это, по мнению А.А. Казакова, можно видеть на памятниках сошниковского типа в Верхнем Приобье²⁴ и на ряде поселений Новосибирского Приобья²⁵. Следует отметить, что на одном из сосудов поселения Аба-2 орнаментальная композиция имеет завершение из парных горизонтальных гребенчатых элементов (Рис. 8, 8), что характерно для сошниковских памятников Верхнего Приобья.

²³ Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. С. 81-84.

²⁴ Казаков А.А. Городище Сошниково-1 // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998б. С. 192-205.

²⁵ Троицкая Т.Н. К вопросу о переходе от кулайской культуры к верхнеобской // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 133-140.

На приведенных иллюстрациях хорошо видно, что фигурно-штамповая орнаментация, и сопутствующая ей гребенчато-ямочная, типологически весьма разнообразна. Вполне вероятно, что она и хронологически разнородна. Часть таких комплексов, с накоплением к этому данных, возможно, будет отнесена к раннему средневековью. Подобно тому, как керамика с фигурными штампами в орнаменте, обнаруживаемая на памятниках в таежном Приобье, вначале рассматривалась хронологически сужено — относилась только к эпохе раннего железа, а затем в ней, помимо выделения комплексов отдельных этапов раннего железа, типологически были выделены раннесредневековые комплексы. На северо-таежной керамике фигурные штампы встречаются до VII в., а их отдельные реминисценции в орнаментации керамики отмечены даже в позднем средневековье. Единичные случаи использования особых видов гребенчатых штампов, напоминающие фигурные штампы эпохи раннего железа, встречаются и на раннесредневековой керамике Верхнего Притомыя.

Решение поставленных проблем будет связано с дальнейшим накоплением источников, и прежде всего с выявлением и раскопками поселенческих памятников, с формированием достаточных для анализа выборок керамических комплексов и разработкой хронологии раннесредневековых древностей Южной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА:

Абдулганеев М.Т. Фоминский комплекс поселения Малый Иткуль-I // Проблемы изучения древней и средневековой истории. Барнаул, 2001. С. 101-110.

Абдулганеев М.Т., Казаков А.А., Поселение Чудацкая Гора // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул, 1994. С. 111-115.

Археологические памятники Тогучинского района Новосибирской области. Новосибирск, 2000. 101 с.

Бобров В.В. Поселение на р. Люскус (предварительное сообщение) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1979. С. 47-59.

Бобров В.В. Этапы освоения Горной Шории в древности (по материалам поселения Печергол-2) // Шорский сборник. Вып. 1. Историко-культурное и природное наследие Горной Шории. Кемерово, 1994. С. 164-176.

Бобров В.В., Бородин Ю.М. Разведка в Кемеровской области // АО 1977 года. М., 1978. С. 212.

Бородаев В.Б., Горбунов В.В. Троицк-1 — новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 1993. Ч. 2.

Васютин А.С. Особенности культурогенеза в истории раннего средневековья Кузнецкой котловины (V-IX вв.) // Памятники раннего средневековья Кузнецкой котловины. Кемерово, 1997. С. 7-9.

Дураков И.А., Мжельская Т.В. Исследования могильника Быстровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. Новосибирск, 1995. С. 47-65.

Елагин В.С., Молодин В.И. Бараба в начале I тыс. н. э. Новосибирск, 1991. 126 с.

Илюшин А.М. Этнокультурная история Кузнецкой котловины в эпоху средневековья. Кемерово, 2005. 240 с.

Казаков А.А. Городище Сошниково-1 // Древние поселения Алтая. Барнаул, 1998б. С. 192-205.

Коротаев А.М. Поселение у д. Лачиново на р. Томи (предварительное сообщение) // Археология Южной Сибири. Кемерово, 1980. С. 45-53.

Окунева И.В. Поселения Среднего Приобья.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1990. 26 с.

Окунева И.В. Керамика с фигурно-штампованной орнаментацией в Среднем Приобье // Археология Южной Сибири: Сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рожд. А.И. Мартынова. Новосибирск, 2003. С. 49-50.

Рабинович Е.М. Раскопки поселения Сосновка // АО 1981 года. М., 1983. С. 228.

Сингаевский А.Т. Поселения кулайской культуры на Алтае // Культурология и история древних и средневековых обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск, 2002. С. 356-359.

Сингаевский А.Т. Эволюция кулайской керамики в Верхнем Приобье // Истоки, формирование и развитие евразийской поликультурности. Культуры и общества Северной Азии в историческом прошлом и современности. Иркутск, 2005. С. 221-223.

Соловьев А.И. К вопросу о характере проникновения кулайского населения в Новосибирское Приобье // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск, 1996. С. 224-228.

Троицкая Т.Н. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1979. 124 с., илл.

Троицкая Т.Н. К вопросу о переходе от кулайской культуры к верхнеобской // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск, 1997. С. 133-140.

Троицкая Т.Н., Солодская О.В. Некоторые аспекты кулайской миграции // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004. С. 69-72.

Циркин А.В. Керамика с поселения Глинка // Обзорные результаты полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 г. Новосибирск, 1995. С. 65-67.

Чемякин Ю.П. Кулайский этап раннего железного века таежного Обь-Иртышья: из истории исследования // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. Материалы XIII ЗСАЭК. Томск, 2005. С. 50-53.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск, 1984. 255 с., илл.

Ширин Ю.В. Многослойное поселение Казанково-V // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 4. С. 25-44.

Ширин Ю.В. Верхнее Приобье и предгорья Кузнецкого Алатау в начале I тыс. н. э. (погребальные памятники фоминской культуры). Новокузнецк, 2003. 288 с.

Ширин Ю.В. О ранних кулайских памятниках Верхнего Приобья // РА. 2004. № 2. С. 51-60.

Ширин Ю.В. Городище Городок и его окрестности в древности // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6. С. 69-112.

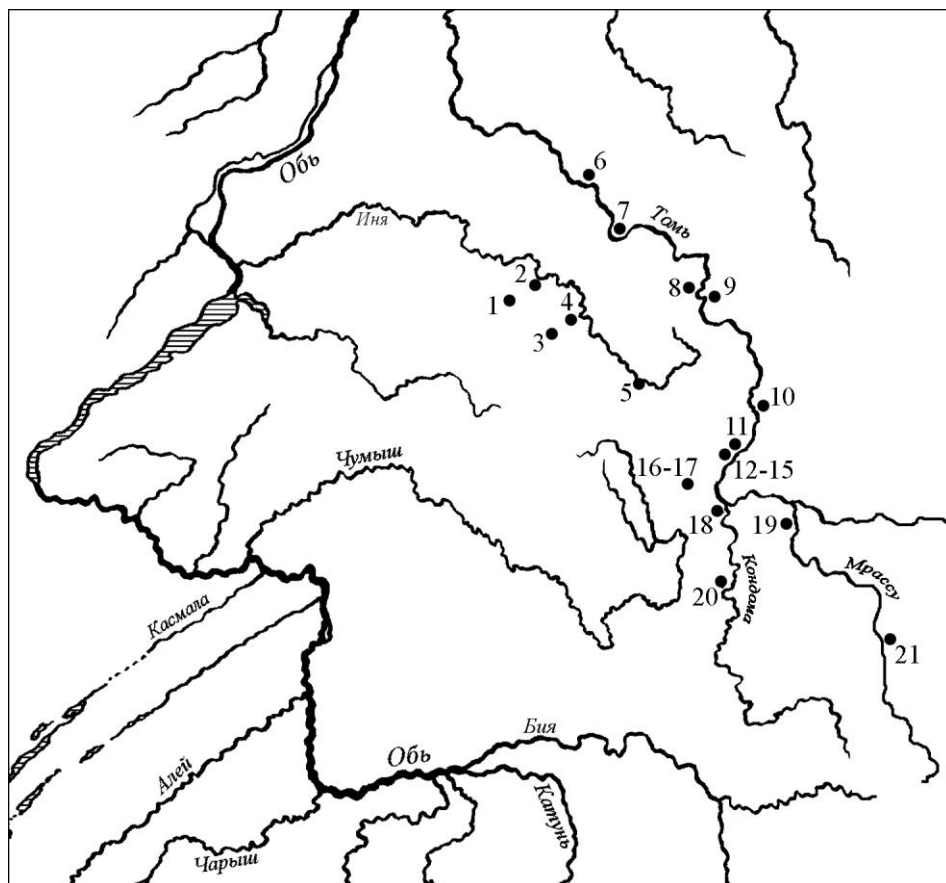

Рис. 1. Поселения с фигурно-штамповой орнаментацией
в Кузнецкой котловине и Горной Шории:

1. Танай-4А; 2. Усть-Тарсьма; 3. Чкалово-2; 4. Егозово-3;
5. Поморцево-1; 6. Люскус; 7. Городок-4; 8. Лачиново-1; 9. Сосновка-4;
10. Глинка; 11. Казанково-5; 12. Казанково-3; 13. Казанково-10А;
14. Казанково-11; 15. Казанково-13; 16. Аба-2; 17. Аба-3; 18. Букино-1;
19. Камешок; 20. Колотовка-1; 21. Печергол-2.

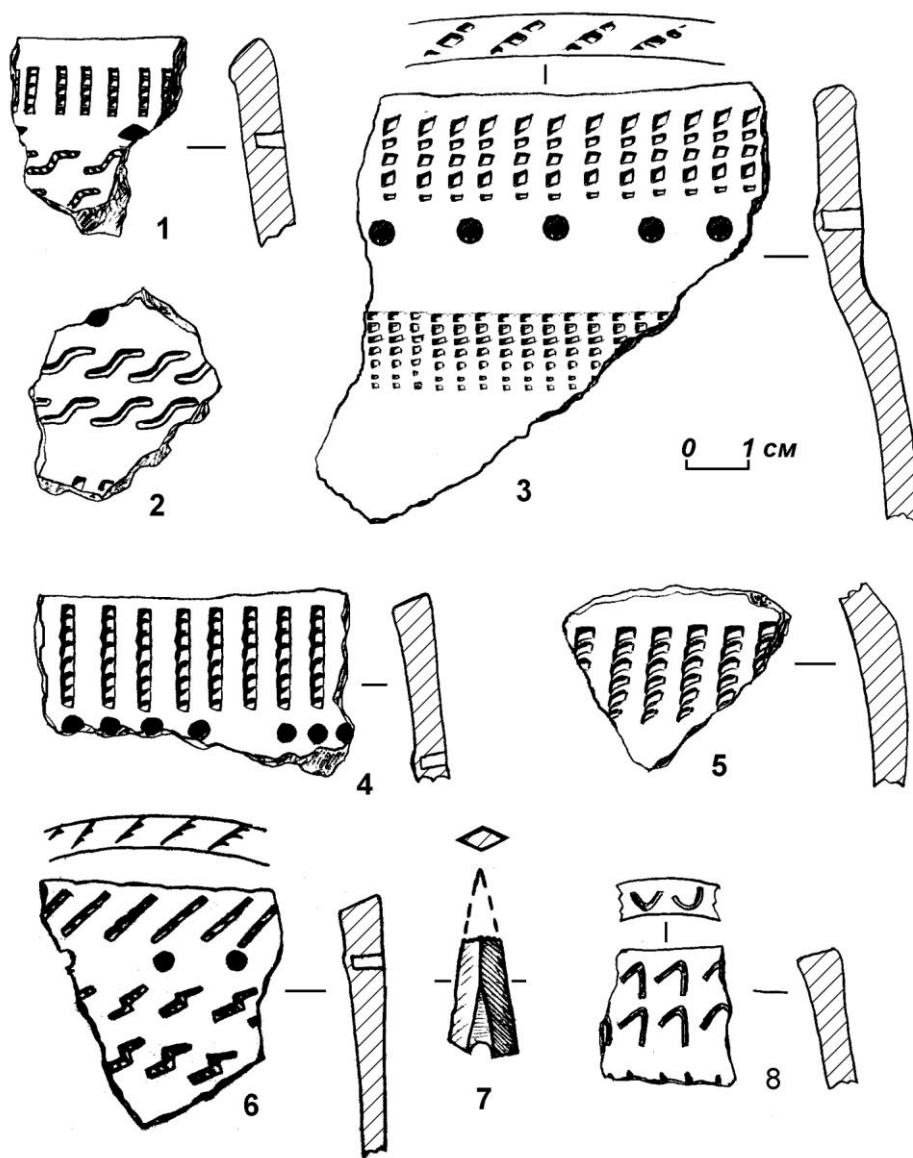

Рис. 2. 1-7 — Чкалово-2; 8 — Усть-Тарсьма.
7 — костяной наконечник стрелы.

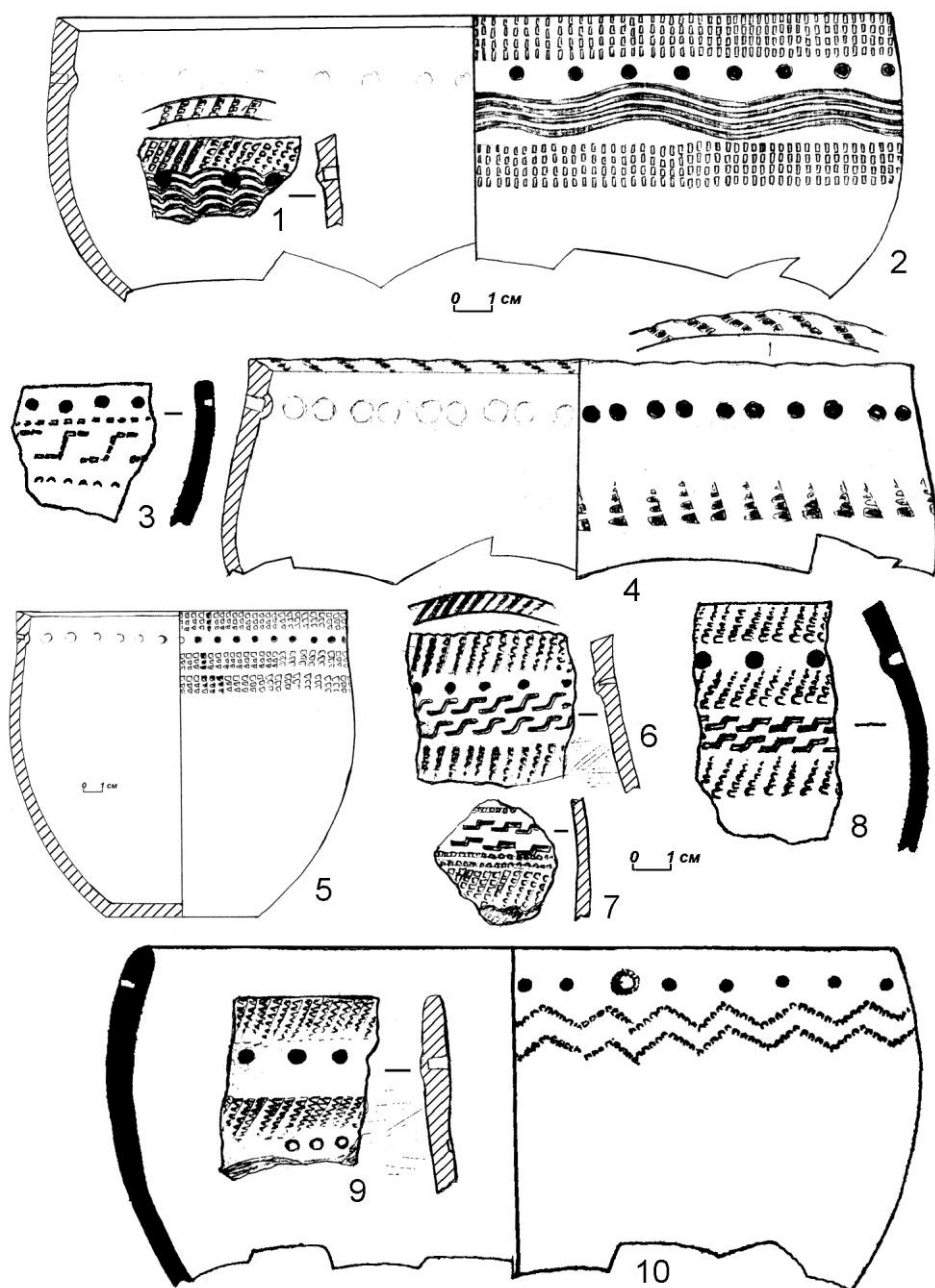

Рис. 3. Керамика поселения Лачиново-1.

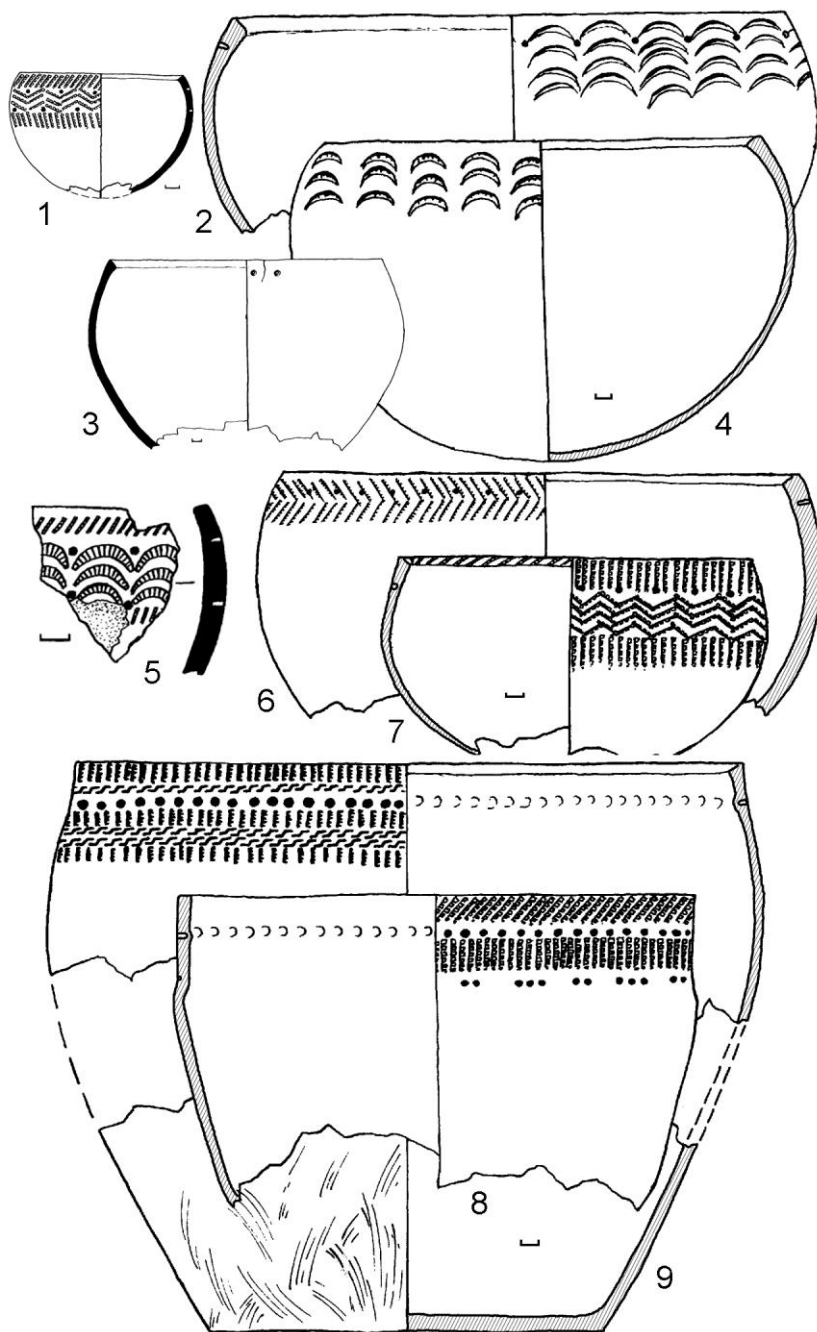

Рис. 4. Керамика поселения Казанково-5.

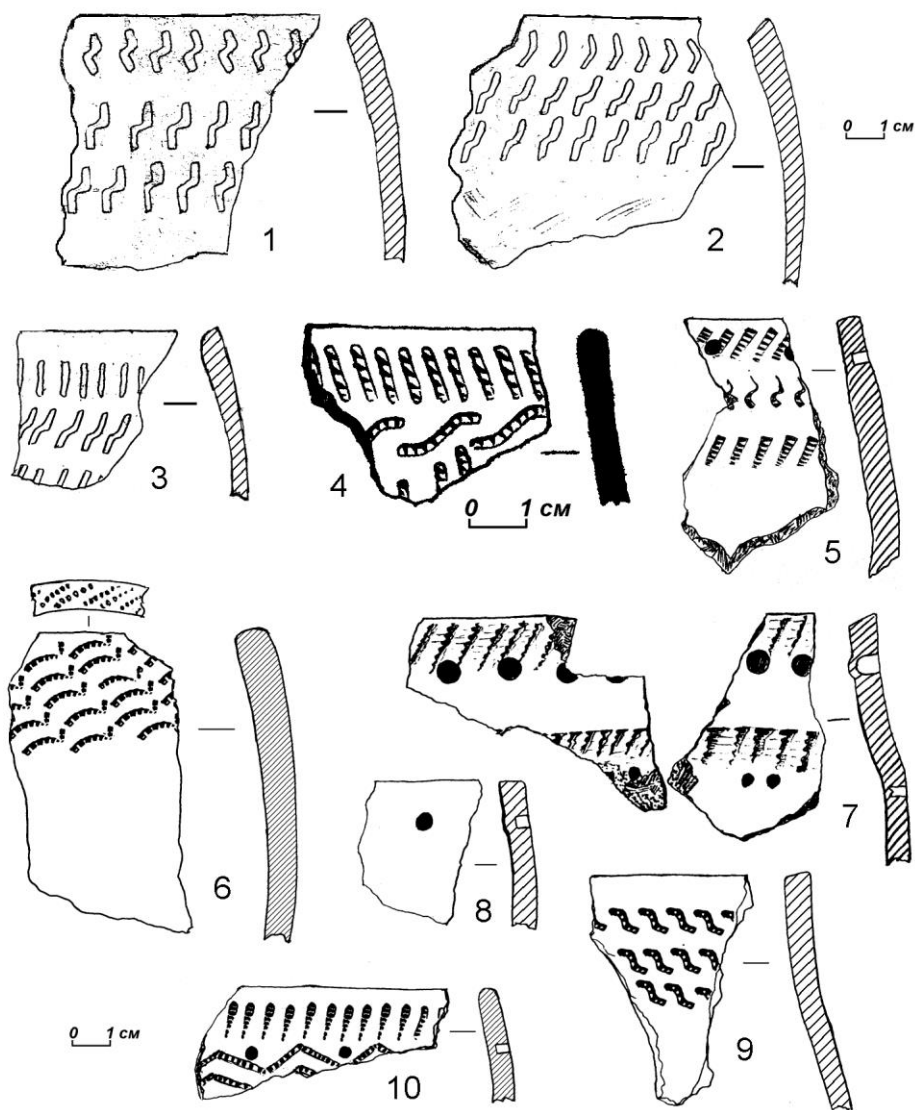

Рис. 5. 1-3 — Глинка; 4 — Сосновка-4; 5 — Казанково-3;
6, 7 — Казанково-10А; 8, 9 — Казанково-11; 10 — Казанково-13.

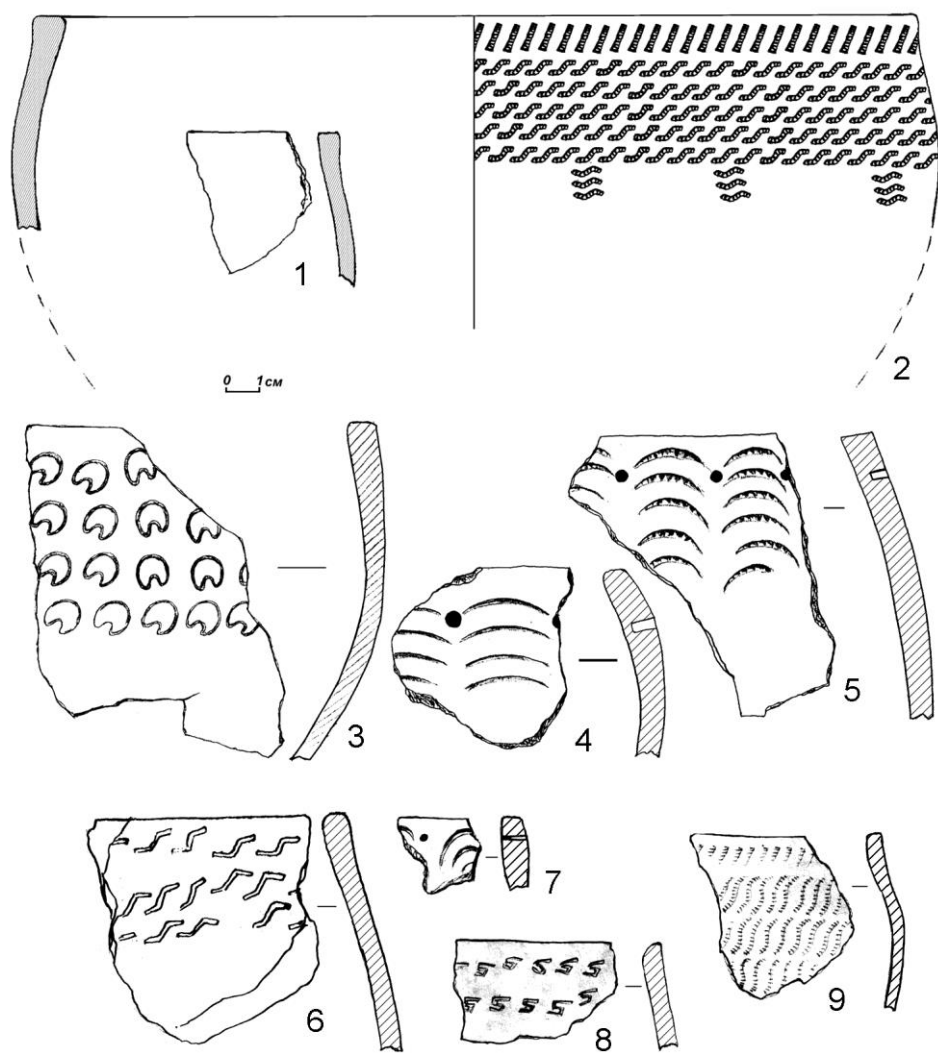

Рис. 6. 1, 2 — Букино-1; 3-5 — Камешок; 6-9 — Печергол-2.

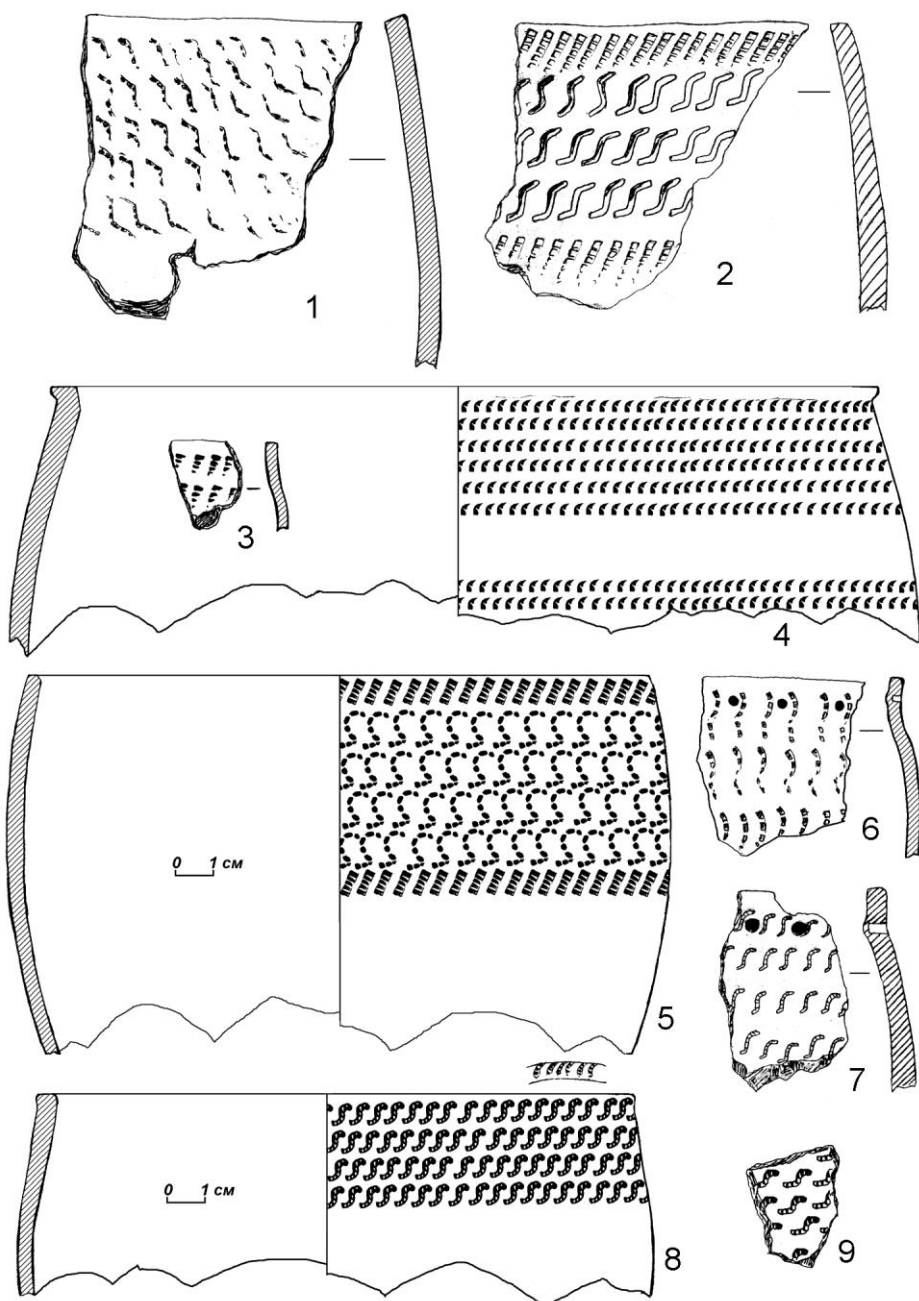

Рис. 7. Керамика поселения Колотовка-1.

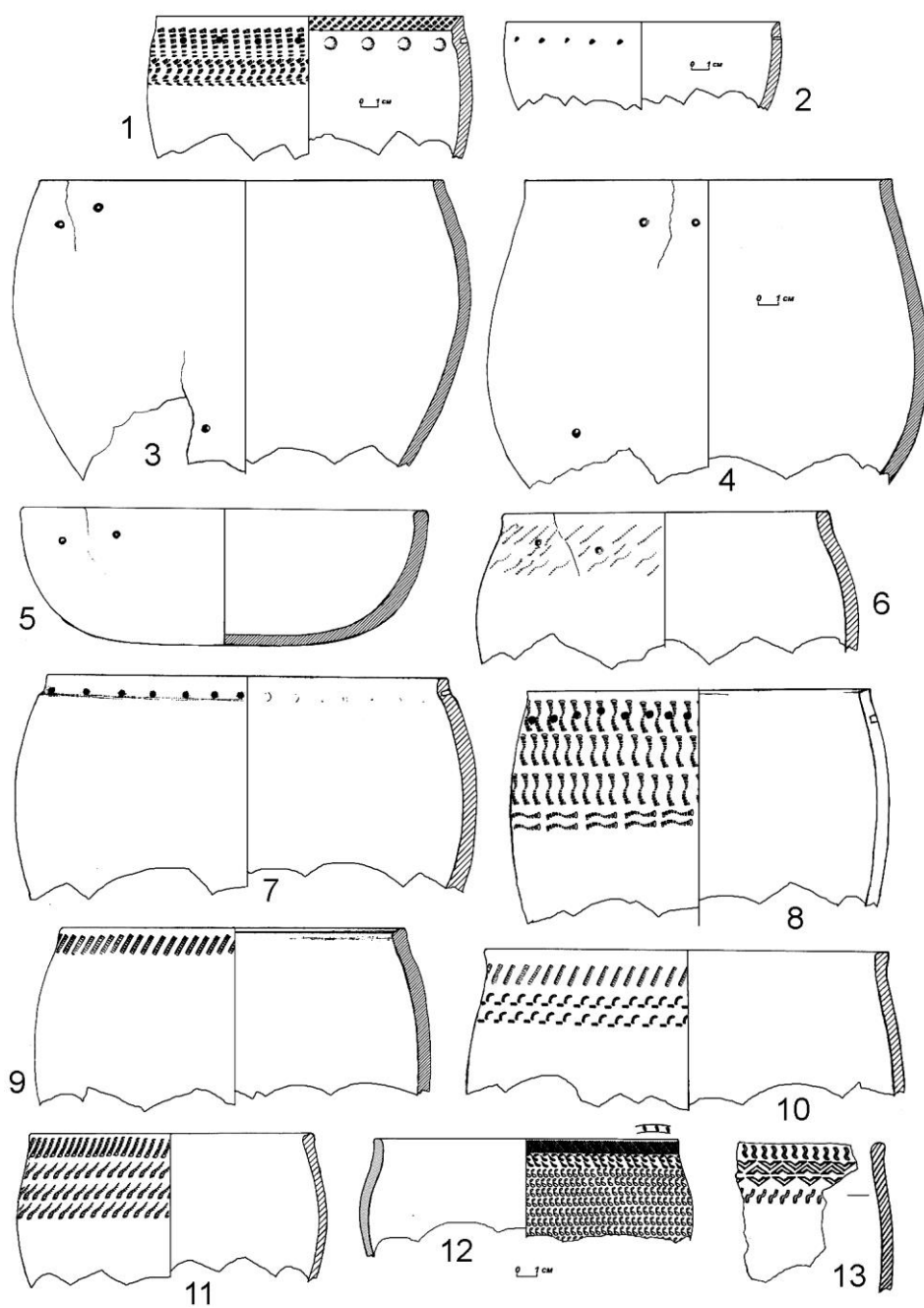

Рис. 8. 1, 2 — Егозово-3; 3-11 — Аба-2; 12, 13 — Аба-3.

Есаульская курганная группа

Есаульская курганная группа была расположена на гребне увала, в пяти километрах от д. Есаулка, вдоль проходящей по водораздельной гриве старой дороги из д. Есаулка в г. Кузнецк (ныне Новокузнецк) (Рис. 1; Рис. 2). Курганы, расположенные вдоль этой дороги, были хорошо известны кузнечанам еще в XIX в. При раскопках мы столкнулись с грабительскими шурфами во всех насыпях. Курганы были основательно разграблены именно в XIX в. Об этом свидетельствуют находки осколков бутылочного стекла и фарфоровых чашек в заполнении грабительских шурфов. Первые научные изыскания на этом могильнике провел в 1939 г. археолог из Томского краеведческого музея Н.А. Чернышев. Им были частично раскопаны 3 есаульских кургана (по другим сведениям, раскапывал их директор Сталинского краеведческого музея, а впоследствии зав. кафедрой геологии Сибирского металлургического института, А.П. Дубок)¹. Документация при этом не велась. Все три кургана были «раскопаны» за несколько часов в течение одного дня. Ожидаемых скелетов обнаружить не удалось. Поэтому все могилы посчитали разграбленными, несмотря на то что в них были найдены топоры-тесла, наконечники стрел, накладки от луков, колчаный крюк и детали поясной фурнитуры (Рис. 20, 1-12).

В 1953 г. места раскопок есаульских курганов были осмотрены У.Э. Эрдниевым. Им же были опубликованы вещи из трех курганов, раскопанных в 1939 г., хранившиеся в НКМ. Курганы были датированы У.Э. Эрдниевым VII-VIII вв. н.э.² К сожалению, он ничего не сообщил о точном местонахождении и взаиморасположении курганов на местности. Поэтому есаульские курганы были фактически заново обнаружены научным сотрудником историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость» Ю.В. Шириным в 1993 г.

Памятник сильно пострадал от техногенного вмешательства. Если Н.А. Чернышев видел здесь в 1939 г. 9 курганов, а У.Э. Эрдниев в 1953 г. насчитывал здесь 8 курганов, то в 1993 г. удалось найти только два раскопанных кургана (фактически они представляли собой отвалы вокруг ям, сильно заросшие деревьями) — две насыпи, одна из которых была сильно запахана, и на третьей (предположительно, курганной) насыпи стоял триангуляционный знак. В результате дорожных работ один курган оказался наполовину снесен бульдозерами, а второй находился на самой обочине дороги. При раскопках выяснилось, что насыпь для

¹ Кузнецов Н.А. Раскопки есаульской курганной группы Сталинским краеведческим музеем в 1939 году // Новокузнецкому краеведческому музею 70 лет: Тезисы региональной конференции. Новокузнецк, 1998. С. 18-22.; Кулемзин А.М. История изучения археологических памятников в Кемеровской области // ИЛАИ. Кемерово, 1985. Вып. 13. С. 109.; Кулемзин А.М., Бородин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово, 1989. С. 81.

² Эрдниев У.Э. К вопросу о возникновении древней металлургии в Кузбассе // Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса. Кемерово, 1957. С. 272-297.

триангуляционного знака была сооружена в XX в. и отношения к могильнику не имеет. Почти вся площадь к востоку от тригонометрического пункта до шоссе-ной дороги занята отвалами доменного шлака и мусора. Не исключено, что часть курганов перекрыта этим отвалом. Из раскопанных курганов хорошо были видны заросшие березами и осинами отвалы на двух частично раскопанных курганах, а третий, раскопанный в 1939 г., курган обнаружен нами не был. Нами была проведена топографическая съемка и курганам присвоены новые номера (Рис. 2).

Аварийные раскопки, осуществленные сотрудниками историко-архитектурного музея «Кузнецкая крепость» в 1994-1995 гг., представляли собой раскопки курганов на снос, закладку шурфов в межкурганном пространстве и исследование насыпей курганов, раскопанных в 1939 г., которые были нами раскопаны также на снос. В раскопках принимали участие школьники г. Новокузнецка³. Раскопки позволили выяснить, что в 1939 г. не было обнаружено «погребений», потому что курганы содержат погребения по обряду кремации на стороне.

Курган № 1. Был расположен в восточной части Есаульской курганной группы, в 10 м от тригонометрического пункта, рядом с грунтовой дорогой. К В от кургана № 1, в сторону шоссе-ной дороги, начинаются шлаковые отвалы. Внешне курган представлял собой округлую насыпь, диаметром 11 метров и высотой 0,4 метра (Рис. 3; Рис. 4). Однако, как оказалось, такая высокая насыпь была не от хорошей сохранности кургана, а от высыпанного на курган мусора. Курган раскапывался на снос, с одной бровкой С—Ю. При снятии насыпи выяснилось, что она содержит мартеновский шлак, недогоревший каменный уголь, фарфоровые электроизоляторы, проволоку и т. д. Всего в кургане было исследовано две могилы, содержащие погребения по обряду кремации на стороне.

Могила 1. При снятии слоя мусора, в нижней его части, в центре кургана выявилось пятно сильно прокаленной почвы, кирпичного цвета. Мощность прокала была довольно большая. К сожалению, при зачистке обнаружилось, что пятно прокала пробито ямой. Яма грабительская, в ее заполнении встречены фрагменты фарфора XIX в. и кремьен от огнива. Очевидно, грабители заложили свой шурф в самом центре насыпи. Их раскоп пробил могилу 1 практически по всей ее площади. В заполнении грабительской ямы присутствуют куски прокаленной почвы ярко-кирпичного цвета и кальцинированные кости, иногда небольшими линзами. Вещей не обнаружено, однако промывка костей в камеральных условиях позволила найти среди них мелкие фрагменты сторевших срединных боковых и фронтальной накладок от лука (Рис. 4, 3-5).

По сохранившимся стенкам определяется, что могила 1 была подпрямоугольной формы, размерами 2,5х2 м, глубиной до 0,5 м. Длинной осью могила вытянута по линии юго-восток—северо-запад. Стенки и дно могилы были, очевидно, выложены берестой, так как при разборке заполнения встретилось много обрывков обугленной бересты. Не исключено, что береста перекрывала могилу. В нескольких сантиметрах от северо-восточной стенки ямы оказались остатки деревянного столбика (Рис. 4, 1).

Могила 2 (Рис. 4, 2), впущена в восточную полу насыпи кургана № 1. Она представляла собой округлую яму, глубиной до 0,6 м и диаметром 0,5 м. Яма была перекрыта полотнищем обугленной бересты. Рядом с могилой — полоска прокаленной почвы, ориентированная ЮЗ-СВ. На дне ямы было скопление человеческих кальцинированных костей, среди которых встречены зубы и

³ Кузнецов Н.А. Раскопки курганов у г. Новокузнецка // Археологические открытия 1994 г. М., 1995. С. 282.; Кузнецов Н.А. Средневековые археологические источники по культуре подтаежной зоны Горной Шории // Деятельность Андрея Ильича Чудякова и духовное возрождение шорского народа. Новокузнецк, 1998. С. 44-46.

фрагменты черепа. Здесь также присутствовали фрагменты накладок от лука (Рис. 4, 6-7). Несмотря на небольшие размеры, могила 2 не является детской, т. к. среди пепла обнаружено несколько зубов, явно принадлежавших взрослому человеку, кроме того, фрагменты черепных костей имели значительную толщину. Вместе с тем погребальный ритуал здесь значительно проще, чем в случае с могилой 1. И размеры ямы, и ее расположение, и отсутствие каких-либо конструкций говорит о «подчиненном» положении этого впускного погребения. Возможно, здесь подхоронен родственник, имеющий более низкий социальный статус. Судя по остаткам накладок от лука, большая вероятность, что оба погребенных были мужчинами.

После снятия насыпи кургана №1 и зачистки были обнаружены расположенные по круту неглубокие ямки, выделяющиеся более темным цветом. Очевидно, представляющие собой следы ровика. В одну из таких ямок попала могила 2. На дне другой ямки найден каменный оселок трапециевидного сечения, с одной заполированной стороной (Рис. 4, 8). Его длина — 9,7 см, ширина рабочей поверхности — 1,2 см. Оселок, вероятно, случайно попал в яму при сооружении насыпи кургана, земля для которой бралась здесь же, отчего и образовался ровик вокруг кургана.

История образования современной насыпи кургана восстанавливается нами так. Сначала была сооружена могила 1. Для этого была вырыта яма, размерами 2,5х2х0,5 м. В яму помещен пепел сожженного человека. Яма была перекрыта берестой, очевидно, с помощью какого-то деревянного каркаса. Сверху был насыпан слой земли и разведен огонь, отчего почва сильно прокалилась. Затем засыпали все землей, отчего образовалась невысокая насыпь. Землю брали здесь же, отчего образовался ровик вокруг кургана. Позднее была введена могила 2. В XIX в. кузнечные бугровщики пробили колодцем центр кургана. Осталась яма, окруженная отвалом земли. В XX в. (50-60 гг.) в эту яму был высыпан мусор — 1 или 2 самосвала. Затем насыпь оплыла и задерновалась. Возможно, что по насыпи прошел плуг.

Курган № 2. Находился на западной оконечности Есаульской курганной группы (Рис. 2). Он наиболее пострадал от расширяющейся дороги, так как часть его насыпи срезана при дорожных работах. Сохранившаяся часть насыпи сильно распахана. Насыпь округлая, диаметром около 9,5 м и высотой 0,1 м. По бровке С-Ю курган более рельефен из-за того, что расположен на самом водоразделе. Глубина вспашки превышает высоту насыпи, поэтому на рельефе курган был еле заметен. Насыпь, видимо, была спажана под уклон, поэтому могилы 3 и 4 оказались практически за пределами насыпи кургана. Начав раскапывать курган № 2, мы выявили могилу 3 за пределами насыпи и увеличили площадь раскопа. Дополнительная площадь раскапывалась квадратами 4х4 м (Рис. 5). Это позволило вскрыть всю площадь кургана. При снятии насыпи были сделаны случайные находки — в северной части насыпи встречен неорнаментированный фрагмент лепной керамики, относящейся к более раннему времени (Рис. 7, 5). В южной части насыпи — фрагмент гранитного терочника (Рис. 7, 3). Также на пашне, в 50 метрах к западу от кургана найден кварцитовый отщеп (Рис. 7, 4). Видимо, эти находки относятся к распаханному поселенческому слою.

Из предметов, имеющих непосредственное отношение к кургану №2, в насыпи были найдены практически под дерном два железных, трехлопастных, черешковых наконечника стрел. Один боеголовковый (Рис. 7, 1), второй вытянутый, с откованными в нижней части лопастей выступами (Рис. 7, 2). Сечение этого наконечника довольно своеобразно. Каждая лопасть имеет стороны неравной ширины, в результате чего наконечник принимает «пропеллерное сечение». Наконечники находились в распаханном слое, в 2-3 метрах к северу от моги-

лы 2. Всего в кургане исследовано 4 могилы, в которых содержались погребения по обряду кремации на стороне. (Рис. 6). Два из них принадлежали людям, два — лошадям.

Могилы 1 находилась в центральной части насыпи. Представляла собой линзу-зольник, насыщенную кальцинированными костями. Форма могилы — подпрямоугольная. Размеры 2х1 м. Ориентирована она длинными сторонами по оси ЮВ-СЗ. По всей площади могилы встречались поясные накладки, однако максимальное количество предметов было сконцентрировано в ее северо-западной части, где мощность зольника была наибольшей (до 7 см). Среди золы и кальцинированных костей встречались древесные угольки. Какую-либо конструкцию из дерева проследить не удалось. Но шлейф угольков, расположенных полукругом, позволяет предполагать наличие легкого деревянного сооружения типа шалашика, сожженного в процессе захоронения (Рис. 6). В центре могилы была зачищена тонкая деревянная, сгоревшая планка. Но являлась ли она частью конструкции погребения или это остатки от какого-либо предмета (колчан?), сказать нельзя.

Наиболее многочисленная категория инвентаря, найденного в могиле 1 — поясная фурнитура. Все поясные накладки и обоймы — бронзовые, накладки украшены растительным орнаментом, с изображением стилизованной виноградной грозди. Любопытно, что поясные накладки сильно оплавлены, а наконечники от четырех свисающих с пояса ремешков-подвесок, с таким же орнаментом, от огня не пострадали (Рис. 8, 1-22). Рисунок винограда на поясных накладках прямо указывает на их южное происхождение. Вероятно, они были привезены из Средней Азии или Восточного Туркестана. Один из наконечников ремня не имеет орнамента (Рис. 8, 22). Видимо, это следы ремонта пояса — замена утраченного наконечника на другой, такого же размера, но не из такого же набора.

Редкой находкой является железный музыкальный инструмент — варган (темир-комыс), представляющий собой согнутый четырехгранный стержень, к которому прикреплен тонкий железный язычок с фигурной пластиной-резонатором (Рис. 9, 1). Такие музыкальные инструменты широко распространены у тюркских народов от Якутии до Средней Азии. От современных наш комыс отличается наличием пластинки-резонатора⁴. Эта находка позволяет с большой долей уверенности говорить о тюркоязычии населения, оставившего данный памятник. Более того, аккомпанемент такого музыкального инструмента должен сопровождать горловое пение, или кай. Это древнейшее в нашем регионе свидетельство о таком явлении как кай.

Другая яркая находка — костяная резная рукоять плети-камчи, сильно пострадавшая от огня. Рукоять была раскрошена на большое количество мелких фрагментов, и в полевых условиях невозможно было определить назначение этих обгоревших осколков. Только в процессе реставрации удалось реконструировать ее графически (Рис. 9, 2). Эта находка была уже нами опубликована⁵.

Рукоять состоит из трубчатой кости небольшого животного (вероятнее всего — овцы, по определению палеозоолога И.Е. Гребнева), в которую вбит на железном стержне костяной набалдашник. Длина сохранившейся части собственно рукояти 10,3 см, она имеет в широкой части овальное сечение 1,6х1,3 см. Большая часть ее покрыта резным растительным орнаментом (Рис. 9, 3). Набалдашник представляет собой вырезанную из кости голову волка, держащего в пасти

⁴ Кузнецов Н.А. Раскопки курганов у г. Новокузнецка // Археологические открытия 1994 г. М., 1995. С. 282

⁵ Кузнецов Н.А. Рукоять плети из второго Есаульского кургана // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 4. С. 54-71.

голову (рог) барана. Левая половина и нижняя часть волчьей головы сильно пострадали от огня, но уцелевшая часть дает достаточно полное представление об образе хищника. Особо подчеркнут выдвинутый вперед нос, на котором обозначены ноздри. Кончик носа отделен от остальной морды широким желобком. Возможно, этот желобок имел какое-то функциональное назначение. Глаза хищника узкие, вытянутые. Над глазами проходит рельефно выступающая полоса, которая упирается в основание уха. Уши сегментовидной формы, соединяются кончиками на затылке. Под ухом выделена приостренная прядь шерсти, которую можно принять за еще одно прижатое ухо. Возможно, изображен именно четырехухий волк. Так в алтайском героическом эпосе Маадай-кара присутствует как персонаж четырехухая кобылица⁶. Грива, длинная, вытянутая морда, особо подчеркнутый нос, приостренные кончики ушей — не позволяют сомневаться в видовом определении хищника как волка. От лба и ушей назад тянутся закручивающиеся на концах пряди гривы. Шерсть на лбу обозначена перпендикулярными полосами. Нижняя челюсть значительно короче верхней. В пасти волк держит закручивающийся рог, который спереди обозначен продольными рельефными полосами, а сбоку — поперечными. Размеры набалдашника 4,2х2х1,5 см. Он имел костяной конусовидный шип длиной 3 см, который вставлялся в рукоять и закреплялся штифтом. Для придания большей прочности этому соединению в набалдашник был вбит железный стержень, 8 см длиной. Одна половина его (внутри волчьей головы) имеет четырехгранное сечение, а другая — круглое, с зарубками, для большей прочности соединения. С другой стороны набалдашника (со стороны пасти волка) в него был вбит железный стержень четырехгранного сечения с кольцом, на которое были надеты еще два железных кольца. К этим подвижным кольцам, очевидно, крепились «хвосты» плети. Железная обойма должна была предохранить набалдашник от трещин, которые привели бы к его разрушению (Рис. 9, 4). Общая длина рукояти плети была около 17 см.

В могиле 1 обнаружены также фрагменты накладок от лука (Рис. 9, 9), одна целая и два фрагмента костяных свистунок от стрел (Рис. 9, 5-7), и железный крюк (Рис. 9, 8). Прорези в свистунках вытянутые. Среди пепла лежали параллельно три сожженные тонкие деревянные плашки, около 10 см длиной каждая. Вероятно, детали какого-то предмета из органических материалов.

Могила 2. Полностью пробита грабительским шурфом. От нее не осталось ни одного неповрежденного края. Только в заполнении грабительского шурфа встречены кальцинированные кости (в том числе зубы человека) и вещи, значительно отличающиеся от вещей из могилы 1. Это поясные бронзовые посеребренные накладки (Рис. 10, 2-6) и один сломанный железный трехлопастной черешковый наконечник стрелы. Очевидно, два наконечника из насыпи также относятся к могиле 2. (Рис. 10, 1). Все эти наконечники трехлопастные, черешковые, с выделенным упором. Все они имеют следы пребывания в огне при высокой температуре. Могила 2, так же как и могила 1, сооружена на ровной площадке, подвергшейся воздействию огня, что прослеживается в бровке 2 кургана 2. Площадка у могил 1 и 2 — единая.

Могила 3. Находилась в 4 метрах к СВ от могилы 1. Имела подквадратную форму 1,5х1,2 м, ориентирована продольной осью — ЮВ-СЗ. Вся заполнена слоем жженных костей. Среди скопления золы и большого количества кальцинированных костей не оказалось ни одного человеческого зуба или другой кости, похожей на человеческую. Зато встречены длинные пластинки зубного дентина, явно принадлежащие крупному животному. Также здесь найдены кальцинированные фрагменты застежек от лошадиных путлиц — цурук (Рис. 10, 7-8), что

⁶ Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М., 1973. С. 280.

позволило нам определить захоронение как погребение пепла от сожженного коня. Количество жженных костей здесь значительно больше, чем в захоронениях людей. Вещей, кроме фрагментов двух дурок — нет. Захоронение совершено на обожженной площадке.

Могила 4. Захоронение лошади по обряду кремации на стороне в 2-х метрах к СВ от могилы 3. Линза имеет неправильную форму 1х1 метр. Рядом с могилой 4 находилась грабительская яма, но грабители своим шурфом не задели могилу. Кальцинированные кости с золой были высыпаны на прокаленную площадку вместе с обгоревшими и оплавленными деталями сбруи. Среди костей большое количество капель расплавленной бронзы, сбруйные накладки, бронзовая пряжка с неподвижным щитком, железный язычок от пряжки (Рис. 11, 2-8). Вещи сильно пострадали от огня. Из деталей сбруи интерес представляет роговое стремя. Стремя изготовлено из лосяного рога и сильно пострадало от огня. Его невозможно собрать воедино, так как рог от огня сильно деформировался (Рис. 12, 1). Стремена из рога или дерева встречаются достаточно редко, хотя и не являются уникальными⁷. Интересно то, что стремя в погребении было только одно. Вероятно, это левое стремя, выполнявшее роль подножки при посадке на лошадь. Однако возможно и то, что второе стремя по каким-то причинам было срезано при совершении погребального обряда.

Среди деталей сбруи оказался железный топор-тесло, слегка изогнутый, с выделенными плечиками, с несомкнутой втулкой. На лезвии — выщербинка. Лезвие выпуклое. Топор, очевидно, был приторочен к седлу. Удила в могиле отсутствуют (Рис. 11, 1). Топор покрыт пленкой закисью-окиси, что свидетельствует о его пребывании в огне, при высокой температуре.

Захоронения лошадей, так же как и захоронения людей, совершены на выровненных обожженных площадках. Все могилы кургана сооружены на одном уровне — возможно, они были совершены одновременно, на единой площадке, так как все линзы кальцинированных костей находятся на ровных обожженных площадках, имеющих округлую форму. Но две грабительские ямы не позволяют уверенно сказать, что эти площадки образовывали одно целое. Очевидно, что захоронения кремированных останков лошадей являются сопроводительными могилами для человеческих погребений в этом кургане. Так как останки обоих погребенных людей (вероятнее всего, мужчин) находились на единой, специально подготовленной площадке, есть основания считать, что все погребения в кургане № 2 совершены одновременно. В средневековых памятниках Кузнецкой котловины погребения кремированных лошадей встречаются нечасто. В других курганах Есаульской группы подобных погребений не было.

Насыпь кургана № 2 образовалась при сооружении захоронений. Она была невысокой, видимо, овальной. Бугровщики забили два шурфа, причем один из них попал в погребение. В XX в. насыпь была сильно запахана. Курган № 2 раскопан полностью. Однако в связи с тем, что часть могил из него находилась не под насыпью, мы заложили несколько контрольных шурфов по разным направлениям от насыпи кургана. Следов кальцинированных костей, прокалов или сажистых прослоек не обнаружено. По стенкам шурфов почва не потревожена.

Курган № 3 (Рис. 13; Рис. 14). Он раскапывался в 1939 г. В 1994 г. представлял собой яму, окруженную отвалом земли, поросшим деревьями. Многолетнее опаживание насыпи придавало ей вытянутую форму (Рис. 13). Размеры насыпи 8х20 м. Она вытянута длинной осью в направлении ЮЗ-СВ. На юго-

⁷ Беликова О.Б. Курган 53 Змеинкинского могильника на Чулыме // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1988. С. 116-135.

западной оконечности кургана, на поверхности, были видны 2 камня. Безусловно, камни попали на отвал раскопа в недавнее время, так как они были видны на поверхности, но выброшены ли они при раскопках 1939 г. или убраны с пашни трактористами, сказать трудно. При всей неопределенности их первоначального местонахождения их следует связывать именно с курганным комплексом, так как камни здесь больше нигде не встречаются. Во время раскопок выяснилось, что многолетнее опаживание кургана, расположенного на склоне, привело к тому, что уровень современной пашни оказался ниже уровня древней поверхности и ниже уровня могилы 1. Всего в кургане № 3 было исследовано 9 могил с погребениями по обряду кремации на стороне.

Могила 1. Очевидно, эта могила была главным захоронением в кургане, так как она единственная имела конструкцию из дерева и бересты. Но могила 1 пробита грабительским шурфом, а кроме того, она частично попала в раскоп 1939 г. Поэтому конструкция могильного сооружения почти не прослеживается (Рис. 14, 1). Ориентирована могила углами по сторонам света. Об этом говорит сохранившееся тонкое обгоревшее бревнышко, ориентированное в направлении СЗ-ЮВ. Рядом с бревном присутствуют кальцинированные кости и обрывки обугленной бересты. Вероятно, могила 1 имела размеры около 2х2 метра. Почва прокалена. Ямы не было — деревянная рама была уложена на подготовленную ровную площадку, а затем могильное сооружение было сожжено. В могиле 1 найдены две поясные накладки, одна из которых фрагментирована (Рис. 15, 1-2). Сломанная накладка имела простой орнамент. Еще одна поясная накладка из того же набора обнаружена позднее, в бровке, в грабительском выбросе, вместе с железным черешковым наконечником стрелы ромбического сечения (Рис. 15, 3,5). Наконечник сильно коррозирован, но можно сказать, что он уплощенный, с выделенной круглой шейкой. Кроме того, в могиле найден фрагмент железной пластинки (Рис. 15, 4). Ее назначение непонятно. Возможно, она относится к поясной фурнитуре.

Могила 2. Находилась в 2 метрах к югу от могилы 1, на том же уровне. Овальной формы — 0,8х1,2 м. Среди костей встречены обрывки бересты, крошки прокаленной земли, обломки неопределенного, сильно коррозированного железного предмета. Среди кальцинированных костей определяется фрагмент верхней челюсти человека.

Могила 3. Находилась в 1,5 метрах к юго-востоку от могилы 2. Имела подквадратную форму 0,6х0,6 метра, ориентирована углами по сторонам света. Могила, видимо, впущена сверху, но в насыпи яма не прослеживалась (все впускные могилы находились в черном слое и границы определялись только по зольным линзам). Среди кальцинированных костей найдены три срединных боковых и одна тонкая фронтальная накладки от лука, два фрагмента свистунки и обломок костяного черешкового трехгранного наконечника стрелы (Рис. 16, 1-7). Наличие трех(?) срединных боковых накладок заставляет думать, что либо в нашем случае в могилу были помещены остатки от двух сожженных луков, либо же это были просто заготовки для изготовления сложносоставного лука, поэтому оказался такой «некомплект».

Могила 4. Находилась на северо-восточной окраине кургана, на самом краю насыпи, в непосредственной близости к пашне. Могила задета плугом, в результате чего от нее тянется шлейф кальцинированных костей на юго-восток, где доходит до деревянного сгоревшего столбика, диаметром 12 см. Столбик плугом не задет. Он сохранился в материке на глубину до 10 см. Его нижний конец заострен. Все кости принадлежат животному, но не такому крупному, как конь. Сама могила имела подквадратную форму 1,5х1,5 м и ориентирована углами по сторонам света. Вещей нет (Рис. 14, 4).

Могила 5. Находилась в 2 метрах к востоку от могилы 3 (Рис. 13), форма ямы трапециевидная, диагонали 1,5х1,8 м. Ориентирована яма углами по сторонам света. Зольная линза, насыщенная кальцинированными костями, очевидно, впущена в насыпь уже существующего кургана. Некоторые кости недогоревшие. Определяются черепные кости, фаланги пальцев, зубы. Черепные кости довольно толстые, швы сросшиеся. Среди костей обнаружены железная игла (Рис. 17, 1), пластинчатый браслет из белой бронзы (Рис. 17, 2), две боковых срединных накладки от лука (Рис. 17, 3-4), камень гематит, обточенный со всех сторон (Рис. 17, 5), железная пластинка (возможно, фрагмент лезвия ножа) (Рис. 17, 6) и железный предмет неизвестного назначения ланцетовидной формы, но его прямоугольное сечение с каверинами на ребрах не позволяет определить этот предмет как нож (Рис. 17, 7). Рядом с ним в могиле были следы красной краски, что позволяет предположить, что предмет находился в красном чехле из кожи или дерева. В насыпи кургана рядом с могилой 5 была найдена плоская речная галька, сточенная с одной стороны (Рис. 15, 6). Вероятно, именно на этой гальке натирали порошок с гематита, а затем с какими-то целями, вероятнее всего косметическими, полученный красный порошок использовали. Наличие «косметического» набора, железной иглы, браслета заставляет предполагать, что здесь была похоронена женщина. Однако наличие остатков от лука этому противоречит. Возможно, средневековые женщины могли использовать лук при необходимости.

Могила 6. Находилась в 1 метре к югу от могилы 5. Размеры ее гораздо меньше — 0,6х0,6 м, ориентирована она углами по сторонам света. Вещей нет. Расположена практически на одном уровне с могилой 5. Среди костей определяются человеческие зубы и фрагменты верхней челюсти.

Могила 7. Расположена в 6 метрах к востоку от могилы 1 и в 4 метрах к северу от могилы 5. Вытянутой формы — 1х0,5 м. Ориентирована длинной стороной СЗ-ЮВ. Среди кальцинированных костей встречены поясные накладки из железа (Рис. 18, 1-23). Накладки прямоугольной формы (Рис. 18, 1), овальной (Рис. 18, 2-3, 5-6), сердцевидной (Рис. 18, 4). Железные поясные накладки достаточно часто встречаются в археологических памятниках эпохи средневековья в Кузнецкой котловине⁸.

Могила 8. Расположена в 2 метрах к северу от могилы 5, подквадратной формы 0,5х0,5 м, ориентирована углами по сторонам света. В пределах 1 м к северу от нее два сгоревших деревянных столбика 5 и 8 см диаметром. Среди кальцинированных костей определяются зубы и кости лицевого скелета человека. Зубы мелкие. На тонких черепных костях несросшиеся швы. Вещей нет.

Могила 9. Расположена в нескольких сантиметрах к СЗ от могилы 7, но выше ее по уровню на 0,5 м. Размеры 0,6х0,8 м, ориентирована углами по сторонам света. Вещей нет. Кости человеческие (зубы). Кроме находок в погребениях, в насыпи кургана были обнаружены упомянутая выше сильно залощенная с одной стороны плоская галька к юго-западу от могилы 5 (Рис. 15, 6) и бронзовый перстень с изображением гроздьев винограда (Рис. 15, 7) — в северо-восточной части насыпи, в выбросе грабительской ямы. Перстень имеет прямые аналоги в могильнике Шестаки-II, а также в материалах Бобровского могильника на Иртыше⁹. Очевидно, так же как и железная игла, перстень является импортным предметом, привезенным из Восточного Туркестана или Средней Азии.

⁸ Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск, 1992. Рис. 37, 12.

⁹ Арсланова Ф.Х. Бобровский могильник // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук. 1963. Вып. 4. С. 68-84.

В кургане № 3 все могилы концентрировались в юго-западной и центральной части. В северо-восточной части находилась только могила 4, которая представляла собой сожжение животного. Возможно, это следы поминального ритуала (тризны). Современный вид насыпь приняла после раскопок 1939 г., когда была прокопана от северной стороны к центру глубокая яма, врезавшаяся в материк до глины. Отвал был отброшен на южную часть насыпи. Затем отвал порос березами и осинами. Это спасло курган от распашки. Курган опахивался с двух сторон, что привело, во-первых, к образованию вытянутой формы насыпи, во-вторых, склон холма был пропахан до материка и современная дневная поверхность пашни, окружающей курган, находится гораздо ниже древней дневной поверхности. Северная часть могилы 1, видимо, спажана до материка.

В 1995 г. нами раскопан последний видимый на поверхности курган из Есaulьской курганной группы, который имел следы раскопок 1939 г. (Рис. 19).

Курган № 4 находился в 40 метрах восточнее кургана № 3 и в 35 м юго-западнее кургана № 1 (Рис. 2). Насыпь поросла березами и кустарником. Курган имел диаметр 14 м. Он представлял собой овальный отвал вокруг ямы, образованной старым раскопом. Перепад высот от самой высокой точки насыпи до дна раскопа 1939 г. — 130 см. Многолетнее опахивание привело к тому, что насыпь оказалась слегка вытянутой вдоль гребня увала. С южной стороны кургана пашня глубоко врезается в материковую глину.

При исследовании этого кургана, в отвале раскопа Н.А. Чернышева были найдены две выброшенные случайно поясные накладки, бронзовая и железная (Рис. 7, 6-7). Бронзовая накладка идентична набору накладок из собрания Новокузнецкого краеведческого музея, имеющим указание, что происходят они из кургана № 2. Таким образом, мы предполагаем, что курган, имеющий по нашей нумерации № 4, соответствует № 2 по нумерации 1939 г. В ходе раскопок удалось выяснить, что первоначальные размеры кургана были гораздо меньшими. В середине насыпи был заложен раскоп площадью более 16 кв. м, который полностью захватил могилу. Возможно, раскоп велся двумя траншеями, а затем был сделан контрольный перекоп. Яма 1939 г. имеет неправильную форму. Если наше предположение об идентичности кургана № 2 по нумерации Чернышева верно, в этом кургане были найдены в 1939 г. четыре бронзовые поясные накладки, три наконечника стрел (один из которых был интерпретирован как долотовидное оружие) (Рис. 20, 1-12).

Мы исследовали отвал земли вокруг кургана, раскопанного в 1939 г. практически на снос, что не позволило нам определить форму и глубину могильной ямы и наличие какой-либо конструкции. В насыпи отсутствовали какие-либо фрагменты дерева, но мелкие жженые косточки и угольки встречались повсеместно, без малейшей системы. В поле насыпи были обнаружены кости собаки, типа лайки. Были найдены кости передней лапы и поясничный позвонок. Кости находились на самом краю насыпи. Очевидно, остальные кости (если они были) были выпажаны из насыпи кургана. Кости собак в средневековых курганах Кузбасса встречаются достаточно часто.

После исследования всех оставшихся насыпей все неровности рельефа на пашне были зачищены. Повсеместно на пашне встречаются мелкие фрагменты кальцинированных костей, но курганов или каких-либо других объектов обнаружено не было. Зачистка насыпи, на которой стоит тригонометрический знак, показала, что первоначально на этом месте стоял знак деревянный, установленный в 1930-е гг. Сохранились основания столбов и металлическая арматура и даже табличка с номерами. Насыпь была сделана тогда же. Только одна находка была сделана на пашне, между курганами № 1 и № 4 — был найден обломок бронзовой ручки (деталь ее навершия) от сосуда (Рис. 12, 2).

Основные могилы во всех курганах имели хорошо выраженные площадки, площадь которых довольно значительна. В основании тригопункта никаких признаков кургана не обнаружено. Возможно, остальные курганы уничтожены дорогой или перекрыты шлаковым отвалом.

Курганы содержали захоронения, совершенные по обряду кремации на стороне. Погребальный обряд удается проследить: на широкой площадке снимали дерн и подвергали эту площадку воздействию огня — в стратиграфическом разрезе хорошо читается очень тонкий (не толще 1 см) слой красноватой прокаленной почвы и сразу над ним такая же тонкая черно-сажистая прослойка. Затем сюда высыпался компактной кучкой пепел сожженного человека вместе с его личными вещами. Любопытно, что в одном случае поясные бронзовые накладки среди пепла человека сильно оплавлены, а накладки свисающих с пояса ремешков-подвесок с таким же орнаментом от огня не пострадали.

После этого возводилась насыпь. Насыпь сооружалась из снятого ранее дерна и земли, которую брали по периметру кургана, отчего образовалось подобие неглубокого ровика вокруг насыпи. Последующие захоронения впускались в насыпь уже существующего кургана. В кургане № 1 захоронения совершены в ямах. После высыпания пепла яма перекрывалась берестой и тонким слоем земли, после чего разводился огонь. Почва прокалялась, а береста обугливалась, но не сгорала. Следует отметить, что огонь в погребальном ритуале использовался по крайней мере дважды, сначала при кремации останков человека, второй раз — при погребении этих останков в кургане. При всех отличиях совпадает погребальный обряд — трупосожжение на стороне. Все могилы ориентированы углами по сторонам света. Почти все могилы имеют подквадратную или подпрямоугольную форму. Вполне сопоставим инвентарь из разных могил. Хорошо представлена такая категория инвентаря, как поясная фурнитура, но сравнительно мало предметов вооружения. Любопытно полное отсутствие детских могил. Либо детские кости сгорали без остатка, либо детей хоронили в другом месте. Ровик удалось проследить только в кургане № 1. Возможно потому, что в других случаях он был слишком мелкий и не врезался в материк. Поэтому после распашки обнаружить следы ровика невозможно.

Есаульская курганная группа, безусловно, относится к кемеровскому варианту Верхнеобской культуры, к ее заключительному этапу (Юрт-акбалыкский этап VIII-IX вв.) На этом этапе верхнеобской культуры преобладает обряд кремации на стороне и часты сожжения в могилах¹⁰. Хотя материалы памятника довольно своеобразны (роговое стремя, наличие луков в женских погребениях, сожжения лошадей, мощные прокалы над центральными могилами), это своеобразие легко можно объяснить периферийным расположением памятника, а следовательно, и древней этнической группы, проживавшей в подтаежной зоне. Предметный комплекс не противоречит указанной дате VIII-IX вв. н.э.

ЛИТЕРАТУРА:

Арсланова Ф.Х. Бобровский могильник // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественных наук. 1963. Вып. 4. С. 68-84.

Беликова О.Б. Курган 53 Змеинкинского могильника на Чулыме // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 1988. С. 116-135.

¹⁰ Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. С. 24.

Илюшин А.М., Сулейменов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г. Могильник Сапогово — памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. Новосибирск, 1992. 126 с.

Кузнецов Н.А. Раскопки есаульской курганной группы Сталинским краеведческим музеем в 1939 году // Новокузнецкому краеведческому музею 70 лет: Тезисы региональной конференции. Новокузнецк, 1998. С. 18-22.

Кузнецов Н.А. Раскопки курганов у г. Новокузнецка // Археологические открытия 1994 г. М., 1995. С. 282.

Кузнецов Н.А. Рукоять плети из второго есаульского кургана // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 4. С. 54-71.

Кузнецов Н.А. Средневековые археологические источники по культуре подтаежной зоны Горной Шории // Деятельность Андрея Ильича Чудоякова и духовное возрождение шорского народа. Новокузнецк, 1998. С. 44-46.

Кулемзин А.М. История изучения археологических памятников в Кемеровской области // ИЛАИ. Кемерово, 1985. Вып. 13. С. 107-115.

Кулемзин А.М., Бородкин Ю.М. Археологические памятники Кемеровской области. Кемерово, 1989. 158 с.

Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М., 1973. 474 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск, 1998. 152 с.

Эрдниев У.Э. К вопросу о возникновении древней металлургии в Кузбассе // Труды научной конференции по истории черной металлургии Кузбасса. Кемерово, 1957. С. 272-297.

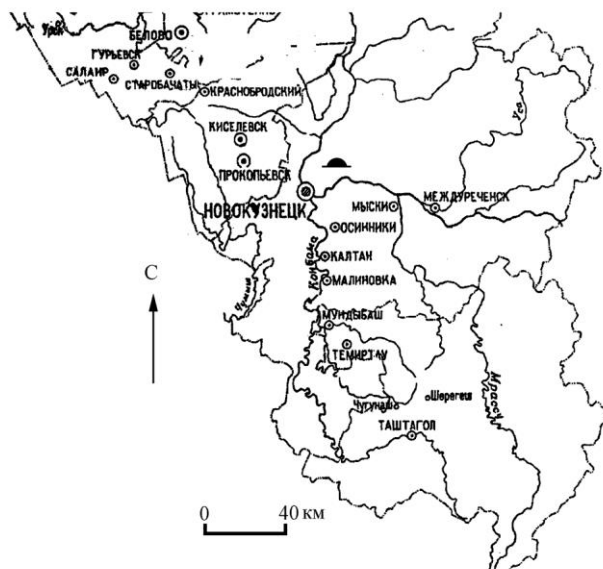
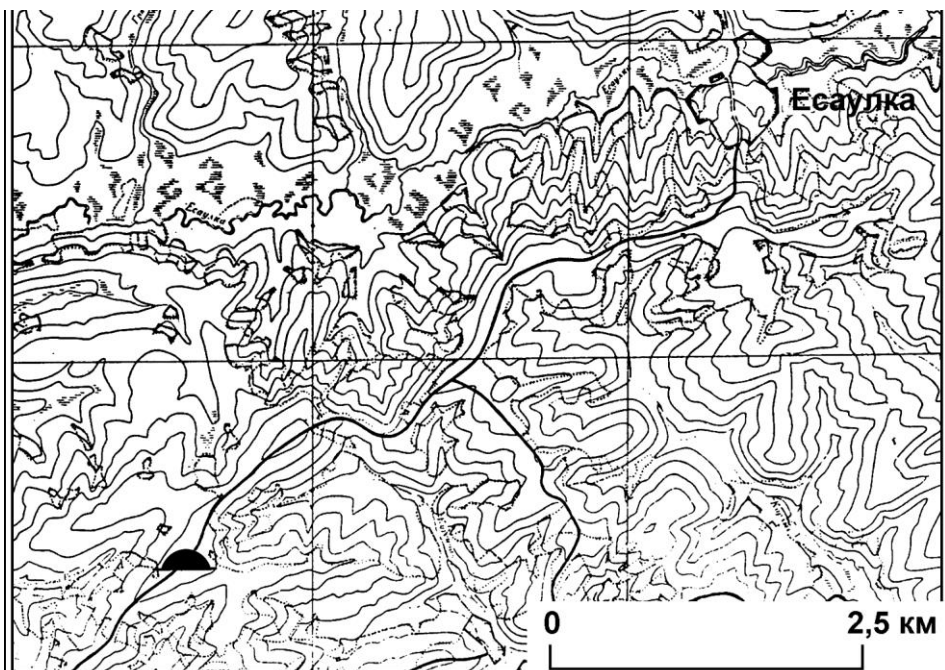

Рис. 1. Месторасположение Есаульской курганной группы.

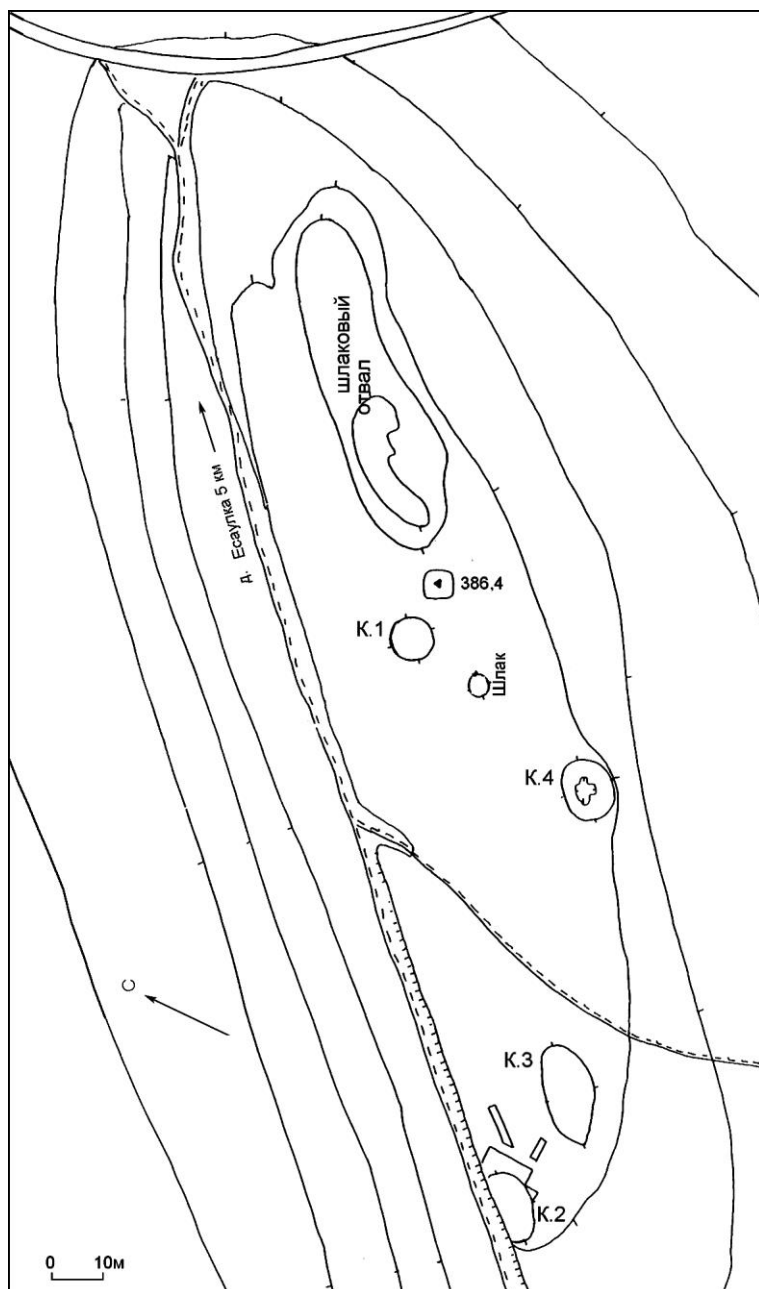

Рис. 2. Есаульская курганная группа. План памятника.

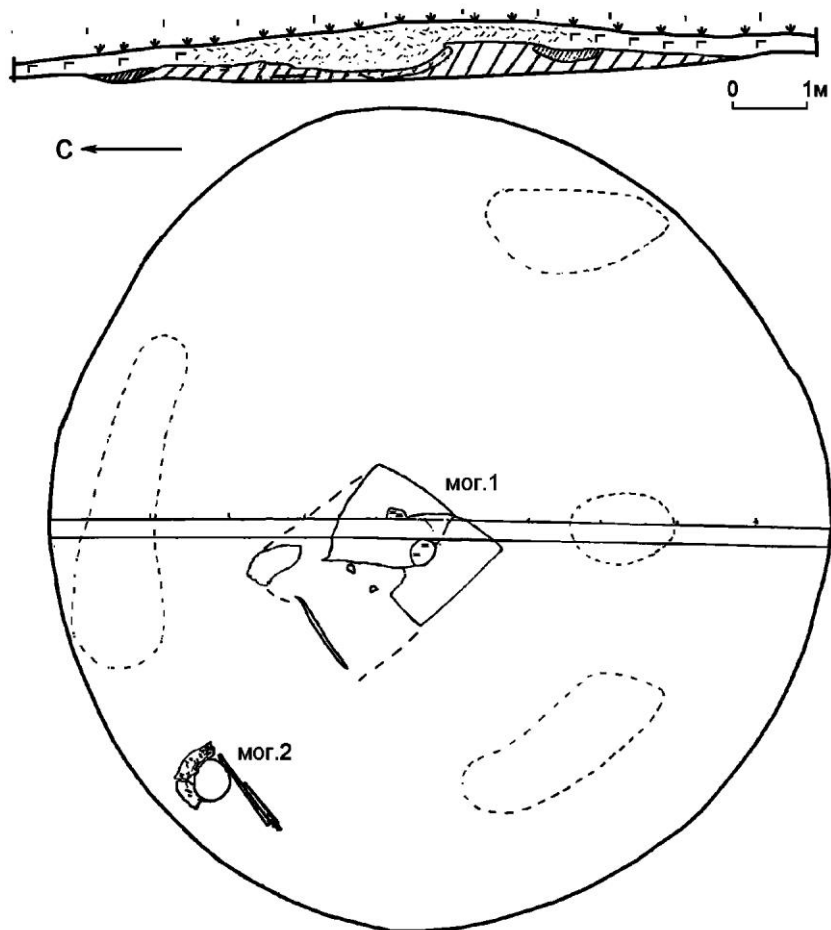

Рис. 3. Есаульская курганная группа. Кургan №1. План.

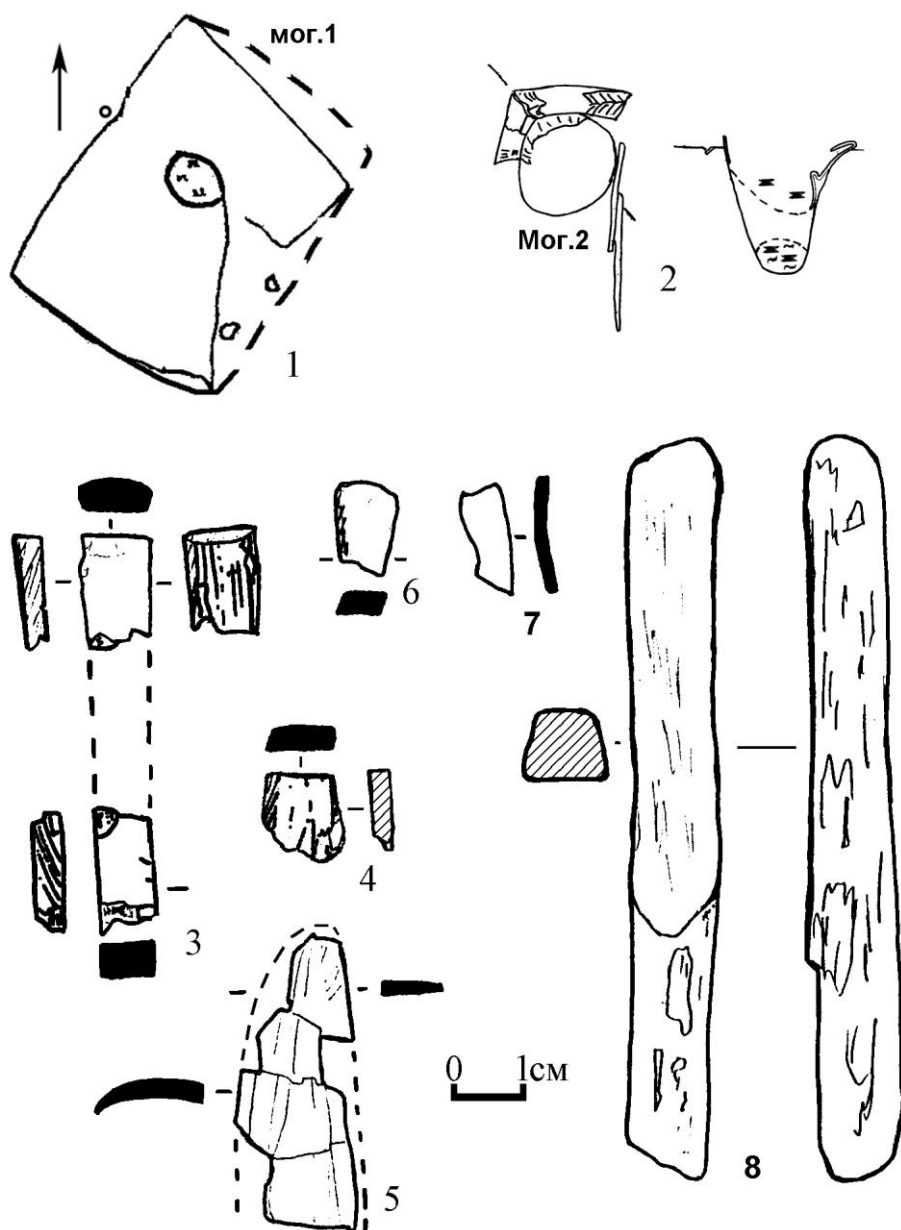

Рис. 4. Есаульская курганная группа.

1 — курган № 1, план могилы 1; 2 — курган №1, план могилы 2;
 3-5 — накладки от лука из мог. 1; 6-7 — накладки от лука из мог. 2;
 8 — оселок. 2-7 — кость; 8 — камень.

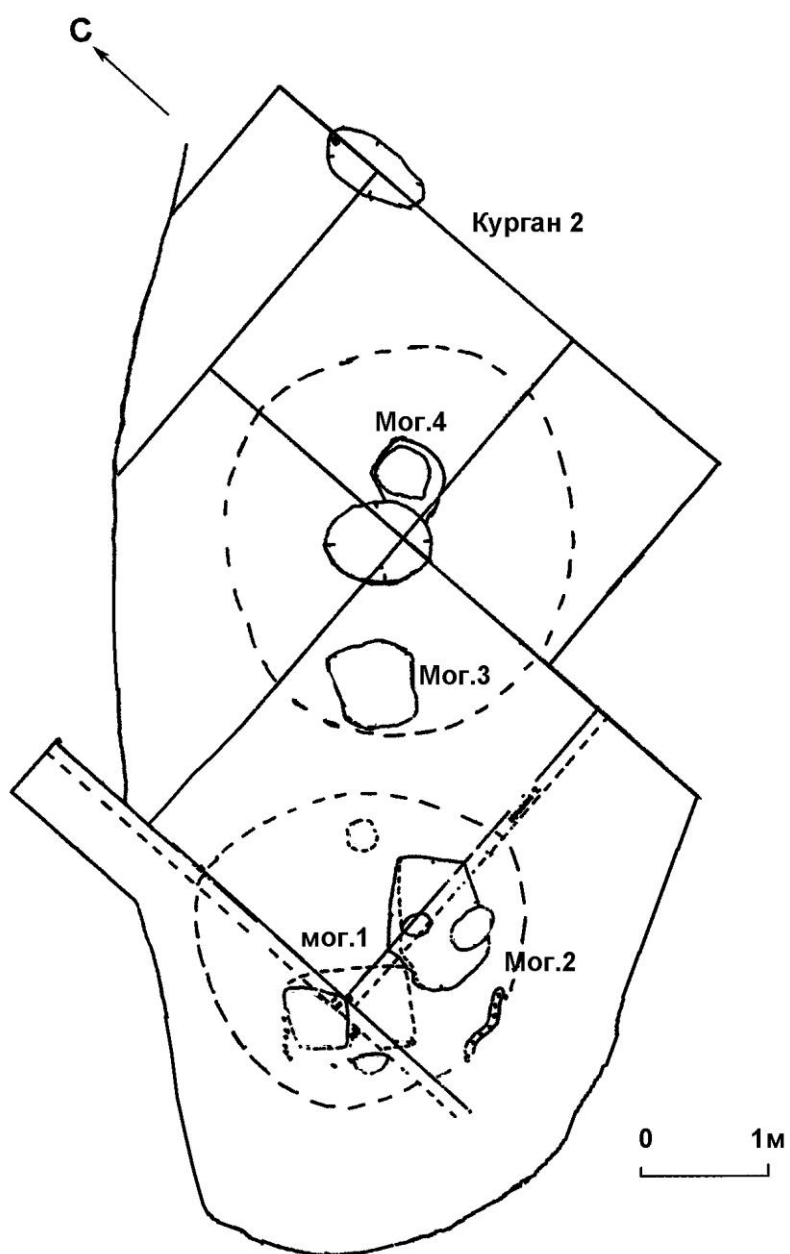

Рис. 5. Есаульская курганная группа. Курган 2. План.

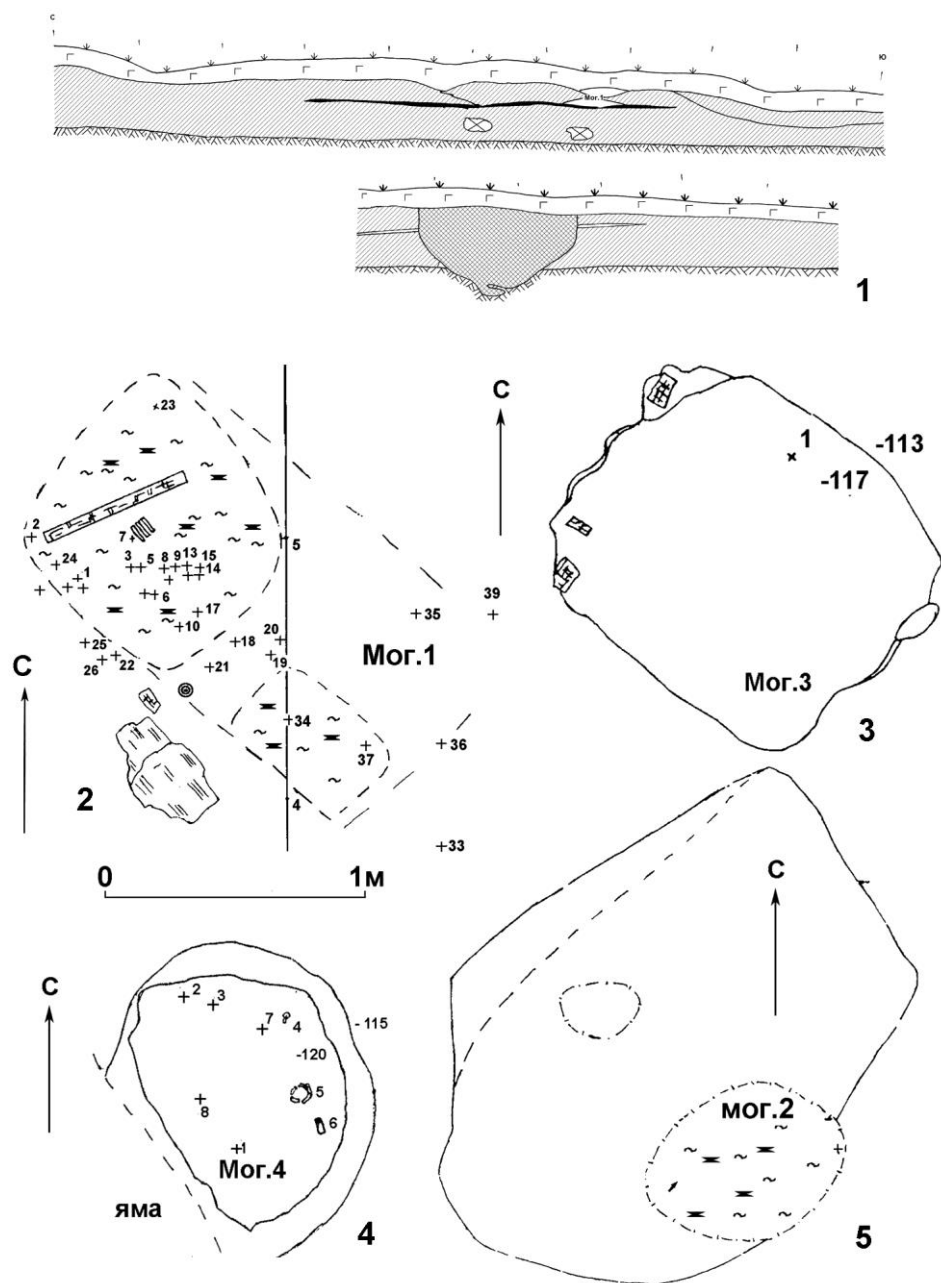

Рис. 6. Есаульская курганная группа. Кургan 2.
Планы могил и профили кургана.

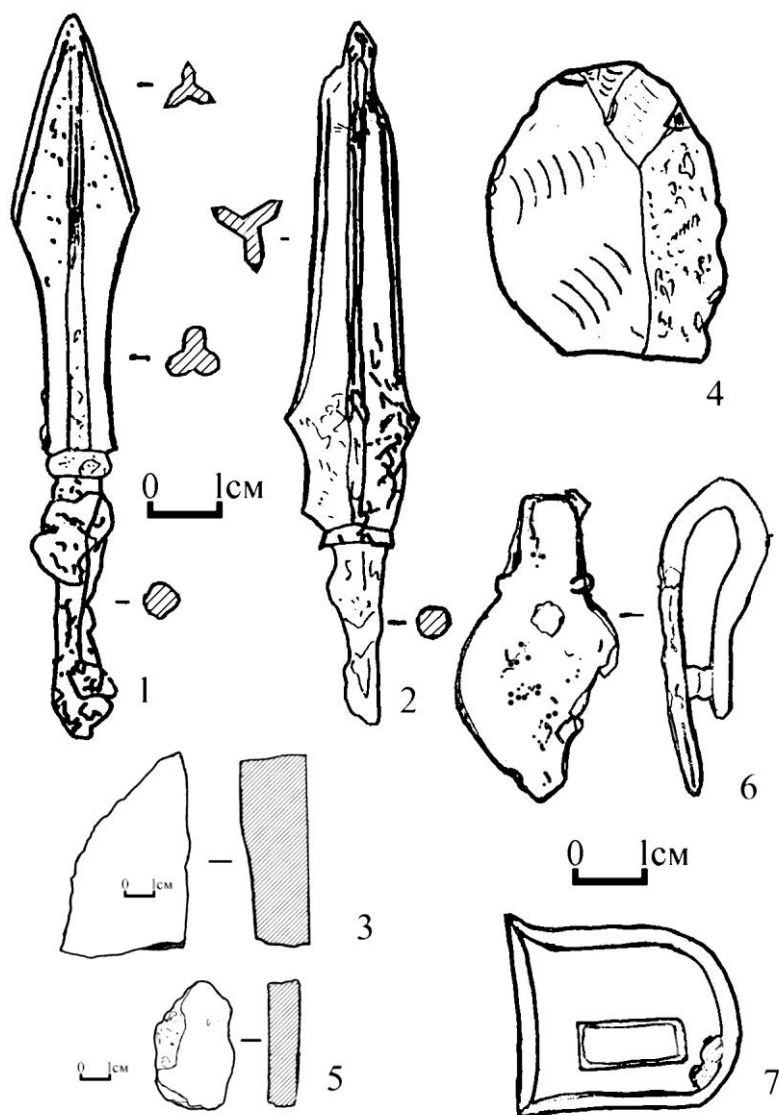

Рис. 7. Есаульская курганная группа. Случайные находки.
 1-2 — наконечники стрел из кургана №2; 3 — терочник; 4 — отщеп;
 5 — фрагмент керамики; 6-7 — поясные накладки из кургана №4.
 1-2, 6 — железо; 3-4 — камень; 5 — глина; 7 — бронза.

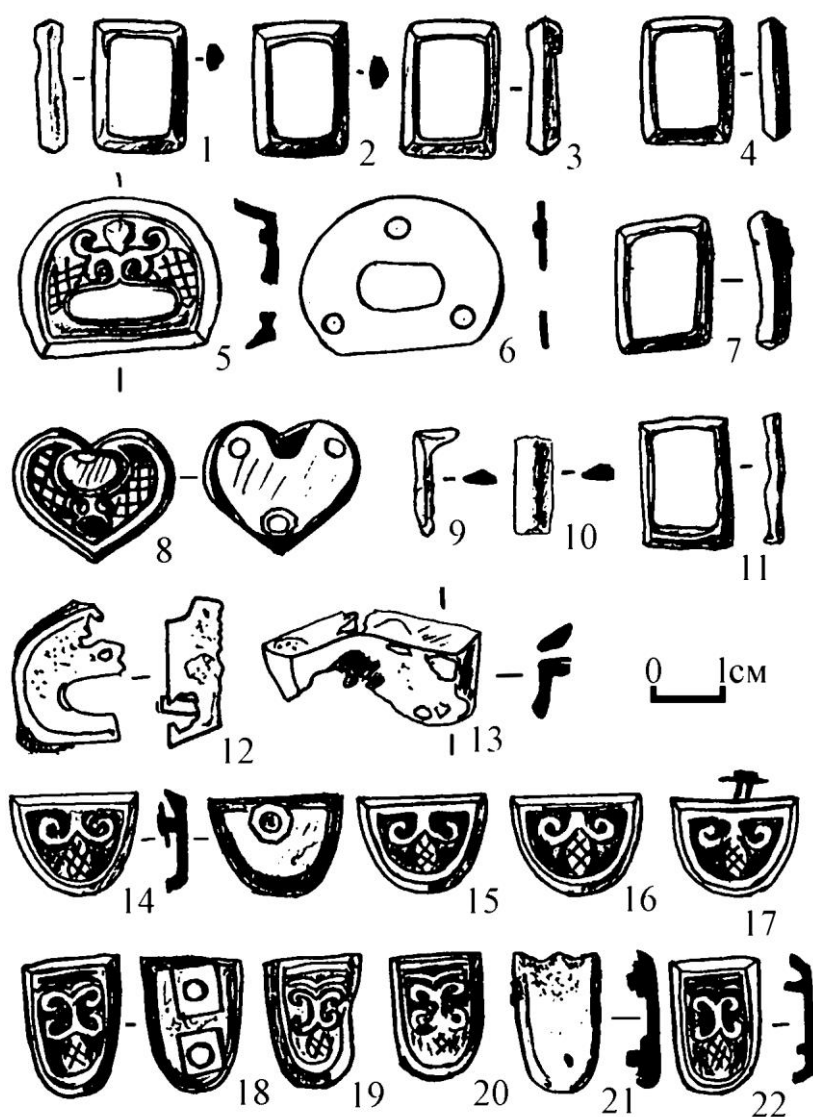

Рис. 8. Есаульская курганная группа. Курган 2, могила 1.
1-22 — поясные накладки. Все бронза.

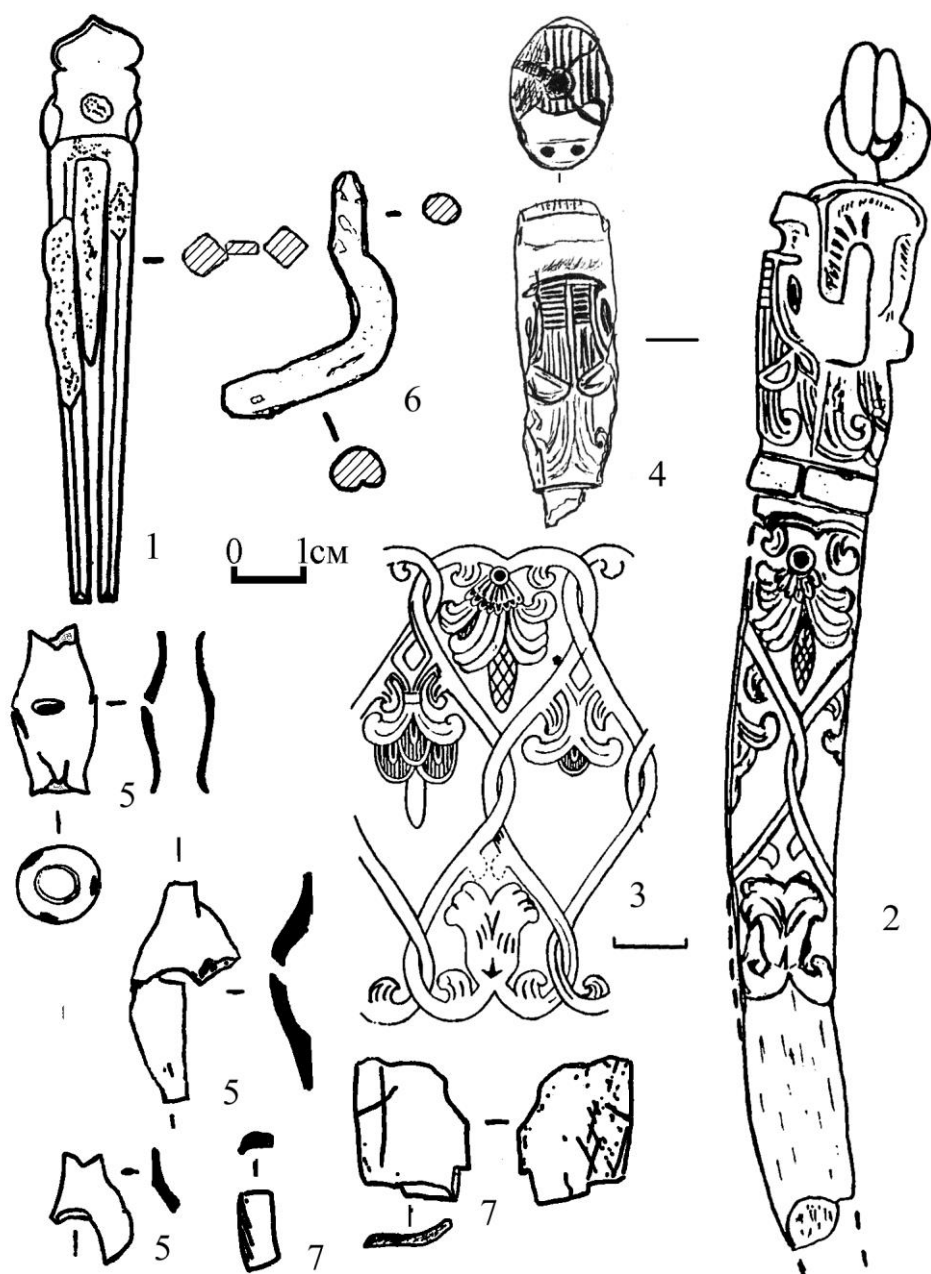

Рис. 9. Есаульская курганная группа. Курган 2, могила 1.
 1 — варган; 2 — рукоять плети; 3 — орнамент рукояти; 4 — набалдашник;
 5-7 — свистунки; 8 — крюк; 9 — фрагменты накладок от лука.
 1, 8 — железо; 2-7, 9 — кость.

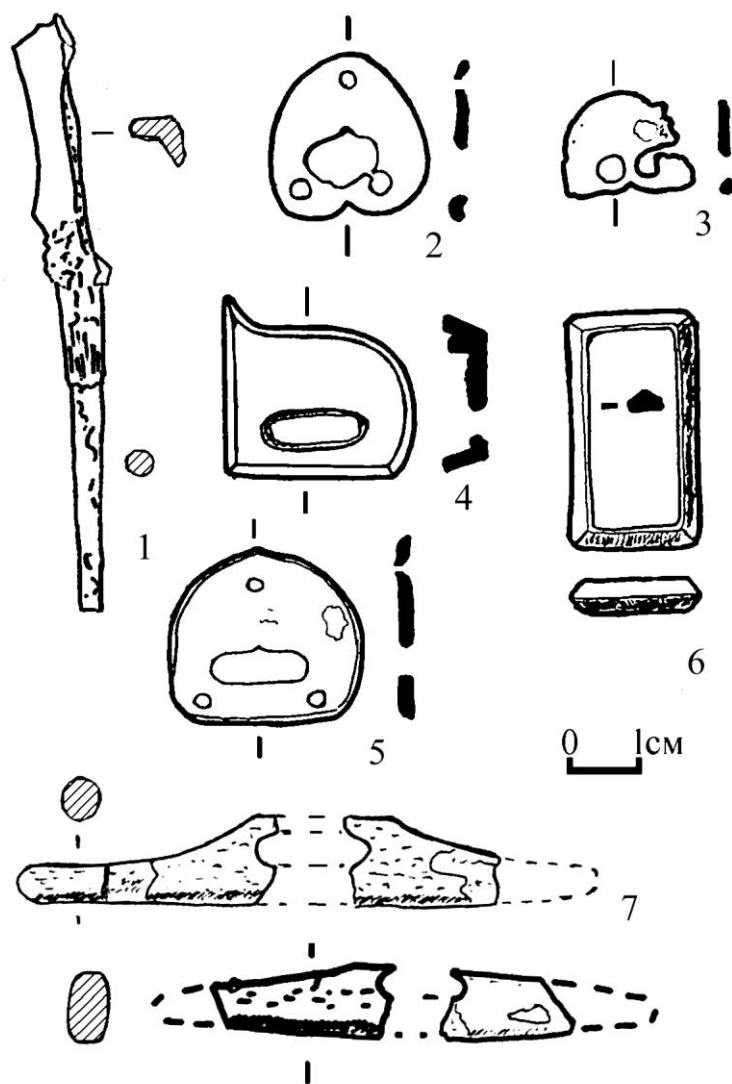

Рис. 10. Есаульская курганная группа. Курган 2, могила 2.

1 — наконечник стрелы; 2-5 — поясные накладки; 6 — обойма.

7-8 — щурки (курган 2, могила 3). 1 — железо; 2-6 — бронза; 7-8 — кость.

Рис. 11. Есаульская курганный группа. Курган 2, могила 4.
1 — топор-тесло; 2-7 — детали сбруи. 1, 4 — железо; 2-3, 5-7 — бронза.

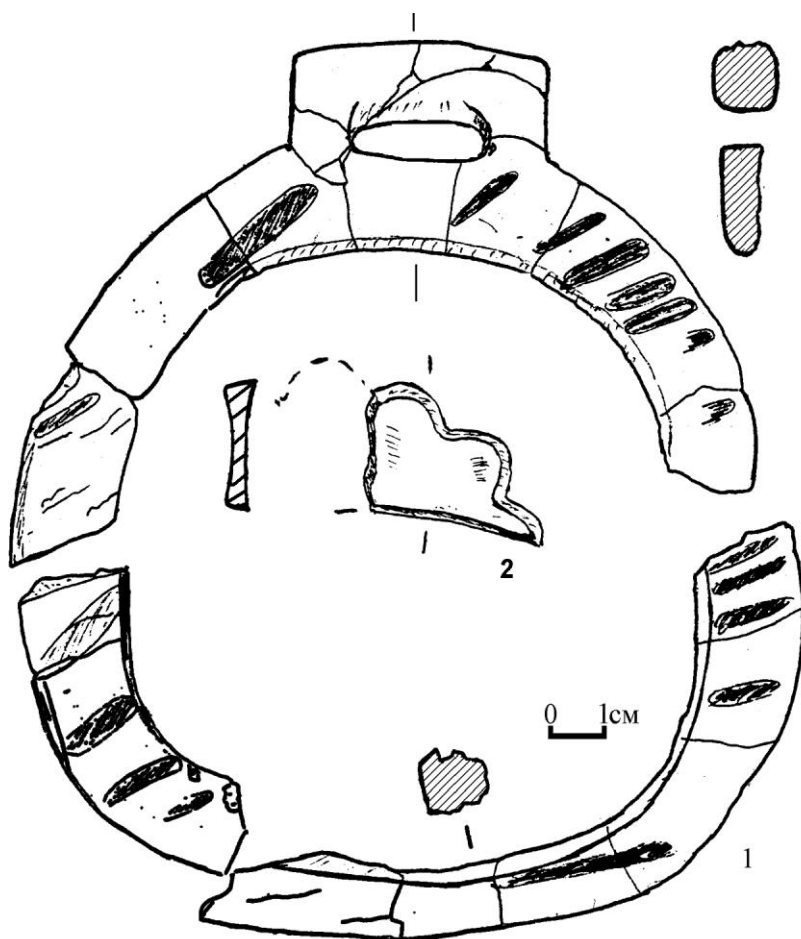

Рис. 12. Есаульская курганный группа.
 1 — роговое стремя (курган 2, могила 4);
 2 — фрагмент рукояти от сосуда, бронза (случайная находка).

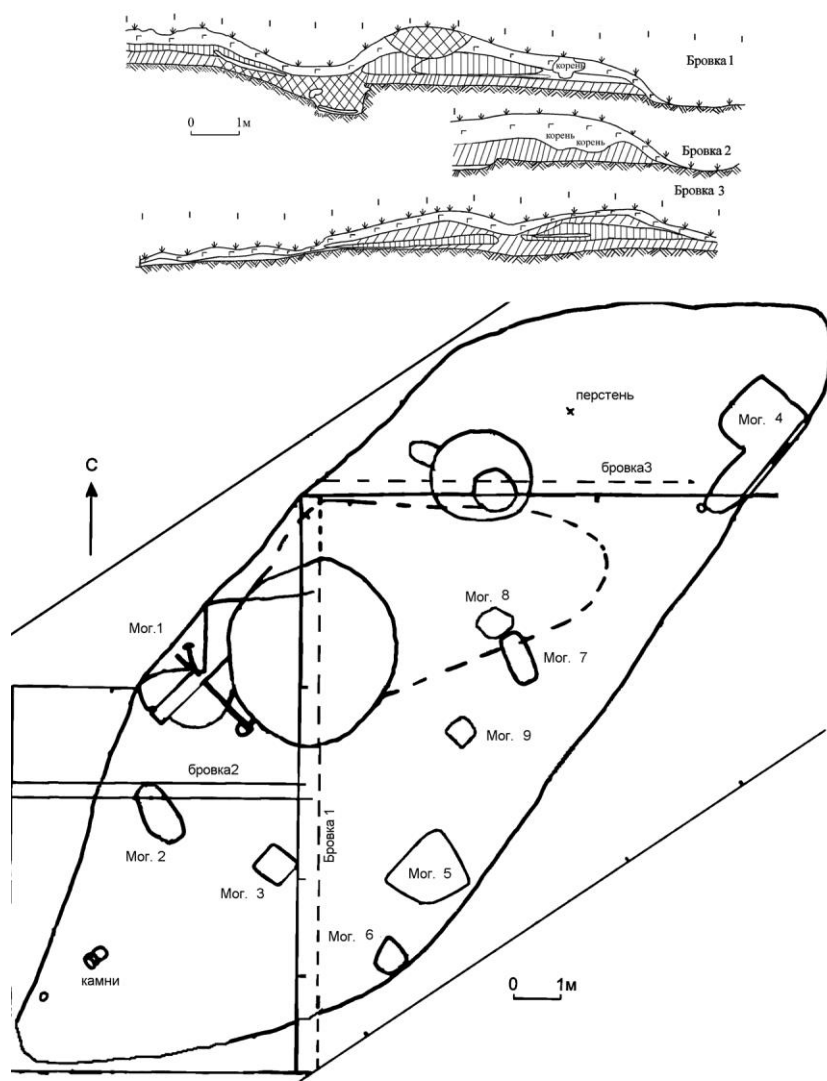

Рис. 13. Есаульская курганная группа. Курган №3. План.

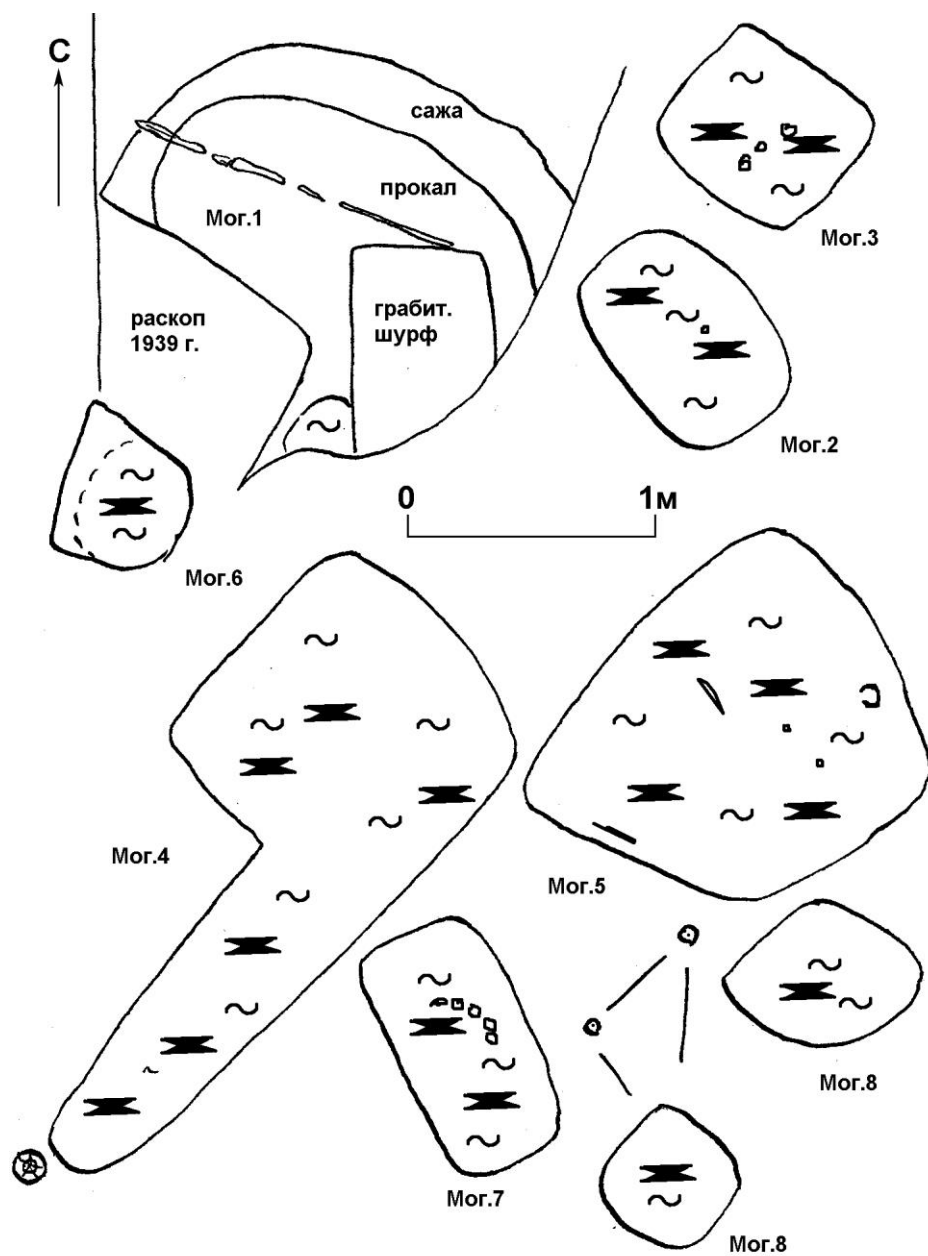

Рис. 14. Есаульская курганная группа.
Курган №3. Планы могил.

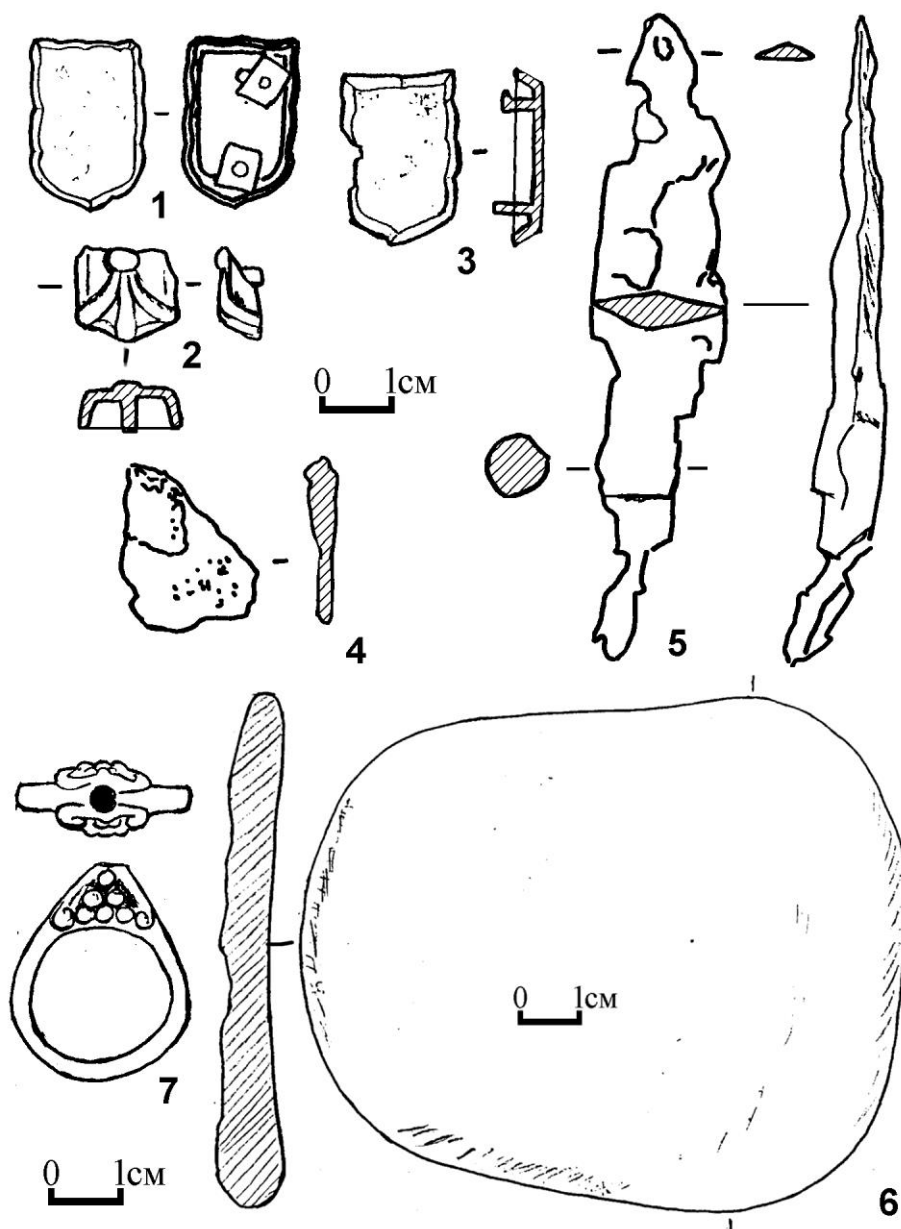

Рис. 15. Есаульская курганная группа.

1-3 — поясные накладки (курган 3, могила 1);

4 — железная пластинка (курган 3, могила 1);

5 — наконечник стрелы (курган 3, насыпь);

6 — галька-терочник (курган 3, насыпь); 7 — перстень (курган 3, насыпь).

1-3, 7 — бронза; 4-5 — железо; 6 — камень.

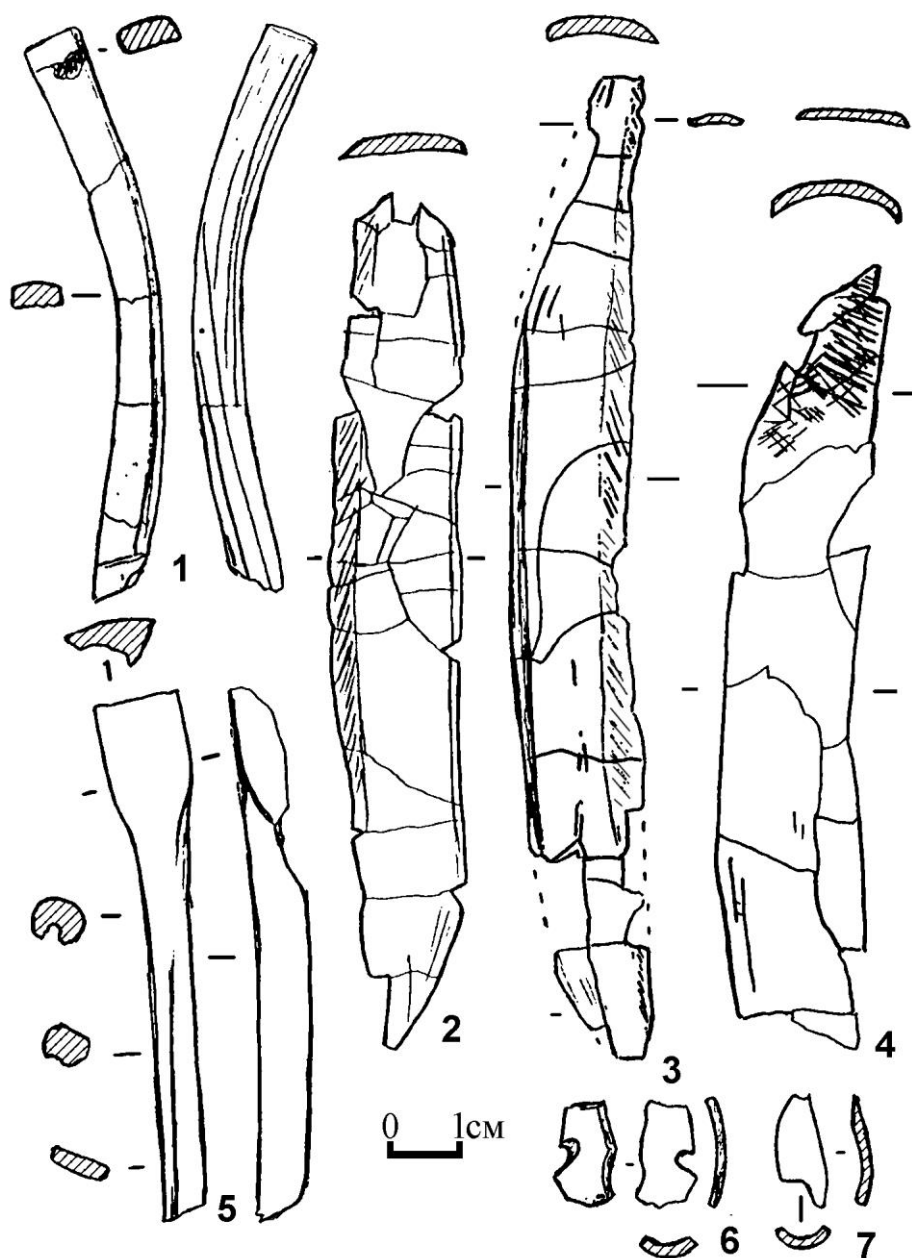

Рис. 16. Есаульская курганная группа. Кургan 3, могила 3.
 1-4 — накладки от лука; 5 — наконечник стрелы; 6-7 — свистунки.
 1-7 — кость.

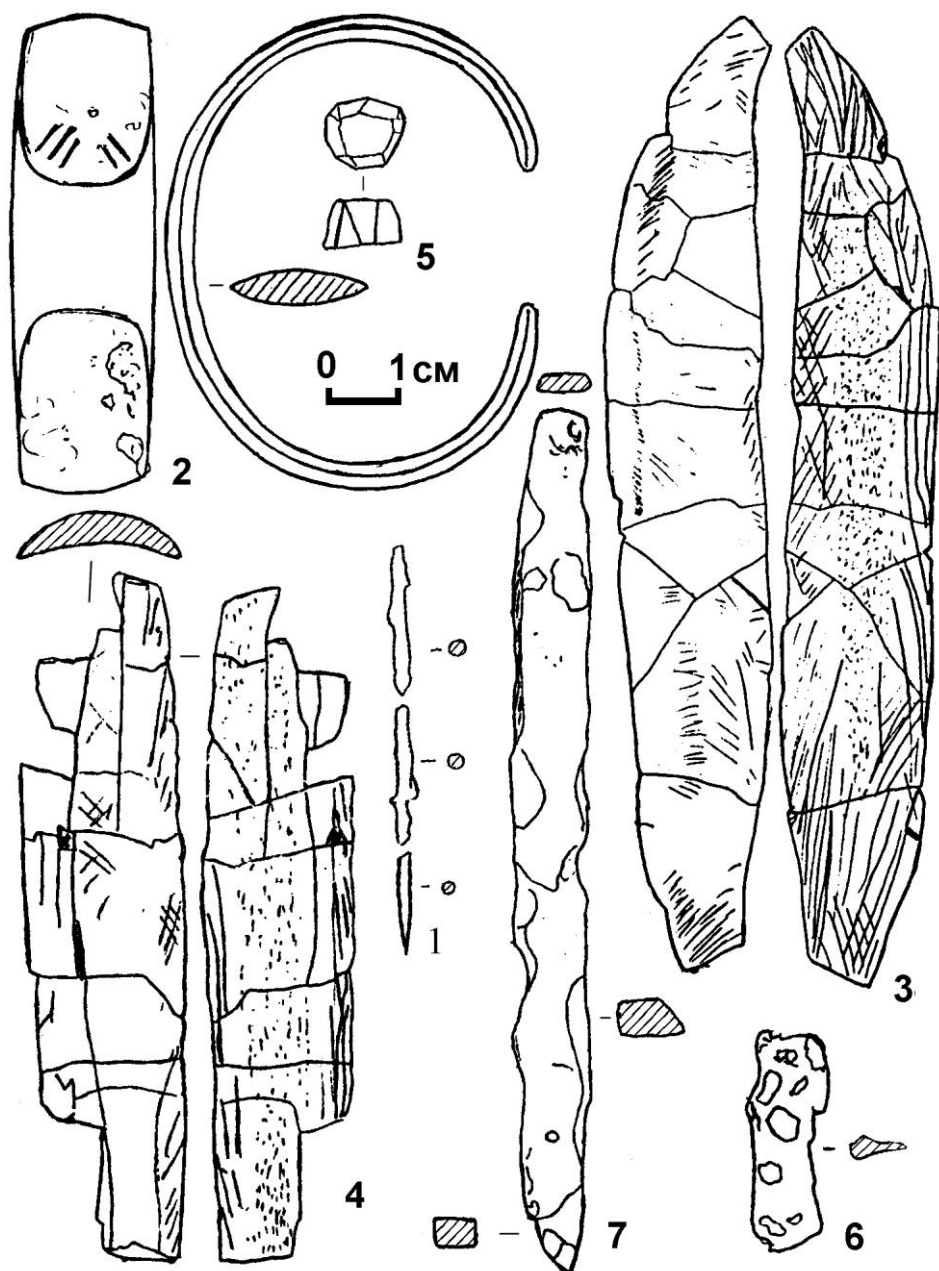

Рис. 17. Есаульская курганная группа.
 Курган 3, могила 5. 1 — игла; 2 — браслет; 3-4 — накладки от лука;
 5 — гематит; 6 — фрагмент ножа; 7 — «ланцетовидный предмет».
 1, 6-7 — железо; 2 — белая бронза; 3-4 — кость; 5 — камень.

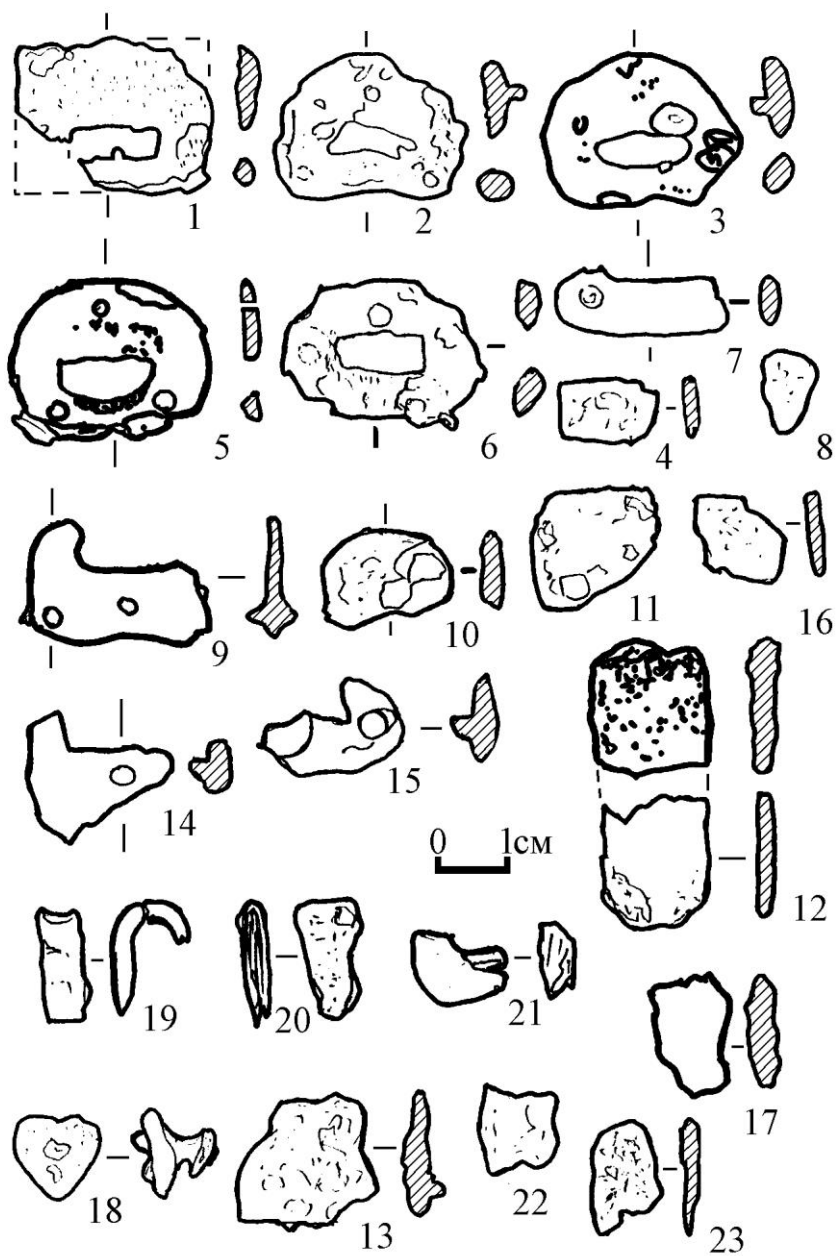

Рис. 18. Есаульская курганная группа.
Курган 3 могила 7. 1-23 — поясные накладки. Все железо

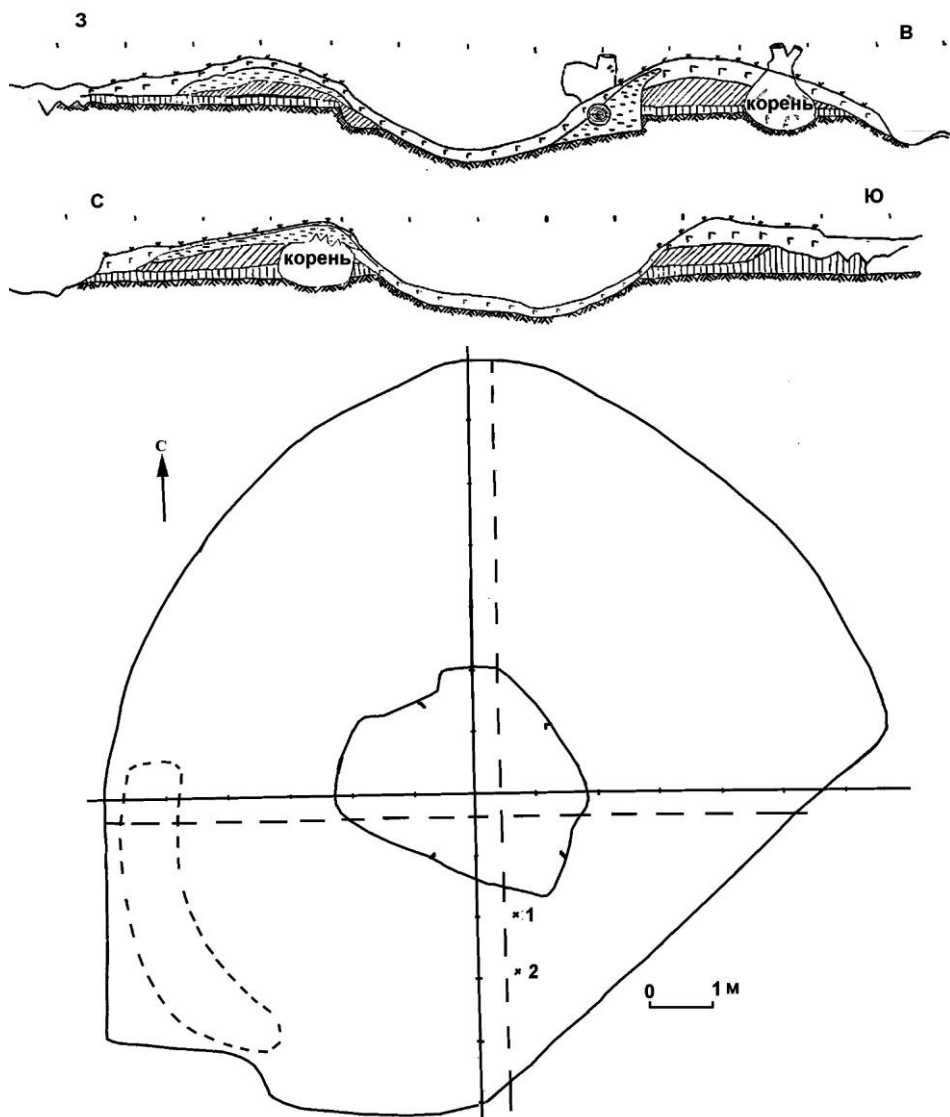

Рис. 19. Есаульская курганная группа. Кургan №4. План.

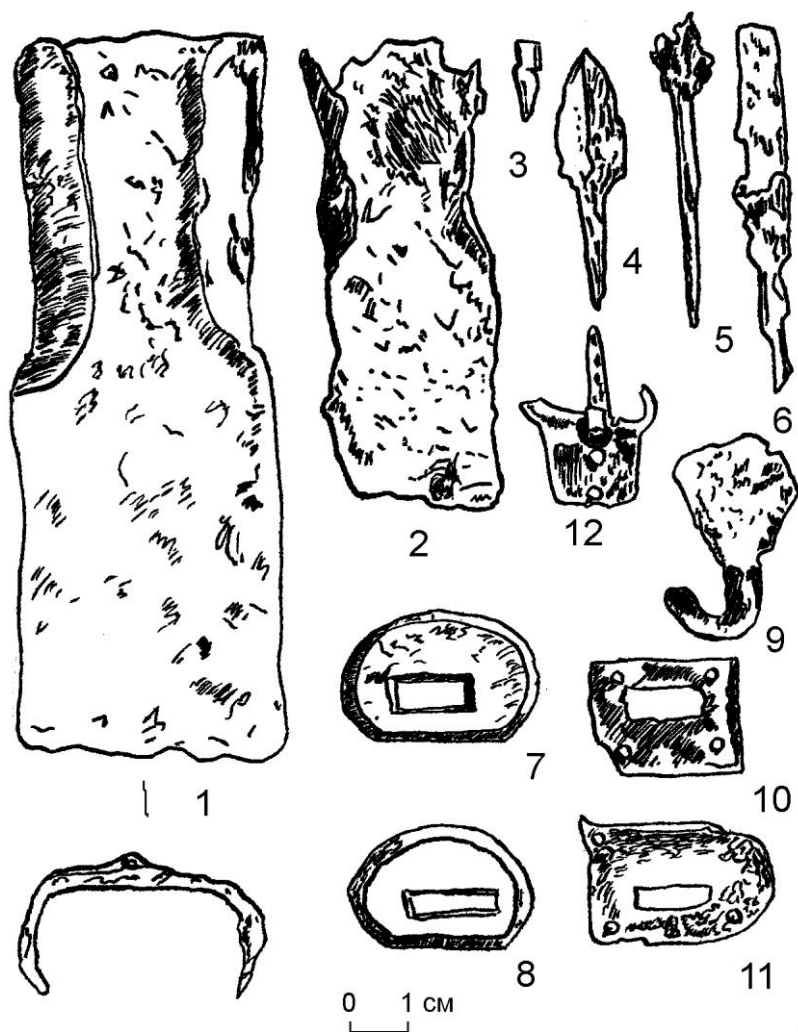

Рис. 20. Есаульская курганная группа. 1-12 — предметы из раскопок 1939 г.
(из фондов НКМ).
1-2, 4-7 — железо; 3 — кость; 8-12 — бронза.

О трехсотлетнем споре*

...В определенном смысле наука, как и религия, создает мифы.
...Наука отличается от ... мифов не своим содержанием,
а тем, что она сопровождается новой традицией —
традицией критического обсуждения мифа:
«Я вам рассказываю, но вы думайте над тем,
что я рассказываю, и говорите мне, о чем вы думаете.
Быть может, вы сможете предложить нам другую историю».
Карл Поппер «Предположения и опровержения»

Научные теории могут корреспондироваться с
фактами физического мира, а могут — и нет, но в любом случае
факты стоят совершенно отдельно и независимо от теорий,
которые их объясняют.
Джордж Сорос «Кризис глобального капитализма»

В середине лета из глубины азиатских степей в континентальную Сибирь вторгаются горячие воздушные массы и Кузнецкая котловина надолго погружается в сонное царство утомительного палящего зноя. С рассвета небесный свод медленно плавится под жаркими лучами солнца; фарватер реки стремительно мелеет; галечные острова обнажаются повсюду, и русло прежде единой стремительной реки раскалывается на множество рукавов. Только у правого берега в некоторых местах течение на время успокаивается в черных глубоких протоках, чтобы потом снова соединиться с основным руслом реки. Напротив старожильческого сибирского села Ильинского, расположенного на крутом берегу и оттого имеющего старое название Красный Яр, мелководные потоки речной воды окончательно запутываются в перекатах между островами. Здесь находился знаменитый брод через реку Томь. После приостановки весенней навигации до осени из-за обмеления реки Ильинский брод оставался единственным средством переправы на правый берег через широкую водную преграду. Отсюда дорога тянулась дальше вдоль низкого речного берега и, не доходя до излучины Томи, напротив нынешнего устья реки Абы, дорога постепенно поднималась в гору, а затем круто спускалась к городу Кузнецку. С горы открывался чудесный вид на зеленую речную долину на противоположном берегу Томи.

На обширном пойменном пространстве от горы, известной под именем Соколуха, до основного русла реки Томи замысловато петляли крупные ее притоки — реки Кондома и Аба. Прорываясь к Томи через разные русла в давние времена, они образовали в пойме протоки и старичные озера. Одна из протоков — Старая Кондома тянулась параллельно руслу Томи от современного устья реки Кондомы до современного устья Абы вдоль теперешней обьездной дороги по ул.

* Данная публикация представляет собой выдержку из научно-популярного очерка по истории Кузнецка и его военного гарнизона, который, мы надеемся, скоро выйдет в полном объеме. В силу своего жанра, текст освобожден от научного аппарата (Прим. ред.).

Запорожской. Аба же когда-то очень давно, судя по рельефу, впадала в реку Томь возле старинной русской деревни Митино, от которой, впрочем, ныне осталось только несколько дворов. В XVII в. в устье Абы стояли Керещкие юрты кузнецких татар — аборигенов Кузнецкого края. Извилистое русло реки Абы заметно спрямили от Рабочего поселка до самого устья, чтобы река не мешала строить металлургический завод и новый город. На месте Сада металлургов, кинотеатра «Коммунар» и горбольницы № 1 прежде находилось топкое болото под красноречивым названием Моховое. В него впадало семь мелководных ручейков и речек, сбегавших с окрестных гор. Здесь на высоких берегах Абы в разное время появляются русские старожильские деревни — Араличева (Черноусова), Бунгурская, Монастырская, Бессонова. Весеннее половодье регулярно топило всю пойму окрест на многие версты, пока в 1958 г. после особенно сильного наводнения не появилась защитная дамба. Сейчас на месте болот и старичных озер выросли жилые кварталы Центрального района г. Новокузнецка, а деревни давно исчезли, уступив место новому городу с его каменными домами и асфальтированными дорогами. Оба берега Томи много лет назад надежно связали автомобильные и железнодорожные мосты. Но от основания Кузнецкого острога и практически до строительства КМК только Ильинский брод, а позже паром напротив Топольников служили единственным средством коммуникации Кузнецка с внешним миром, начинающимся сразу за рекой на левом берегу реки.

Размышляя о событиях 1620 г., воображение упрямо рисует картину летнего зноя и потных людей в расстегнутых кафтанах и нательных рубашках, возбужденно галдящих, собравшихся в круг, наблюдающих, как четверо дюжих мужиков увлеченно бьют пятого, целясь попасть ему в ухо и в глаз. Сбив его с ног, они выворачивают ему карманы, и достав оттуда бумагу, начинают радостно рвать ее, посыпая клочками бумаги пыльную дорогу, истоптанную острыми каблуками тяжелых кованых сапог. Сдены мятежа и драки служилых людей с воеводой в Кузнецком остроге реконструируются на основании единственного подробного письменного документа — отписки кузнецкого воеводы Тимофея Боборыкина томскому воеводе Федору Боборыкину — родному дяде кузнецкого воеводы, датированной не позднее 1 июня 1620 г. В отписке он жалуется родственнику, кстати, высшему командиру всех томских служилых людей, находящихся временно на период годовой службы в оперативном подчинении племянника, на подчиненных солдат, отказывающихся выполнять прямой приказ военной и гражданской администрации в одном лице — каковой в те времена являлась администрация сибирских городов и острогов. Впрочем, пока не вполне ясно, чей именно приказ о переносе Кузнецкого острога на противоположный берег реки Томи отказались выполнять казаки. Информацию Тимофея Боборыкина о недовольстве служилых людей и о некоторых деталях их возмущения косвенно подтверждает томский сын боярский Бажен Карташев, который летом 1620 г. привел в Кузнецкий острог из Томска 8 человек служилых людей для помощи кузнецким годовальщикам «острог ставить». Вместе с ним в Кузнецкий острог пришел татарский голова Осип Кокорев — оба вместе с Карташевым участники строительства острога в 1618 г.

Почти весь корпус письменных источников, известных историкам на сегодняшний день, скорее создает зыбкую почву для сомнений, чем реально помогает ответить на сакральный вопрос: «На каком берегу реки Томи был основан Кузнецкий острог 1618 г.?» Относительно прилагательного «сакральный» у меня всякий раз возникает сомнение. В самом деле, какая разница для историографии и для массового исторического сознания, где поставили острог — на правом или на левом берегу реки? Ничего «сакрального», то бишь святого, а равно принципиального в данном вопросе не усматривается. Да только триста лет не дает покоя

вышеупомянутый вопрос специалистам — историкам, археологам и краеведам, провоцируя между ними ожесточенную дискуссию, и конца спору не видно. Может быть, каждый из них лелеет в душе тайную надежду установить абсолютную истину, окончательно разрешив трехвековой спор в пользу одной из двух основных историографических версий?

Первая версия зародилась в XVIII в. Ее автором следует признать знаменитого историка Герарда Фредерика Миллера — русского академика, члена первой Камчатской экспедиции, которую возглавил командор Витус Беринг. Впрочем, командор командовал морским отрядом, имевшим целью найти проливы между материком Евразия, Америкой и Японией. А на суше экспедицией фактически руководил вышеупомянутый уроженец Германии и библиотекарь по образованию Герард Миллер. Он добровольно поступил на русскую службу и по собственной воле записался в сибирскую экспедицию, мечтая прославиться и сделать академическую карьеру. Десять лет провел ученый немец на русской службе в разъездах по Сибири, собирая материалы об истории, археологии, этнографии, географии, геологии Азиатской России. В 1750 г. он опубликовал классический труд «История Сибири» с бесценными приложениями, содержащими копии архивных документов, найденные им в разные годы в сибирских городских архивах и аккуратно переписанные по его указанию местными чиновниками и служилыми людьми. Извлеченные из архивов документы содержат самые ранние письменные известия о Кузнецке. Для специалистов они до сих пор остаются самым популярным типом исторических источников — базой, на которой историки строят свои доказательства.

В 1734 г. будущий академик Миллер добрался до города Кузнецка, которому к тому моменту исполнилось 116 лет — возраст солидный для сибирского города. За пять лет до его приезда в город в марте 1729 г. здесь приключился очередной крупный пожар, уничтоживший многие ранние оригинальные документы по кузнецкой истории. Периодические пожары в сибирских городах и острогах не редкость. Нам известна дата первого крупного пожара, случившегося в Кузнецком остроге — 1624 г. Из Кузнецка Миллер двинулся в Томск. В первый приезд туда подьячие томской воеводской канцелярии категорически отказались копировать старинные документы по его просьбе, ссылаясь на сырость и на мышей, которых развелось множество в подвале в «каменных палатах», где хранился старинный архив. В другой свой приезд сюда же в Томск в 1740 г. Миллеру, однако, удалось мобилизовать местных служилых людей, чтобы те по его «пометкам» скопировали для него важнейшие документы. В первой научной работе, посвященной историко-географическому описанию Кузнецкого уезда, написанной до второго посещения Томска и до копирования документов, Миллер поначалу вынужденно опирается на текст Ремезовской летописи, раздобытой в Тобольске с большим трудом, где возникновение первого Кузнецкого острога датируется 1617 г., а местоположение фиксируется на устье речки Бряза напротив устья реки Кондома. Брязой до XIX в. называлась речка Казачья Грязь, протекающая на Форштадте, имеющая устье примерно в конце современной улицы Достоевского. В данном случае анонимный составитель знаменитой сибирской летописи, возможно, опирается на прямую устную информацию, полученную от служилых людей старых сибирских городов Туринска, Тюмени и Томска, принимавших личное участие в экспедиции в 1618 г. Подобная информация на сегодняшний день остается самой ясной, не требующей комментариев.

Позже в фундаментальной «Истории Сибири» Миллер несколько видоизменил содержание первоначальной версии. По его словам, Кузнецкий острог, начиная с 1618 г., всегда оставался на первоначальном месте под горой «у самой воды» на правом (восточном) берегу реки Томи (без указания на местоположение в

устье речки Бряза). Именно там, где он и застал Кузнецк в свою бытность здесь в 1734 г. Иначе говоря, по его мнению, Кузнецкий острог никогда и никуда не переносился. Первоначальное место, о котором толкует ученый немец, локализуется в районе каменного Спасо-Преображенского собора, расположенного по левую руку при въезде с моста через Томь в Кузнецкий район. Каменный собор, заложенный в конце XVIII в. ближе к южной стене острога, должен был заменить одноименную деревянную церковь, прилично обветшавшую к тому времени, которая вдобавок сильно пострадала от пожаров. Ветхую деревянную церковь, прежде находившуюся внутри Кузнецкого острога, начиная с 1621 г., вскоре разбирают на дрова. Сейчас место, где находится фундамент деревянной церкви, возможно, частично скрыто под асфальтом улицы Водопадной, ведущей на крепостную гору мимо дома «купца Фонарева».

Миллер именует «острогом» ту часть укрепления, которую по старой русской традиции ранее часто именовали «кремль», разделяя новую крепость («цитадель»), построенную на Становой горе в 1717 г., и собственно «острог» (или кремль) под горой. Во времена Миллера старинный русский термин «кремль» давно превратился в архаизм. Подобные укрепления в центре сибирских городов достались городам в наследство от XVI-XVII вв. Когда-то русские и сибирские города огораживали оборонительными деревянными стенами разной конструкции (отчего и произошло слово «город»). В сибирских документах XVII-XVIII в. старинные русские фортификационные термины типа «кремль» или «детинец» полностью исчезают. Их вытесняют термины «внутренний и внешний город». Дело в том, что по мере роста численности населения городов и острогов периодически возникала насущная необходимость огораживания новых жилых кварталов в целях обороны от нападения неприятелей. Так появлялись новые участки оборонительной ограды. Защищенные участки между «внутренним городом» и новой оградой назывались «внешним городом».

Итак, Миллер зафиксировал местоположение «острога», или «кремля», или, выражаясь языком XVIII в., «внутреннего города» на средней террасе Томи, называемой кузнецкими старожилами Нагорьем. Естественным образом, он предполагает, что с 1618 г. положение острога не менялось. Любые письменные или иные доказательства в пользу версии Миллера, как ни странно, отсутствуют. Единственным подтверждением служит личное свидетельство историка и его безупречная научная репутация. Существуют и более ранние объективные свидетельства о местоположении острога, там, где его нашел Миллер. Не стану далеко ходить — сошлюсь на копию с оригинального чертежа Кузнецкого острога, принадлежащую перу талантливого иконописца, тобольского сына боярского Семена Ремезова. Датирование оригинала чертежа «града Кузнецкого» производилось мною много лет назад в специальной работе. Оказывается, что оригинальный чертеж был создан, скорее всего, между 1668 и 1675 гг., а затем чертеж скопировали Ремезов и его сыновья для своей «Чертежной книги Сибири». Но ни Ремезов, ни Миллер, естественно, лично не принимали участия в строительстве острога 1618 г. Следовательно, требуется недвусмысленное фактическое (документальное или иное) подтверждение (кроме личных впечатлений поздних наблюдателей) версии о правобережном местоположении острога, и Миллер, безусловно, отлично понимал бездоказательность своей версии. Его лично весьма смущали письменные документы из архива Томской воеводской канцелярии, извлеченные на свет переписчиками в 1740 г.

Дословно процитируем сомнения историка: «Одного обстоятельства, касающегося до первого строения города Кузнецка, не могу я с прочим согласить. А именно, по двум отпискам велено было острог в 7128 (1620 г.) перенести на другую сторону реки, в чем тамошние казаки своим ослушаньем учинили препят-

ствие. Для сего намерения посланы были из Томска Тимофей Боборыкин да Осип Аничков с наказом, чтоб им острог построить вновь, которое строение ими того же году в действо и произведено. Потому разве построенный в 7126 (1618 г.) острог стоял на западной (левой — А.О.) стороне реки Томи? Или надлежало оной перенести с восточного берега на западной (с правого на левый — А.О.)? Или надлежит сие толковать так, чтоб вместо старого острога на том же месте построить новой? Или здесь говорится о другом каком месте, где еще прежде 7126 г. стоял русский острог, и может быть, не о городке ли Ивана Пуццина? Наконец, подлинно ли перенесен острог или только на прежнем месте оной вновь построен? На сии вопросы, за недостатком довольных в приобщенных здесь архивных делах известий, ответить не можно. В бытность мою в Кузнецке я ни от кого не слыхал, чтоб город сперва построен был на другом месте, а не на том, где ныне находится».

Итак, в подтверждение собственной версии он вынужденно ссылается на отсутствие известий о переносе острога среди некоторых кузнецан, с которыми он беседовал об истории города. Однако не известно — опрашивал ли он массово старожилов Кузнецкого уезда или имел отдельные беседы с некоторыми жителями города Кузнецка. Скорее не опрашивал, чем опрашивал, ибо в первый и единственный приезд в Кузнецк Миллер не имел никаких документов, провоцирующих вопросы, которые он позже сам логично сформулировал. Собственно, и смысл в сомнениях попросту отсутствовал. Отсюда следует, что сам автор, получив доступ к новым источникам, в известном смысле ставит под сомнение собственную первоначальную версию. Миллер осознает важную вещь — правильные ответы на логичные вопросы получить невозможно, до тех пор, пока не обнаружатся новые документальные свидетельства — в первую очередь письменные источники, а может быть, и иные типы источников, недоступные для него в тот период.

В среде старожилов Кузнецкого уезда вопреки мнению Миллера давно зародилась и долго сохранялась иная версия о первоначальном местоположении Кузнецкого острога. Народная версия упорно помещает первый острог в другом месте, не совпадающем с местоположением города Кузнецка. Народную версию впервые публично озвучил в записках о путешествии по Сибири русский профессор немецкого происхождения Иван Фальк, лично побывавший в Кузнецке в 1771 г. Труд Фалька долгое время оставался неизвестным для широкой публики, пока в середине XIX столетия описания его путешествий не издали по личному распоряжению императора Николая I и они стали доступны читателям, например, Ивану Конюхову — автору «Памятной записки о городе Кузнецке». Ссылаясь на некие «изусные предания», Иван Конюхов — местный купец, родом из старинной кузнецкой старожильческой и казачьей фамилии, в сущности, принимает версию Фалька о расположении «первоначального» острога на левом берегу Томи в устье Кондомы. Конюхов наверняка знал о версии Миллера, ибо цитирует сочинение Иоганна Фишера, которого Миллер когда-то справедливо уличил в плагиате своей «Истории Сибири». Он знал правобережную версию, но сознательно не принял ее. Народная версия среди кузнецких старожилов об укреплениях на левом берегу Томи продолжала бытовать до XX в., чему имеются подтверждения в архиве Новокузнецкого краеведческого музея.

Информаторы из народа упоминают село Букино и Красную горку, расположенную над мостом через реку Кондому неподалеку от Абагурской аглофабрики. Строительные работы в 1917 г., связанные с прокладкой железной дороги на Тельбес, и позже работы, связанные со строительством моста через реку, безусловно, могли наложить отпечаток на рассказы местных жителей. В районе Красной Горки тогда находился склад взрывчатки, окруженный земляной огра-

дой, напоминающей по виду укрепление. Здесь также хранили взрывчатку для подрыва весеннего льда на реке, чтобы избежать заторов и не подвергать опасности новый мост. В архиве Новокузнецкого краеведческого музея имеются воспоминания Р.Т. Тагаева, прибывшего в Сибирь с переселенческой волной из Мордовии в конце XIX в. Он прекрасно знал о существовании «аммоналки» и не мог спутать ее ни с чем иным. Тагаев сознательно всю жизнь активно интересовался историей Кузнецкого края и, пользуясь случаем, часто расспрашивал кузнецких старожилов о необычных явлениях или событиях. Именно он, ссылаясь на мнение старожилов, впервые четко указал название «Букино» как место, где находился первый Кузнецкий острог.

Известно, что народное историческое сознание весьма консервативно. Оно способно хранить память о важнейших событиях прошлого многие века, правда, часто в несколько иной форме, чем письменные источники в архивах. Лично мне доводилось не раз слышать от потомков кузнецких старожилов в разных деревнях смутные рассказы о военных столкновениях с врагами, об оборонительной ограде вокруг деревень, о корчевании леса, об устройстве первых пашен в окрестностях Кузнецка, не говоря о свежих, по историческим меркам, рассказах о жестоких насилиях красных партизан над местным населением в период гражданской войны. Важно уметь расшифровывать народные легенды.

Отрицая наличие Кузнецкого острога на левом берегу Томи, объективный историк кроме подробного анализа письменных документов или иных источников (например, археологических) обязан объяснить мотивы и причины устойчивости народной версии, что не менее перспективно с точки зрения поиска истины, чем неоднократный пересказ известных документов, открытых Миллером 300 лет назад. С тех пор корпус источников существенно не изменился. Наивно подозревать, что кто-то из историков окажется менее внимательным, чем оппонент, и проморгает важный факт в документах. Легендарный местный археолог Ю.В. Ширин — соавтор новейшей статьи о местоположении первого Кузнецкого острога — устно выдвинул фантастическое предположение о том, что слухи о расположении острога на левом берегу спровоцировал Миллер своими расспросами среди местного населения. Однако, во-первых, Миллер не сообщает прямо ничего о подобных расспросах, а во-вторых, будучи в Кузнецке, Миллер поначалу вообще не сомневается ни в чем, а потому и расспрашивать ему было не о чем. Таким образом, совершенно маловероятно, что Миллеру удалось внедрить в массовое историческое сознание версию, о которой он совершенно не имел представления на момент приезда в Кузнецк.

Конечно, часто народные рассказы сильно искажают историческую действительность, но причины появления любой легенды, как правило, имеют основания. Надо лишь докопаться до основания этих неизвестных причин. Вспоминаю, как в 1987 г. впервые после многолетнего перерыва в изучении археологических древностей силами местных специалистов мы с легендарным Юрой Шириным впервые организовали систематические археологические раскопки у села Куртуково. До революции здесь, за ручьем Каргызиковым, на высокой террасе жили богатые шорцы, промышленники мытьем золота где-то в округе. Кстати, на этом месте сохранились каменные фундаменты их богатых домов. Жители села Куртуково увидели, как мы зачем-то старательно роем землю наверху над ручьем. За несколько лет среди местных жителей сформировалась красивая легенда. Вернувшись через много лет, мы услышали от жителей деревни потрясающую историю о потомках богатых шорцев, которые тайно возвращаются сюда и ищут клады с золотом на месте, где мы когда-то изучали памятник позднеирменской археологической культуры. Забавная история — не правда ли?

Обе историографические версии — назовем их «версией Миллера» и «народной версией» — имеют сильные и слабые стороны. Самой сильной стороной версии Миллера, конечно, можно признать установленный исторический факт местоположения Кузнецкого острога после 1620 г. на правой стороне Томи. Данный факт относится к разряду банальных истин вроде той, что, например, битва при Бородино случилась 26 августа 1812 г. Такие исторические истины, верные по сути, никакой полезной информации не несут. Слабой же стороной первой версии остается факт наличия двусмысленных письменных документов, свидетельствующих о намерении властей перенести острог и бытование устойчивой противоположной народной версии. Итак, с одной стороны, первая версия имеет истинный, но банальный характер. Причем ее банальность заключается в том, что правда о существовании острога на правом берегу после 1620 г. абсолютно истинна, но к вопросу о местоположении острога до того момента такая истина не имеет никакого отношения. С другой стороны, местоположение острога 1618 г. на правом берегу принципиально не подтверждается с помощью письменных исторических источников. За исключением Ремезовской летописи. Однако летописец и его информаторы помещают острог не на средней террасе, именуемой «Нагорье», а на нижней террасе — «Подгорье», выражаясь языком кузнецких старожилов. Встает закономерный вопрос: «Насколько следует доверять тексту Ремезовской летописи»? Сильной стороной народной версии остается информационная новизна и поразительная живучесть. Но и эта версия не подтверждается прямо письменными источниками. Ни одну из вышеуказанных версий нельзя признать истинной или фактически установленной.

Ограниченность доступных письменных источников показала лично мне бесспорной много лет назад. Со стороны покажется нескромным следующее заявление, но факт остается фактом — археологический культурный слой Кузнецкого острога превратился в объект научных исследований главным образом по моей вине. Ю.В. Ширин в статье с историком В.Н. Добжанским слегка исказили содержание и хронологию данного важного момента. Возможно, Юру Ширину подвела память или он потерял полевой дневник. Последнее маловероятно и следует расценивать как шутку. Я утверждаю, что в 1986 г. реставраторы не работали на соборе, а потому никакой керамики XVII в. не могло быть найдено в их шурфах вокруг собора. Мы оба (автор и Ю.В. Ширин) нашли керамику XVII в. под собором весной следующего, 1987 г., когда реставраторы действительно получают заказ на выполнение исследовательских работ. Тогда же они выкапывают трактором несколько шурфов вдоль юго-восточной стены собора. Мы оба к тому времени уже определенно знали о том, что вокруг собора находится археологический культурный слой Кузнецкого острога.

Летом 1986 г., изучая подробно содержание архива Новокузнецкого краеведческого музея, я с удивлением обнаружил — никто до сих пор точно не локализовал местоположение Кузнецкого острога. Местные краеведы традиционно принимали за следы острога остатки земляных укреплений в районе бывшей Солдатской слободки (за пивзаводом в Кузнецком районе). С первого взгляда на «синьку» — копию карты 30-х гг. XX в., которую показал мне мой коллега Юра Ширин, тогда совсем еще молодой человек, но имеющий интеллигентную бородку, придающую ему вид матерого археолога, мне немедленно становится понятной ошибка краеведов. В тот период я специализировался на изучении военной истории Сибири в целом и истории сибирских крепостей в частности. Позже мне довелось защитить диссертацию о русском военно-инженерном искусстве за Уралом в XVIII в. Следовательно, рассуждал я, следы острога логично искать в районе Спасо-Преображенского собора, изображенного на ранней си-

бирской карте Ремезова. Проверить собственное предположение можно было единственным способом — с помощью лопаты.

Осенним дождливым днем 1986 г. я оказался один возле заброшенных руин старого собора. Кромка террасы, примыкающая к железнодорожному полотну, оказалась отсыпанной толстым слоем породы. Вокруг собора повсюду за долгие годы образовался толстый нарос из строительного мусора, который, как панцирь, мешал добраться до глубины почвенного слоя. На одном из участков по левую руку от соборной паперти верхний слой мусора содрали ножом бульдозера. Здесь работа пошла легко и быстро. Никогда мне не приходилось копать русские археологические памятники. В университете я специализировался по «письменной» истории России, а на археологической практике мы копали могилы енисейских киргизов в Минусе. Поэтому мне было непонятно, как различить культурный археологический слой. До сих пор помню удивление от сомнительного вида этого слоя: жирный слой почвы неровного бурого цвета, насыщенный костями, рыбьей чешуей, щепой, берестой и навозом с крупными обломками невыразительной красно-черной гончарной керамики, которую легко принять за обломки современных горшков. Первоначально, кстати, Ю.В. Ширин датировал такую керамику XIX в. Иногда в слое встречались мелкие осколки белого фарфора с фиолетовым рисунком и осколки стекла, раскрашенные белыми и розовыми полосками. Позже выяснилось китайское происхождение осколков фарфора и богемское происхождение стекла. Страстно хотелось найти монету, чтобы датировать слой. И Бог, вероятно, услышал мою просьбу. Неожиданно на глубине примерно 20 см волшебным блеснула серебряная копейка размером с арбузное семечко. Я потерял монету о рукав и обнаружил к неописуемому своему восторгу, что монету отчеканили в царствование царя Михаила Романова, то бишь, в первой половине XVII в. Иначе говоря, ее отчеканили примерно в то же самое время, когда возник Кузнецкий острог. Это была удача! Зажав копейку в кулак, я прибежал домой.

На следующий день к собору пошла вместе со мной заинтригованные Юра Ширин и Борис Рахманов — глава местного отделения Союза писателей и страстный любитель кузнецкой старины. Последний был настроен, как всегда, слегка скептически. Но когда из слоя были извлечены одна, а затем и вторая копейки, то нам всем стало окончательно понятно, что отныне вопрос о местоположении Кузнецкого острога 1620 г. решен бесповоротно и навсегда, подтверждением чему служит наша совместная с Ю.В. Шириним научная статья в одном из исторических сборников СО АН СССР. Следовательно, вопрос о местоположении Кузнецкого острога после 1620 г. превратился в банальную истину.

Вернемся, однако, к теме настоящей работы. Так случилось, что только теперь, много лет спустя, я решил произвести тотальную ревизию известных письменных источников и воспроизвести полностью весь «поток событий», чтобы специалисты и публика сознательно могли судить о правоте любой из историографических версий. Было решено мною также реанимировать использование еще одного вида источников — топографического и топонимического. До сих пор использование данного типа источников, как и археологических источников, в лучшем случае имело иллюстративный характер. Однако в свете двусмысленности письменных источников любые вспомогательные источники приобретают самостоятельный характер. Итак, попытаемся «проплыть» в потоке известных событий от момента зарождения идеи о новой экспедиции в Кузнецкую землю до появления письменного документа, твердо подтверждающего конкретные результаты деятельности такой экспедиции.

Идея о переустройстве укреплений в Кузнецкой земле определенно всплывает зимой — весной 1620 г. в голове у тобольского воеводы князя Ивана Куракина. Два года назад именно он приказывает организовать поход сибирских слу-

жилых людей под руководством Молчана Лаврова и Евстафия Харламова для строительства стационарного Кузнецкого острога. Куракин вновь требует, чтобы томские воеводы Федор Боборыкин и Гаврила Хрипунов отправили в Кузнецкий острог отряд служилых людей под командованием стрелецкого сотника Ивана Пушина. Пока неизвестно, возникла ли мысль о посылке отряда стихийно или под влиянием настойчивых просьб томской администрации. Судя по контексту событий, томский воевода Федор Боборыкин проявлял собственную кипучую активность и сильную личную заинтересованность в организации новой экспедиции в Кузнецкую землю.

Примерно в апреле месяце 1620 г. (точная дата не известна) томские служилые люди подают воеводам челобитную, где заявляют об отказе следовать в Кузнецкий острог под командой сотника Пушина. Мотивация их действий нам не известна. Пущин знаменит тем, что ранее возглавлял карательный рейд на кузнецких татар с целью их наказания за отказ платить ясак в русскую казну. Восстановить русское политическое господство в Кузнецкой земле ему, как известно, не удалось. Осенью 1615 г. служилые люди захватили укрепленный городок абинских татар и нанесли удары по окрестным ясачным волостям. В январе следующего года русские войска перешли в глухую оборону. Десять недель они сидели в осаде в острожке, построенном на месте укрепленного татарского городка, отбивая настойчивые атаки крупного объединенного отряда енисейских киргизов и местных татар. После успешной контратаки русские войска вырвались из осажденной крепости и ретировались в Томск. Пущин прекрасно знал театр военных действий и хорошо ориентировался в политической обстановке. Он был весьма жестким, умелым военным командиром и политическим администратором. Поэтому его знания и военный опыт часто использовали для выполнения аналогичных задач на Чулыме, на Оби и на Томи — там где требовалось построить новое русское укрепление и привести в русское подданство новые группы аборигенов. Тимофей Боборыкин — племянник томского воеводы Федора Боборыкина — в Кузнецкой земле до сего момента не бывал, но именно ему томские воеводы поручают возглавить отряд служилых людей численностью 50 человек и отправляться с определенным заданием на боевое дежурство в Кузнецкий острог. С тех пор между Тимофеем Боборыкиным и Иваном Пушиным сложились весьма сложные человеческие взаимоотношения.

18 марта 1621 г. князь Иван Шаховской, сменивший в мае 1620 г. на своем посту томского воеводу Федора Боборыкина, посылает сотника Пушина с ревизией в Кузнецкий острог. Вероятно, у новой администрации возникают смутные подозрения в злоупотреблениях со стороны Тимофея Боборыкина. Возможно также, что поводом послужила откровенная сепаратистская политика кузнецкого воеводы, игнорирующего томскую администрацию. Но Тимофей изолирует Пушина и не подпускает его к ясачной казне, запрещая кузнецким служилым людям отвечать на расспросы ревизора о сборе ясака и о военно-политической обстановке на границе. Тимофей посылает курьеров в Тобольск и в Москву с письменной жалобой на действия Пушина и томских воевод. Томские воеводы гонцов перехватывают по дороге и, по сведению Тимофея, «отписку переписывают» в свою пользу. В дальнейшем Пущин оказывается в Кузнецком остроге, по его собственному выражению, «ни в тех ни в сех», а Боборыкин берет курс на полное административное отделение Кузнецкого острога от Томска. В 1622 г. ему удается добиться переподчинения Кузнецкого острога Тобольску и Москве. Так появляется Кузнецкий уезд. Новые тобольские власти в лице воеводы Матвея Годунова и дьяки из Приказа Большого Казанского Дворца по неизвестным причинам поддержали самостоятельные политические амбиции кузнецкого воеводы. Одновременно Тимофей Боборыкин начинает русское хлебопашество, пытаясь

доказать потенциальную продовольственную независимость от Томска и от метрополии. Сельскохозяйственные опыты активно продолжит его сменщик Евдоким Баскаков, который перед царем поставит себе в исключительную заслугу начало и развитие хлебопашества в Кузнецком крае.

В краеведческих работах, расплодившихся сейчас во множестве, 1622 г. принято считать истинной датой образования города Кузнецка. Например, на официальном сайте Новокузнецка бывший директор музея «Кузнецкая крепость» Альбина Шадрина снова продемонстрировала подобный подход, хотя мною не раз подчеркивалась бездоказательность подобных утверждений, в т.ч. и в личных беседах с бывшим директором. Тем более, что имеются ясные и точные свидетельства Миллера о присвоении статуса города Кузнецку в 1689 г. Статус города означал официальное признание за ним не только административного центра ясачных, но и русских волостей, состоящих из служилых людей и пашенных крестьян, а также свидетельствовал о появлении городского посадского населения.

Кстати, поводом для отказа служилых людей идти под командой сотника Пушина послужила задержка «государева» денежного и хлебного жалованья, которая в ту пору везде по всей Сибири носила регулярный характер. Воевода Федор Боборыкин выдает жалованье годовальщикам из собственного кармана. Он выдает казакам собственные финансовые средства в сумме 292 руб., плюс хлебное жалованье 225 четей муки и 98 четей овса. Иначе говоря, Боборыкин лично инвестирует собственный капитал в предприятие племянника. По тем временам величина инвестиций носит фантастический характер. Для сравнения: конный казак получал в год 5 руб. 50 копеек. Известно, что через год, в 1621 г., государство еще не успело рассчитаться с Федором Боборыкиным по долгам из-за хронического дефицита сибирского бюджета. Самого Федора Боборыкина к тому времени уже сместили с поста томского воеводы. Лишившись административного ресурса, он не может немедленно повлиять на возврат вложенных средств. Назначенный вместо него воевода Шаховской производит активную проверку финансовой деятельности предшественника. Племянник Федора Боборыкина Тимофей выступает против действий Шаховского и добивается выделения Кузнецкого острога из-под юрисдикции томской воеводской власти.

Примерно в начале мая 1620 г. Тимофей Боборыкин со своим отрядом пришли в Кузнецкий острог на смену годовальщикам, заступившим на боевое дежурство на год ранее. Известно, что в 1619 г. годовальщикам пришлось воевать с аборигенами, прежде чем некоторые роды кузнецких татар согласились платить ясак в царскую казну. Количество «старых» годовальщиков, возможно, также составляло 50 человек. Таким образом, общая численность гарнизона Кузнецкого острога до убийства «старых» годовальщиков вполне могла превышать 100 человек. О времени убийства «старых» годовальщиков ничего не известно. Специально подчеркиваю настоящий факт, имеющий принципиальный характер. Авторы статьи, упомянутой выше, В.А. Добжанский и Ю.В. Ширин, предполагают без всяких логических оснований, что причиной строительства нового острога на старом месте в 1620 г. стало расширение площади крепости для размещения растущего гарнизона. Письменные источники содержат достаточную информацию о вместительности старого острога. До «расширения» старый острог оказывается в состоянии вмещать более 100 человек одновременно. Следовательно, главный мотив действий властей, предпринимающих активные военно-инженерные мероприятия, носит, вероятно, иной характер, не связанный напрямую с «расширением» укреплений. Из прибыльного дела кузнецкого воеводы Баскакова, между прочим, известно, что радикальное увеличение размеров острога произойдет позднее в 1622-1623 гг.

В отписке тобольского воеводы боярина Матвея Годунова, сменившего Ивана Куракина, датированной не ранее 15 октября 1620 г., имеется ссылка на прямой приказ Федора Боборыкина своему племяннику. В том приказе томский воевода «велел» служилым людям «на том же месте, где преж сего был, острог поставить и всякими крепостями укрепить». Таким образом, служилые люди, которые собираются на службу в Кузнецкий острог, изначально точно знают собственную задачу. Потому их бунт летом 1620 г. выглядит странно, учитывая также то, что они получили жалованье из кармана родного дяди своего командира. Возможно ли, что годовальщиков возмутило нечто в поведении Тимофея Боборыкина, радикально выходящее за рамки приказа властей, о содержании которого они знали заранее? Может быть, самовольное решение Тимофея Боборыкина о переносе острога на другой берег вызывает их возмущение?

Согласно отписке Боборыкина, сын боярский Бажен Карташев, прибывший в Кузнецкий острог по версии Тимофея Боборыкина до 1 июня, мог быть свидетелем событий, связанных с мятежом, ибо мятеж начинается после прибытия отряда Карташева в Кузнецкий острог. Сам же Карташев в своей отписке о драке казаков с воеводой ничего не сообщает и вообще весьма скупой пишет о неподчинении казаков. Согласно версии Карташева, он прибыл в Кузнецкий острог 4 июля 1620 г. В таком случае он не может быть свидетелем майских событий и, возможно, Тимофей Боборыкин лжет, хотя и не ясно, для чего. В тексте отписки Карташева имеется немало расплывчатых формулировок. Например, он утверждает, что служилые люди «**все** не пошли за Томь за реку острога ставить». Следует ли его понимать так, что абсолютно никто не пошел или часть пошла, а другая часть отказалась? Складывается ощущение, что основные события, связанные с дракой, арестами, уничтожением отписок, произошли до его приезда в Кузнецкий острог. Тимофею Боборыкину зачем-то понадобилось привлечь его в свои союзники и изменить дату его приезда в своей отписке. Зачем?

Кстати, вместе с сыном боярским Баженом Карташевым в Кузнецкий острог прибывает татарский голова Осип Кокорев, хорошо знающий географию местности и ее природно-климатические особенности, как уже говорилось выше. Да и сам Карташев не был новичком в этих краях. Представляется отнюдь не случайным такой выбор Федора Боборыкина. После прибытия Тимофей Боборыкин и второй воевода Осип Аничков берут Карташева с собой за реку, «под острог места смотрети». Правда, не известно — ходил ли с ними Кокорев. Означает ли этот факт, что даже после возмущения казаков Боборыкин продолжает гнуть свою линию, настаивая на переносе острога? Или он возил Карташева на другой берег не для рекогносцировки, а чтобы доказать ему наглядно — какое прекрасное место выбрал Боборыкин для новой крепости? Да, убеждается Карташев, кругом простираются плодородные девственные земли, покрытые могучими зарослями сенокосной травы на многие версты, не тронутые за тысячи лет острым жалом крестьянской косы. Кстати, отписка Кокорева, командированного в Кузнецкий острог вместе с Карташевым, отсутствует. Боборыкин и Карташев молчат о позиции Кокорева, а равно и позиции второго воеводы Осипа Аничкова. Не означает ли многозначительное молчание Карташева несогласие Кокорева с позицией кузнецкого воеводы относительно переноса острога, что весьма логично, ибо своим решением Карташев ставит под сомнение его — Кокорева — выбор местоположения острога в 1618 г. вместе с Астафием Харламовым и Молчаном Лавровым?

Так или иначе, до приезда или после приезда команды Карташева, служилые люди вдруг принимают коллективное решение «мимо старого места (острога) нигде не ставить», что, возможно, связано с дословным пониманием воеводских указов. Тимофей Боборыкин решаете обжаловать коллективный протест своих

подчиненных в вышестоящую инстанцию — в Томск, где руководит воевода Федор Боборыкин. Туда же обращается за приказом о дальнейших распоряжениях и Карташев («И ты, государь, как укажешь»). Казаки узнают о жалобе Боборыкина, но почему-то оставляют без внимания отписку Карташева (еще одно доказательство позднего прибытия Карташева в Кузнецкий острог). Они запрещают воеводе посылать отписку в Томск («мы вам с отписками в Томской город отпустить некого не дадим»). Возможно, казаки понимают, что родной дядя Тимофея окажется не на их стороне. Служилые люди сообщают кузнецкому воеводе, что у них «отрежены мимо Томской город свои челобитчики 4 человека...». Сообщение о решении казачьего круга воеводе представляет казак Иван Недомолвин — человек опытный, авторитетный и смелый. Он отличился во время осады острожка Пущина, когда в знаменитой контратаке из осажденной крепости смог пленить неприятеля. Его имя снова упоминается в 1619 г. среди других имен служилых людей — активных участников боевых столкновений с аборигенами на Северном Алтае. Итак, казаки отказываются подчиняться обоим Боборыкиным и отправляют собственных гонцов с жалобой напрямую воеводе князю Куракину в Тобольск — главному управляющему над всеми сибирскими уездами, городами и острогами.

Последний, как известно, лично планировал операцию в 1618 г. по окончательному восстановлению политического господства русской власти в Кузнецкой земле, в результате чего служилые люди во главе с сыном боярским Остафием Харламовым, тобольским казачьим головой Молчаном Лавровым и томским татарским головой Осипом Кокоревым «в Кузнецких волостях на усть Кондомы реки... с Тюменскими, и с Верхотурскими с конными людьми острог поставили, и крепость зделали, и Кузнецких волостей людей под государеву царскую высокую руку привели». По неизвестным причинам он остается недоволен результатами совместного похода служилых людей разных сибирских городов. Куракин принимает принципиальное решение о строительстве нового острога в Кузнецкой земле и о посылке отряда сотника Пущина для выполнения приказа. Именно Куракина в первую очередь стремятся поставить в известность бунтующие казаки, а не томского воеводу Боборыкина — своего непосредственного начальника. К последнему, однако, апеллируют Тимофей Боборыкин и Бажен Карташев. Почему же казаки усомнились в справедливости суда томского воеводы? Не был ли Бажен Карташев послан в Кузнецкий острог с целью расследования действий Тимофея Боборыкина по горячим следам мятежа, чтобы выступить свидетелем в защиту племянника томского воеводы? Имеет ли право на существование наше подозрение по поводу скрытой финансовой аферы, учиненной двумя родственниками под прикрытием приказа Куракина из Тобольска, которую пытаются разоблачить служилые люди, отказавшиеся в ней участвовать, и в чем, собственно, заключается суть аферы?

Тимофей Боборыкин предпринимает рискованную попытку лично арестовать казачьего делегата Ивана Недомолвина, но получает жесткий отпор от остальной «братии», которые вступаются за своего делегата. Воевода попадает в цепкие руки дюжих служилых людей, болеющих за судьбу товарища. Четыре казака: «Данилко Крюк, Митька Эгбнев, Мишка Кобыляков, Путилко Кутьин» освобождают Недомолвина, обыскивают личные вещи и переписку воеводы, а обнаруженную жалобу, адресованную дяде, рвут на части. В драке казаки, пользуясь численным превосходством, серьезно «набили... бок» воеводе, угрожая ему, чтобы он впредь «за служивых людей не принимался». Еще 9 человек служилых людей стоят рядом и активно болеют за своих товарищей. Организаторами мятежа воевода называет Кондратия Березовского и Дружину Щедре.

В отписке Тимофея Боборыкина нет сведений о позиции второго воеводы Осипа Аничкова, а также Бажена Карташева и Осипа Кокорева, если они все же прибыли в Кузнецкий острог в мае месяце. Также непонятна позиция всего остального гарнизона, ибо в отписке перечислено всего 13 человек участников драки помимо воеводы Боборыкина и четырех анонимных гонцов с челобитной, которые, возможно, до начала драки отправились в Тобольск. Из документов известно, что количество годовальщиков в отряде Тимофея Боборыкина составляло 50 человек, не считая 8 человек, присланных с Карташевым. Возможно, часть казаков находилась «в отлучках» по ясачным волостям или в иных «рассылках». Следовательно, непосредственное участие в описанных событиях принимает не более 25% кузнецкого гарнизона. Любопытно, что Недомолвин ссылается на решение анонимных «голов и конных казаков», т.е. не только на рядовых служилых людей, но и на командиров, которые почему-то в последний момент отказались исполнять прямой приказ томского воеводы, но в драке личного участия не принимают. «Единодушные» казаков, о котором пишет В.Н. Добжанский, следует поставить под сомнение еще и по той причине, что слишком уж быстро успокоился мятеж. Выглядит весьма подозрительно, что немедленно после бурного мятежа казаки успокаиваются и бросаются немедленно исполнять приказы властей — а именно строить острог (где конкретно — не суть важно).

В действительности все так и обстоит на самом деле. Казаки быстро смирились и за оставшиеся теплые летние и осенние месяцы 1620 г. строительные работы завершились, что могло означать одно из трех: а) все казаки быстро переменили мнение (возможно, под внешним давлением), б) основная часть гарнизона не присоединилась к мятежникам или участвовала в событиях пассивно, в) администрация отказалась от прежних планов по переносу острога на другой берег. Лично я склоняюсь к мнению, что большинство казаков заняли пассивную позицию, правда, по разным причинам. Например, некоторые из них могли не знать о событиях в Кузнецком остроге, находясь в отдаленных ясачных волостях. Возможно также, что и власти пошли «на попятный», убедившись в твердости позиции томских казаков-годовальщиков.

В 1621 г. Тимофей Боборыкин, описывая вмешательство Пустина в его компетенцию, утверждает, что острог построен заново в 1620 г. и «острог стоит год». Еще раньше, осенью 1620 г., в Тобольске было получено подтверждение от томского воеводы Федора Боборыкина, что Тимофей Боборыкин и Осип Аничков со служилыми людьми «в Кузнецкой земле острог **поставили на старом месте, где был преже сего, на усть Кондомы реки крепость укрепили...**» Следует ли понимать источники таким образом, что Тимофей Боборыкин отказался от своего первоначального намерения и не стал настаивать на переносе острога «за Томь за реку»? Существовало ли подобное намерение на самом деле? Если да, то на какой стадии Боборыкиным прервалось исполнение намерения о переносе острога? Важен также вопрос о содержании военно-инженерных мероприятий Боборыкина с командой. Что означает выражение «крепость укрепили»?

Приведу другие очевидные примеры двусмысленных выражений из письменных исторических источников, которые, кстати, вольно используют авторы вышеупомянутой совместной статьи для обоснования старой миллеровской идеи. Нигде, ни в одном документе нет разъяснений относительно того, что означает выражение «на усть Кондомы реки». Именно на устье, а не напротив устья. Ни в одном документе нет точного определения по поводу того, где находилось «прежнее место». Термины «старый острог» и «старое место» настолько запутывают, что ссылаться на них в доказательство версии бессмысленно. Например, термин «старый» острог может просто означать физически старое укрепление. В отписке Карташева «старый» острог противопоставлен новому. Логически вероятно допу-

стить, что оба острога существовали параллельно. Могли ли они существовать на разных берегах? По законам логики могли, конечно. Могли ли они существовать рядом на одном берегу? Тоже могли. Как говорится, «железная логика». Они оба могли. Старым местом может называться любое место — важно не забыть указать, почему оно старое, относительно чего оно старое. Именно последнее указание как раз и отсутствует во всех исторических источниках. Следовательно, старое место можно понимать как старое относительно 1618 г. или относительно 1615 г. или относительно 1611 г. и т.д. — выбирай на свой вкус. В.Н. Добжанский, столкнувшись с неизбежным выбором, пошел по самому красивому пути. По нему я и сам когда-то хаживал, не желая отказать себе в удовольствии пофантазировать.

Он предлагает называть «старым острогом» «какое-то укрепленное место», куда томские служилые люди приходили за ясаком в прошлые годы. Иначе говоря, остроги Пушина, атамана Павлова, Бажена Константинова или нечто еще подобное в этом роде но, конечно, не острог Харламова 1618 г., хотя по логике — почему бы и нет? Рассуждаем логически: Карташев приходит в некий «старой острог» — неважно на какой из берегов, предположим, туда, где когда-то стоял острог Пушина, но почему-то не туда, где находится современная ему воеводская канцелярия, и отсюда, из «старого» пушинского острога, вместе с воеводами он идет «за Томь за реку» на разведку. С чего ради он заявляется на старый острог Пушина и оттуда идет «за Томь за реку»? И где в таком случае находится «старой острог» — вот ключевой вопрос? В.Н. Добжанский отвечает на вопрос: «старой острог» мог находиться на том же месте, где и острог 1618 г. Что называется, «приехали». С одной стороны, «определение старый к острогу 1618 г.» применять нельзя, утверждает он, а с другой стороны, острог 1618 г. мог быть поставлен на месте старой крепости Пушина. Если бы В.Н. Добжанский был последовательным до конца, ему пришлось бы признать, что никакого «старого острога» вовсе не существовало и Карташев со своими людьми явился в действующий острог на правом берегу реки, который он почему-то противопоставил новому, а потом отсюда, из «старого» острога, он ездил за реку на левый берег искать места под новый острог. Получается, Карташев знал о существовании некоего нового укрепления на одном из берегов, если он противопоставил старый и новый остроги? По законам логики — да, знал. Причем логичнее, что новый острог находился в отдалении, а не возле «старого» острога. Иначе зачем их противопоставлять? Только из-за размеров? Зачем Карташеву вообще подчеркивать одновременное существование старого и нового острогов? Ю.В. Ширин призывает попросту не обращать внимания на противоречие в источниках. Как бы он отнесся к моему вежливому предложению — не обращать внимания на керамику XX в. н.э. в культурном слое XX в. до н.э.?

Итак, попытаемся сформулировать только точно установленные факты, «выловленные» из потока событий. Весной 1620 г. томский воевода Федор Боборыкин, ссылаясь на указ тобольского губернатора, организует поход служилых людей в Кузнецкую землю на собственные средства для смены годовальщиков и для крепостного строительства. Тогда же весной 50 человек во главе с Тимофеем Боборыкиным прибывают в Кузнецкий острог. Тимофей Боборыкин решает перенести острог с одного берега реки Томи на другой вопреки прямому приказу томского воеводы о строительстве укреплений на прежнем месте. Часть служилых людей отказывается подчиняться командиру. Они объясняют свое поведение нежеланием обременять себя бессмысленной тяжелой работой и отсутствием тяглого скота. Они не видят смысла в заведении хлебопашества и скотоводства в Кузнецкой земле, ибо не живут здесь постоянно. Перенос острога грозит им отдалением от рыболовных угодий («а от рыбы де мы за реку нейдем острога ста-

вити»). Они расценивают действия Боборыкиных как самоуправство и обжалуют приказ кузнецкого воеводы в высшие инстанции. За участие в бунте никто из казаков не пострадал. После драки (менее вероятнее, что до того момента) в «старый» Кузнецкий острог прибывает Бажен Карташев и Осип Кокорев со своими людьми. Они лично убеждаются в хорошем выборе места для новой крепости и в действительном недовольстве служилых людей действиями воеводы Тимофея Боборыкина. Впрочем, личное мнение Кокорева нам не известно. Затем следует провал в источниках. Точно известно, что осенью 1620 г. строительство нового острога состоялось на «старом» месте, после чего острог никогда и никуда не переносился.

Сформулируем вопросы, возникающие при виде очевидных пустот в череде известных фактов. 1. По какой причине появилась идея о строительстве укреплений в 1620 г.? 2. Приказал ли персонально тобольский воевода Куракин или иные лица из московской администрации Приказа Казанского Дворца переносить Кузнецкий острог на другой берег? 3. Зачем Федор Боборыкин финансирует экспедицию из собственного кармана и как он собирается вернуть вложенные средства (иначе говоря, замышлялась ли им финансовая афера)? 4. Нарушил ли Тимофей Боборыкин распоряжение тобольских и томских властей? Если да, то зачем? 5. Успел ли Тимофей построить полностью или частично новый острог на новом месте и где находится «новое» место? 6. Где же находился острог 1618 г.? Попытаемся ответить на вопросы по порядку. Речь идет о формулировании моей собственной версии с привлечением археологических, топографических и топонимических источников. Кстати, вместе с Юрой Шириным мы уже пытались получить археологическое подтверждение не только для первой версии Миллера, но и для второй, народной версии. Дело было так.

Наткнувшись в мемуарах Р.Ф. Тагаева на упоминание села Букино, где, по его словам, находился первый Кузнецкий острог, я предложил Юре Ширину проверить опытным путем правоту народной версии. В июле 1987 г., уже имея представление о культурном слое Кузнецкого острога возле собора, мы с Шириным, воспользовавшись преимуществами современной цивилизации, намазавшись вонючей жидкостью против комаров и обливаясь потом, двинулись на гору. Мы оба были тогда молодыми людьми — научными сотрудниками Новокузнецкого краеведческого музея. Юра Ширин тогда имел минимальный опыт археологических исследований в Кузбассе. Нам предстояло совершить восхождение на Красную Горку, расположенную в двух верстах к северу от села Букина, напротив разъезда Абагуровского. Красная Горка и поныне существует, возвышаясь над рекой Кондомой в районе железнодорожного моста. Она представляет собой коренную речную террасу высотой более 30 м с провалом посередине в виде амфитеатра, который незаметен снизу. Мост после войны стерегли солдаты «срочники». К тому времени, как мы полезли в гору, их давно сменили бойцы ВОХРа, вооруженные старинными револьверами марки «Наган» и трехлинейными винтовками системы «Мосина». От конечной остановки автобуса 55-го маршрута мы беспрепятственно миновали закопченные корпуса Абагурской аглофабрики. Тогда и системы-то пропускной не существовало. С интересом осмотрели кладбище паровозов и, оставив без внимания гигантские «хвосты» (шлаковые отвалы), мы перемахнули через старицу Кондомы, известную когда-то под названием «озеро Сарылевское», а ныне «озеро Горолецкое». Мы вышли на караул у моста. Караульные, будучи слегка «с бодуна», беспечно пропустили нас мимо стратегического объекта и мы задыхаясь от удушья среди высокой травы, постарались быстрее одолеть крутой подъем, чтобы очутиться на прохладной площадке, затененной кронами берез. Признаюсь — либеральные были времена. Появившись мы с лопата-

ми здесь через семнадцать лет, нас наверняка зачислили бы в террористы и быстренько расстреляли бы под березами.

На горе внутри амфитеатра обнаружилась заболоченная котловина. Позже выяснилось, что котловина называется Змеиным болотом из-за гадов, водившихся здесь когда-то во множестве. Тень от берез несла благоденственную прохладу. Хотелось лечь в мягкую траву и ждать до вечера, пока не спадет жара. Но, засучив рукава, мы наугад забили два шурфа размером 1х1 м, примерно в центре тенистой лужайки. Почва оказалась насквозь прошитой толстыми корнями берез. Копание земли быстро превратилось в муку. Через час мы докопались до тонкого черного земляного слоя, который хорошо отбивался на фоне материковой желтой глины в стене раскопа. «Возможно, мы попали внутрь сооружения полуземляночного типа?» — предположил Юра. Никаких следов человеческой деятельности, кроме угольков и истлевшей древесной щепы, обнаружить не удалось. Это обстоятельство нас слегка смутило, но не сбilo полностью с толку.

Самую высокую точку на Красной Горке мы исследовали в следующие дни с помощью траншеи, в которой обнаружили странные следы, похожие на конструкцию стены деревянной ограды типа заплота из бревен, сложенных горизонтально между вкопанных столбов. Подобная конструкция стен, утверждает Юра с точки зрения сегодняшнего опыта, приобретенного им на раскопках укрепления «Городок» недалеко от Кемерово, характерна не для русского военно-инженерного искусства, а для фортификации сибирских аборигенов. На самом деле заплотная конструкция ограды тоже использовалась русскими фортификаторами в Сибири. Правда, широкое распространение она получила во второй половине XVII в. и в следующем столетии. В культурном слое встречались угольки, толстые сгоревшие плахи или бревна, рубленые ветки деревьев и кости. Причем кости принадлежали диким животным, а не домашним. Вернувшись сюда через пару дней, мы обнаружили в траншее маленькую белую ласку, которая стремительно металась по раскопу и злобно шипела.

На северном склоне Красной Горки, над южной оконечностью озера Горолецкого мы обнаружили сооружение, напоминающее по форме укрепление сибирских аборигенов, по словам Юры Ширина. Однако раскопки в западине в центре объекта не принесли никаких находок. Судя по расположению сгоревших углей на дне раскопа, стало понятно, что мы попали внутрь сгоревшего сооружения, выполненного частично из дерева. Полностью западину мы так и не докопали до сих пор. Так что судить о бесперспективности исследований на Красной Горке пока рано. Тем более что мы находили здесь в разных местах, правда, на заметном удалении друг от друга, мелкие осколки средневековой керамики и каменный пест. Раскопки на Красной Горке пока не подтвердили народную версию, но и не опровергли ее окончательно. Вместе с Юрой Шириным мы тогда опубликовали кроме научной статьи несколько популярных статей в газете «Кузнецкий рабочий» на тему о местоположении Кузнецкого острога. В тот момент Юра Ширин склонялся к народной версии. После раскопок 2000 г. у собора он изменил свою точку зрения.

Письменные документы плюс материалы археологических раскопок, произведенных Ю.В. Шириным в разные годы, послужили основанием для совместного с В.Н. Добжанским категорического утверждения: «Мы знаем, — с гордостью пишут они, — что с 1620 г. Кузнецкий острог стоял на одном месте — на правом берегу р. Томи, напротив устья р. Кондомы, и никуда не переносился». Желая категорически возразить — подобные пустые истины прекрасно известны и спорить с ними глупо и бессмысленно. Личное мнение автора настоящей работы состоит в следующем — ранее сам автор, а равно и Ю.В. Ширин вместе с В.Н. Добжанским неграмотно подошли к анализу всех типов источников и плохо

изучили поток исторических событий. Мы пытаемся зацепиться за очевидные фразы, вырванные из контекста документов, чтобы опереться на них, как на костыли. Вместо планомерного пополнения источниковой базы происходят случайные события вроде аварийных работ на месте Кузнецкого острога. Объективный перекрестный анализ источников разных типов и логический анализ противоречий в источниках подменяется примитивными иллюстрациями собственных представлений на тему о краеведении.

У меня имеются вопросы к ученым авторам статьи. Вот они: «Почему до сих пор нет надежной системы хронологической датировки разных слоев археологического памятника «Кузнецкий острог»? Не кажется ли господину Ширину, что археологические факты в данном конкретном случае не подтверждают ничего, кроме самих себя. Почему авторы упорно игнорируют топографические и топонимические источники? Почему до сих пор не производился источниковедческий анализ русского старожильческого фольклора?» Все вышеперечисленные вопросы я мог бы в равной степени адресовать самому себе. В свое оправдание скажу: последние 10 лет я профессионально историей Кузнецкого края не занимался. Ю.В. Ширин тоже оправдывается: «Я специально не занимаюсь русской археологией». Тогда и фантазировать не нужно относительно хронологии русских укреплений. Мы все упрямо гнем одну линию, сосредоточившись на поиске абсолютной истины — пустой и банальной по содержанию, хотя и точной по форме. И упрямо подгоняем источники под собственное представление об исторической реальности, а дискуссия о местоположении первого острога зашла в тупик.

Между 1987 г. и 2000 г. Юра Ширин и автор этих строк вместе с другими любителями кузнецкой истории несколько полевых сезонов почти полностью посвятили раскопкам в Старом Кузнецке. Свидетельствую — по разным причинам раскопки вокруг собора часто выливались в бесцельный сбор археологических находок. Иначе говоря, производились «раскопки на материал» без научной постановки задач и планомерного решения поставленных задач. Никаких практических результатов для решения многих научных проблем не получено. Результаты работ под собором принесли бы больше пользы, если бы археологи профессиональнее отнеслись к раскопкам русских памятников. Ю.В. Ширин, в сущности, не отрицает, что раскопки острога по содержанию сводились к аварийным работам. В таком случае, зачем заниматься иллюстрацией чужих субъективных мнений? Полезнее сосредоточиться на расширении знаний об этапах расширения Кузнецка и его укреплений, о хронологии археологических слоев, о постепенном изменении материальной и духовной культуры русского и аборигенного населения Кузнецкого края. К сожалению, о некоторых событиях мы уже никогда не узнаем наверняка. Специфика раскопок на материал совершенно исключает возможность использовать в настоящее время археологию для решения вопроса о местоположении первого Кузнецкого острога. На любой вопрос историков археологу Ю.В. Ширину честнее философски отвечать: «Не знаю», чем продуцировать научные сенсации и обнадеживать своих коллег по историческому цеху.

Конечно, нельзя сказать, что археологические исследования в Кузнецке оказались бесполезными. Многие сотни квадратных метров земли вскрыты научным методом вокруг бывшего Уездного Казначейства, вокруг собора, на Форштадте, на крепости. Изучены десятки жилых, хозяйственных и военных объектов. Например, впервые открыта башня Кузнецкого острога под правой частью паперти собора (впрочем, там же и похороненная); на Форштадте найдены следы береговых укреплений, датированные по спилам на бревнах; раскопано несколько жилых домов внутри Кузнецкого острога и за его пределами, многочисленные хозяйственные постройки, овины, погребя. Очень продуктивными с научной точки зрения оказались раскопки на месте сгоревшей русской деревни между селом

Ильинским и деревней Бедаревой на левом берегу Томи. Предположительно деревню сожгли телеуты во время набега на Кузнецкий уезд в 1673 г. Именно после раскопок русской деревни в 1988 г. Юра Ширин окончательно научился выявлять и датировать раннюю русскую гончарную керамику и лепную посуду аборигенов XVII в. Позже он научится разделять керамику XVII и XVIII вв. Он же практически разобрался с местоположением деревянной церкви, острожных башен и деревянной ограды острога. Существенно пополнились наши знания о типовой архитектуре сибирского города, об эволюции разных элементов материальной и духовной культуры, например, о развитии рыболовства, о распространении азартных и иных игр, о вооружении русских и аборигенов, о нумизматике, об одежде и обуви, о гигиене русских поселенцев и проч. Фонды двух музеев — краеведческого и «Кузнецкая крепость», существенно пополнились уникальными экспонатами. Археологические раскопки русских памятников XVII–XVIII вв. производились в деревнях Бедарево, Староабашево, Ильинка, Малово, на реках Шарап, Ускат, Аба. К сожалению, еще больше научных возможностей упущено. Не всегда по вине исследователей. Но поскольку я оптимист, то я продолжаю верить и надеяться на лучшие времена для кузнецкой историографии и археологии.

Кажется, настал черед сформулировать собственную версию событий, отдавая полный отчет себе в том, что любая версия в существующей ситуации носит спекулятивный характер. Поэтому самое лучшее — признать заранее ущербность своей версии и согласиться с тем, что она не носит характер абсолютной истины. Самое главное — ее следует продолжать совершенствовать или полностью опровергнуть, если потребуют исторические источники и историческая истина. Но перед финишем придется еще раз отклониться от темы. Дело в том, что практически все исследователи кузнецкой истории, включая археологов, игнорируют микротопографию, гидрографию и топонимику нашего географического района, где находится г. Новокузнецк. Не случайно в начале текста мне пришлось подробно описать красоту природных здешних мест.

Если допустить, что Кузнецкий острог существовал на левом берегу Томи, то непосредственно устье Кондомы следует исключить из списка мест, где мог бы стоять острог. Почему? В.А. Добжанский и Ю.В. Ширин аргументированно ответили на сложный вопрос. Оказывается, до Великой Отечественной войны краеведы искали здесь следы острога, хотя и безуспешно. Подобное обоснование не имеет ни научного, ни здравого смысла. Речь может идти лишь о небольшой кромке берега в устье реки. Никакие краеведы никогда не обследовали другие высокие места вдоль левого берега на некотором удалении от устья двух рек. Именно по этой причине мы и полезли на Красную Горку, ибо понимали без аргументов, что пойму несколько раз весной заливают водой. На всем протяжении от подножья горы Соколухи до основного русла Томи нет высокого места, удобного для размещения постоянных укреплений. С другой стороны, вдоль правого берега Кондомы, начиная от самого устья и почти до современного поселка Абатур, тянется извилистая и глубокая протока, имевшая когда-то красноречивое название Доцаничья (сейчас именуемая Малиновой).

Что такое есть «доцаник»? Это речное судно, имеющее относительно большое водоизмещение и осадку в отличие, например, от «малой лотки». На таких судах в XVII в. перевозили тяжелые грузы в Кузнецкий острог из Томска по реке Томи, вытягивая судна против течения на бечевах. Навигация начиналась весной, но прерывалась летом. В сентябре навигация снова возобновлялась и продолжалась до ледостава в ноябре месяце. Именно осенью после сбора урожая сюда, в Кузнецкий острог, привозили продовольственные припасы, ибо Кузнецкий уезд долгое время до начала XVIII в. оставался «малопащенным» уездом из-

за пограничного расположения и военной опасности, и местные служилые люди не могли обеспечить себя полностью местным хлебом. Также в дощаниках перевозилось вооружение, боеприпасы, амуниция, крупные партии бытовых товаров и многое другое. Если предположить, что острог изначально находился на правом берегу, выходит, что дощаники разгружались в остроге, а затем по какой-то странной прихоти перегонялись на другой берег, где оставались зимовать в кондомской протоке до весны. Об этом сообщает кузнецкий летописец Иван Конюхов. Если бы острог находился на правом берегу, логичнее было бы оставлять дощаники на зимовку в Иванцовской протоке, но первые русские поселенцы Кузнецкого края поступают иначе. Причины могут быть совершенно разные, но, пожалуй, выделяются две.

В Иванцовскую протоку дощаники было невозможно завести напрямую. До начала XIX в. вход сюда преграждал опасный порожистый перекат под именем Бойцы, о чем сообщает Конюхов. Когда-то его рев заглушал человеческую речь, но затем перекат быстро смыло на глазах у одного поколения кузнечан. Следовательно, бурлакам приходилось тянуть дощаники выше примерно на 1,5-2 версты по течению в устье речки Брыз (ныне Казачья Грязь), откуда, возможно, открывался доступ в Иванцовскую протоку со стороны Томи. Может быть, вход в протоку и здесь был настолько мелководный, что не позволял заводить тяжелые суда. О глубине протоки в старину нам ничего не известно. Да и сама протока давно не существует. На ее месте проходит насыпь железной дороги. Однако известно, что в конце XIX в. парходную пристань организовали ниже устья Казачьей Грязи — на Подкамне под собором. Здесь глубина воды позволяла ставить тяжелые лодки, что и происходило, допускаю, в XVII в. — после устройства стационарного острога. Однако особенное название Дощаничь по традиции закрепилось за другой протокой на противоположном берегу Томи. Именно там, по свидетельству Конюхова, первые служилые люди, пришедшие в Кузнецкую землю, ставили на зиму дощаники.

Представим, что первые ранние русские укрепления появились на левом берегу Томи. Куда служилым людям ставить свои тяжелые лодки? В Иванцовскую протоку? Чтобы затем доставлять припасы обратно из-за реки? С большим успехом они могли затаскивать дощаники в глубокую кондомскую протоку, чтобы разгрузить их здесь и оставить зимовать поблизости от своей укрепленной фактории. Факторию логичнее расположить поближе к населенному пункту абинских татар — единственного лояльного татарского рода, который сразу мирно перешел в русское подданство. Томские казаки умудрились убедить вождя абинских татар Базаяка добровольно принять русское подданство. Абинцы, без сомнения, снабдили первых русских поселенцев продовольствием — рыбой, хлебом и мясом. Известно, что первые годы они помогают собирать ясак в царскую казну, выполняют военные и разведывательные операции, а также посредничают на дипломатических переговорах с враждебными кузнецкими родами, с енисейскими киргизами, с черными и белыми калмыками. Сразу же после основания стационарного Кузнецкого острога в 1618 г. несколько десятков абинских татар вошли в состав кузнецкого гарнизона в качестве отдельной боевой единицы — сотни абинских служилых татар, состоящих на «государевом жаловании» подобно другим русским служилым людям. Короче говоря, первое время в 1607-1614 гг. Абинский улус служил единственной опорной базой для малочисленных отрядов русских служилых людей. Все письменные источники XVII-XVIII вв. содержат утверждение, что никогда абинские татары не состояли в двойном подданстве России и Джунгарии, подобно большинству родов кузнецких татар на реке Мрассу или выше на Кондоме. Дощаничь протока выходила на Абинский улус — лично проверял. Кстати, абинские татары имели укрепленный городок, в ко-

тором защищались от нападения карательного отряда Пущина. Где стоял городок, к сожалению, точно не известно. Таким образом, название Доцаничья протока могло появиться на свет потому, что первые русские отряды для сбора ясака приходили на левый берег, куда они, естественно, приводили свои корабли с припасами. Позже это название сохранялось по традиции.

Еще один многозначительный и важный факт. Именно в устье Кондомы были расположены самые богатые рыболовные места. В начале XX в. городской муниципалитет сдавал в аренду рыбные ловли в устье Кондомы местным купцам, о чем сообщает уроженец деревни Маловой Георгий Куртуков. Да и сейчас стоит посмотреть тихим летним вечером, как плещется на плесах рыба в устье Кондомы. Как известно, возмущенные казаки не желали уходить на жительство в новый острог далеко от рыбных мест. Логично предположить, что старый острог был расположен неподалеку от устья Кондомы. Также в устье Кондомы нигде нет мест, удобных для заведения русских хлебных пашен. Но строевой лес был, очевидно, поближе, чем на новом месте, куда Боборыкин хотел перенести острог, где строевого леса не было вовсе. Данный факт особенно подчеркивали казаки, не имеющие тяглогового рабочего скота для транспортировки тяжелых бревен. Итак, «старый» острог, о котором идет речь в документе о мятеже служилых людей и в отписке Карташева, возможно, находился в непосредственной близости от «рыболовных угодий», недалеко от строевого леса, правда, рядом не имелось «угожих» мест для развития сельского хозяйства. Напоминает описание района вокруг устья Кондомы на обоих берегах, но на каком из двух — на правом или на левом? Название Доцаничья протока прямо-таки провоцирует поместить острог на левом берегу, ближе к Абинскому улусу. Однако никаких точных данных на этот счет нигде ни в одном документе пока не обнаружено. Археологические источники тоже пока молчат.

Зато имеется единственное ясное и четкое сообщение Ремезовской летописи о сооружении острога в устье реки Брязы. При взгляде на старые карты Кузнецка совершенно очевидно, что устье Брязы находится почти перпендикулярно напротив устья Кондомы. Берег здесь довольно высокий, и даже сегодня высота составляет примерно 4 м. Значит, берег топится не часто, только в чрезвычайное наводнение, которое случается примерно раз в 20 лет. Представим низину, где находится Центральный район г. Новокузнецка, когда не существовало защитной дамбы со стороны Томи и высокой насыпи, на которой уложено полотно железной дороги со стороны Кондомы. Начиная от самого ледохода в середине апреля и до конца периода таяния снегов в горах в первой декаде мая всю долину между реками заливало студеной мутной водой, и она стояла здесь долгое время, затрудняя передвижение по пойме, не говоря о протоках, озерах и болотах. Все старые русские деревни располагались на высоких местах в пойме или прижимались к высокой южной террасе, спускавшейся от Старцевской горы к реке Абе. Террасы той уже давно нет, а жаль. Полагаю, если бы терраса сохранилась — многие принципиальные вопросы решались бы легче.

Итак, левый берег Томи решительно не подходит для строительства постоянного опорного укрепленного пункта, в чем русские служилые люди имели случай убедиться ранее 1618 г., когда почти каждый год, начиная с 1605 г., они приходили «в Кузнецы» для сбора ясака. Даже Абинский улус расположен настолько низко, что в период высокой воды его, очевидно, топило почти полностью. Первый собственный опыт быстро помог оценить недостатки и преимущества местной географии. Подозреваю, что следы первых укрепленных факторий Константинова, Павлова и Пущина и другие следует искать на левом берегу Томи — где-то в районе Абинского улуса, возможно даже, что на Красной Горке, где я лично находил на распаханном под лесопосадки косогоре очень мелкие

фрагменты средневековой (по предположению Ю.В. Ширина) керамики. Что касается острога 1618 г., то вслед за авторами текста Ремезовской летописи предположим, что русское укрепление было построено в устье речки Бряза (Казачья Грязь). Но у русских к тому времени отсутствовал опыт устройства укреплений на правом берегу. Быстро выясняется, что берег вдоль Иванцовской протоки, хотя и достаточно высокий, чтобы спасти от ежегодных наводнений, но недостаточно прочный. От старожилов известно, что половодье часто уносило в реку целые куски берега с жилыми домами. До Великой Отечественной войны в устье Брязы краевед К.А. Евреинов обнаружил археологический памятник. Датировка памятника точно не известна. Сейчас его полностью смыло водой.

Изучив подробно обстоятельства, мы можем предложить разумное объяснение мотива действий тобольского воеводы Куракина. Он не приказывает Федору Боборыкину расширять острог. Тем более что увеличение острога произошло позже в 1623-1624 гг. — при воеводе Евдокиме Баскакове, который увеличил острог «вчетверо» по понятной причине — появление новых поселенцев. Вероятно, весной 1619 г. сильно подмыло речной берег и острожную стену. Узнав о том, Куракин требует восстановить «крепость». В истории Сибири известны случаи неудачного расположения русских укреплений на берегах рек по причине отсутствия знаний у первых русских поселенцев о местной микротопографии, гидрографии и геологии. Например, стену Нарымского острога смывало водой неоднократно, пока ее не отнесли на другое место.

Тимофей Боборыкин по собственной инициативе (или по наущению дяди) решает кардинально изменить неудачное местоположение острога и заодно снять острый вопрос со снабжением местного гарнизона съестными припасами. На свой страх и риск он начинает работы по переносу острога на левый берег Томи, но не в пойму, а на более высокое «угоднее» место. Казаки выступают против намерения Боборыкина. Исходя из противопоставления Карташева «старый — новый», полагаю, что Боборыкин и часть лояльных казаков реально производят предварительные подготовительные работы на новом месте до прибытия в острог Карташева с командой. Где оно могло находиться? Единственное высокое место, удаленное от рыболовных угодий и строевого леса, но зато пригодное для хлебопашества и сенокосения (совпадают все особенности, описанные в источниках) располагается на упомянутой выше южной террасе над рекой Абой. На старых топографических картах, описывающих окрестности Кузнецка до строительства завода, прекрасно видно, что терраса над Абой исключительно удобна для человеческого обитания. Помимо плодородного чернозема на солнечном склоне горы в пойме реки имелись богатые сенокосные угодья. Склоны остальных окрестных гор имеют северную экспозицию. Здесь долго тает снег, сочится вода, не вызревает хлеб и нет травы для заготовки сена.

Натолкнувшись на сопротивление гарнизона, Тимофей Боборыкин отказывается от своего плана. Он просто восстанавливает «крепость» в устье Брязы. Сменивший Тимофея на посту воеводы через два года Евдоким Баскаков существенно расширяет острог и, возможно, обносит оборонительной стеной новый православный храм, расположенный на русском кладбище в Нагорье. Под защиту оборонительной огады также попадают дома служилых людей и первых пашенных крестьян, появившихся здесь по инициативе Баскакова. Старое укрепление в устье Брязы, возможно, забросили. Гораздо позже неподалеку на берегу речки Казачья Грязь построили укрепленную башню. В XX в. где-то здесь находился дом генерала П.Н. Путилова — героя русско-японской войны.

Итак, топонимика и микротопография не отрицают возможности местоположения ранних русских укрепленных факторий на левом берегу Томи. В таком случае объясняется устойчивость народной версии. По крайней мере, три или

четыре первых русских укрепления могли находиться где-то здесь — неподалеку от поселения союзников — абинских татар и невдалеке от Дощаничьей протоки. Впрочем, существование ранних укреплений на левом берегу еще предстоит доказать. Никакие письменные источники уже не помогут в поиске — только целенаправленная археологическая разведка и раскопки. Особенный интерес вызывает местоположение острожка Пушина на месте абинского укрепленного городка. Десять недель пятидесятая армия неприятелей осаждала русские войска численностью примерно 200 человек. Такие масштабные военные действия не могут не оставить заметных следов. Интересно убедиться также в том, что река Томь окончательно смыла остатки острога на устье Бразы (Казачья Грязь), ибо есть слабая надежда, что здесь обнаружатся следы первого стационарного острога. Может быть (кто знает), всплывут новые русские находки из археологической коллекции Евреинова, собиравшего на берегу в устье Казачьей Грязи археологический материал. Следы же фортификационных работ Тимофея Боборыкина искать, вероятно, не имеет смысла. От солнечной террасы на Абе остались только воспоминания и старые фотографии.

Остался еще один вопрос, который по человечески занимает меня — зачем Федор Боборыкин инвестировал значительные финансовые средства в экспедицию своего племянника? Прямое ответа на этот вопрос пока нет. В душе существует тяжелое подозрение, что по своей обычной привычке русский чиновник задумал хитроумный план, как поживиться за счет казны. Современные чиновники, опрошенные мною наугад, хитро улыбаясь, именно так склонны трактовать смысл действий Боборыкиных. Оба родственника могли рассчитывать на следующие выгоды: 1. Получить с казны процент на вложенный капитал; 2. Приписать невыполненные объемы работ и в мутной воде украсть дополнительные деньги. Впрочем, может быть, Федор Боборыкин окажется честным русским чиновником, свято блюдушим интересы государства выше собственных интересов. Только зная крапивное семя русских чиновников — коррупционеров и казнокрадов, верится в его бескорыстие с трудом. Да и вера подобная вызывает скорее ироническую ухмылку даже у его нынешних коллег, не говоря об обыкновенных обывателях вроде меня.

Некоторые аспекты процесса формирования кузнецкого гарнизона в XVII — начале XVIII вв.

Формирование местного гарнизона в XVII — начале XVIII вв. представляется нам одной из интереснейших тем в ранней истории Кузнецка. Интерес к исследованию этой темы стал проявляться только с 1970-х гг.

В статье З.Я. Бояршиновой¹, наряду с анализом документов из первого тома «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера, охватывающих начальный период освоения Кузнецкой земли (1608-1620 гг.), приводятся также и архивные материалы из фонда Сибирского приказа ЦГАДА, характеризующие различные стороны жизни Кузнецка и его уезда в XVII — начале XVIII вв. В частности, автор предоставляет данные о томских «годовальщиках» в Кузнецке на начальном этапе формирования местного гарнизона, об общей численности кузнецкого гарнизона в различные годы XVII — начала XVIII вв. и, отдельно, например, о численности служилых татар в 1698 г.

Исследование М.Е. Сорокина² расположено в одном сборнике со статьей З.Я. Бояршиновой и по своей основной тематике перекликается с ней. Анализируя в основном материалы архива ЛОИИ АН СССР, автор освещает вопросы развития экономики Кузнецка и его уезда в XVII и, частично, в начале XVIII вв. Также М.Е. Сорокин говорит и о структуре местного гарнизона, об участии служилых людей в экономической жизни города, об общей сумме денежного жалования, присланного из Москвы в разные годы XVII в., и о получении недоимок по жалованию в столице некоторыми служилыми людьми кузнецкого гарнизона. Остановившись на численности различных категорий жителей города в XVII в., он приводит данные и о числе служилых людей в 1655 г.

В работе О.А. Любимовой³ на основании анализа архивных материалов из фонда Сибирского приказа ЦГАДА, в том числе «Разборной книги Кузнецка 1681 г.», говорится о местах «выхода» служилых людей кузнецкого гарнизона с 20-х гг. XVII в. до 20-х гг. XVIII в., в свете изучения проблемы формирования русских говоров в крае. В заключение автор делает вывод о том, что «диалектный состав населения в начальный период заселения Кузнецкого уезда был смешанным, ...хотя севернорусы преобладали», а также что «происходила постепен-

¹ Бояршинова З.Я. Ранние страницы истории Кузнецкого города // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новокузнецк, 1971. С. 12-25.

² Сорокин М.Е. Кузнецк и Кузнецкий уезд в XVII веке // Новокузнецк в прошлом и настоящем... С. 26-33.

³ Любимова О.А. К вопросу о диалектном составе первоначальников Кузнецкого уезда в связи с задачами изучения истории формирования русских старожильческих говоров Кузбасса // Краеведение и туризм в Кузбассе. Новокузнецк, 1974. С. 104-111.

ная ассимиляция ссыльных поляков, литовцев, украинцев, крымских татар и местных тюрок»⁴.

Очень сходна по тематике со статьей О.А. Любимовой работа Г.М. Чигрик⁵. Автор, более подробно исследуя «Разборную книгу Кузнецка 1681 г.», также выявляет места «выхода» служилых людей, распределяет их по этому признаку на группы. Г.М. Чигрик делает практически те же выводы, что и О.А. Любимова⁶. Автор также приводит некоторые данные по численности служилых людей в течение XVII в.

И.П. Каменецкий в своей статье⁷ исследует формы социального протеста служилых людей Кузнецка на начальном этапе формирования местного гарнизона. Автор, в частности, подробно говорит о побегах из Кузнецкого острога служилых людей и крестьян во второй половине 20-х гг. XVII в., выясняет их причины, рассказывает о разной реакции представителей местной и центральной администрации на эти побеги и также выясняет причины этого. Он, в частности, говорит, что «в условиях угрожающей военной обстановки, при постоянной нехватке служилых людей для нужд обороны и управления, возможности воевод для «утеснения» служилых людей были крайне ограничены»⁸. Другая работа И.П. Каменецкого⁹ вышла во втором выпуске серии «Таможенные книги сибирских городов XVII века». Наряду с подробным анализом «Таможенной книги Кузнецка 1697/98 г.» статья содержит сведения об эволюции укреплений города в XVII — начале XIX вв., о его вооружении, о хозяйственных занятиях его жителей в XVII — начале XVIII вв., об участии местных служилых людей в экономическом развитии Кузнецка в этот период. Автор также приводит данные о численности различных категорий населения, в том числе и служилых людей.

В исследовании Д.Я. Резуна¹⁰ основное внимание уделяется бывшим подданным Польско-Литовского государства («литве») в составе кузнецкого гарнизона. Автор, анализируя опубликованные документы и архивные материалы из фонда Сибирского приказа ЦГАДА, выясняет, какими путями они попали в Кузнецк, приводит численность служилых людей из «литвы» в разные годы XVII в. Д.Я. Резун также говорит о размере их жалованья: денежного, хлебного и соляного, об участии «литвы» в деятельности местного гарнизона, в хозяйственном освоении края. Подводя итог, автор заключает, что «участие польских выходцев из Польско-Литовского государства XVI-XVII вв. в политическом и хозяйственном освоении Кузнецкой земли было значительным»¹¹. В своей статье Д.Я. Резун приводит численность пеших и конных казаков в составе кузнецкого гарнизона в течение XVII в., останавливается на его структуре.

⁴ Любимова О.А. К вопросу о диалектном составе... С. 110.

⁵ Чигрик Г.М. О диалектном и национальном составе жителей Кузнецка в XVII в. // Русские говоры в Сибири. Томск, 1979. С. 89-95.

⁶ Там же. С. 95.

⁷ Каменецкий И.П. Волнения служилых людей в Кузнецком остроге в 20-х гг. XVII в. // Сибирские города XVII — начала XX вв. Новосибирск, 1981. С. 119-129.

⁸ Там же. С. 128.

⁹ Каменецкий И.П. Кузнецк и его торговля в 17 в. // Таможенные книги сибирских городов. Новосибирск, 1999. Выпуск 2: Туринск, Кузнецк, Томск. С. 57-66.

¹⁰ Резун Д.Я. «Литва» Кузнецкого острога в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII — XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 37-45.

¹¹ Резун Д.Я. «Литва» Кузнецкого острога... С. 43.

О.Н. Вилков в своей статье¹² прослеживает динамику изменений в сословном и численном составе населения Кузнецка с его основания до 70-х гг. XIX в., на основании анализа статистического материала и большого числа научных публикаций. Автор выясняет причины этих изменений. Говоря об изменениях в структуре населения города, он прослеживает интересную динамику этих изменений: в течение XVII в. военное сословие преобладало над другими категориями населения (например, в 1698 г. служилых людей было 289 д.м.п., что составляло 67,3% от всего населения Кузнецка), а в 20-е гг. XVIII в. военные утрачивают свое доминирующее положение в структуре населения города, при том, что их численность увеличивается (например, в 1724 г. служилых людей было уже 555 д.м.п., что составляло только 29% от всего населения города). Эта тенденция сохранилась и в дальнейшем¹³.

Работа П.П. Лизогуба¹⁴ посвящена начальному этапу формирования кузнецкого гарнизона. Анализируя некоторые опубликованные источники, автор считает, что процесс формирования местного гарнизона начался не позднее лета 1620 г.¹⁵ Он также в приложении к статье приводит «Список с кузнецких именных книг 132 (1624) году» и прослеживает дальнейший жизненный путь некоторых служилых людей, упомянутых в этом документе.

Все эти научные изыскания посвящены истории Кузнецка в интересующий нас период времени (XVII — начало XVIII вв.), и в них, в частности, говорится о местных служилых людях. Их авторы, в той или иной степени, рассматривали и процесс формирования кузнецкого гарнизона. Но они изучали, как правило, лишь какой-то отдельный его аспект либо приводили только некоторые данные по численности местного гарнизона. В настоящем исследовании мы будем использовать опыт наших предшественников и собственный анализ широкого круга опубликованных и неопубликованных источников. Одной из задач данной работы является выявление этнического, социального, демографического и структурного аспектов процесса формирования кузнецкого гарнизона за время с 20-х гг. XVII в. до 30-х гг. XVIII в. Кроме того, мы проследим изменение численности местного гарнизона в указанный период, выделим характерные черты этого процесса.

Со времени основания Кузнецкого острога в 1618 г. и до лета 1620 г., в нем вообще не было постоянного состава гарнизона. Сюда из Томска присылались только «годовальщики». Летом 1621 г. в отписке первых кузнецких воевод — Тимофея Степановича Бобарыкина и Осипа Герасимовича Аничкова томским воеводам Ивану Федоровичу Шаховскому и Максиму Ивановичу Радилову упоминается «Кузнецкого острога казак Завьялка Ларионов»¹⁶. Он, видимо, прибыл в Кузнецк вместе с первыми воеводами, а это произошло летом 1620 г.¹⁷ Это самый ранний документ, в котором говорится о кузнецких служилых людях. Следовательно, формирование кузнецкого гарнизона началось не ранее лета 1620 г. Такой же точки зрения придерживается и П.П. Лизогуб.

¹² Вилков О.Н. Динамика изменений в сословном и численном составе населения Кузнецка со времени основания до 1870-х гг. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Вып. 3. С. 53-67.

¹³ Там же. С. 55.

¹⁴ Лизогуб П.П. О начале формирования кузнецкого гарнизона. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6. С. 113-118.

¹⁵ Там же. С. 114.

¹⁶ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. I Приложение. № 99. С. 455.

¹⁷ Там же.

В 1622 г. в составе местного гарнизона было 30 человек¹⁸. Скорее всего, все эти люди прибыли на службу в Кузнецк вместе с первыми воеводами и они являлись, видимо, томскими «переведенцами», т.к. в уже упомянутой отписке кузнецких воевод от лета 1621 г. говорится, что они взяли у томского воеводы Федора Васильевича Бобарыкина служилых людей¹⁹.

В этом же году, в дополнение к местным служилым людям и томским «годовальщикам» (50 человек), хотели прислать в Кузнецк «по государевой грамоте» из Тобольска сразу 200 человек казаков и стрельцов с «вогненным боем» для защиты от «колмацких людей». Этим служилым людям приказано «быть... в Кузнецком остроге до государева указа»²⁰. Но подкрепление из Тобольска так и не прибыло.

В 1624 г. в кузнецком гарнизоне находился уже 61 человек: к прежним 30 добавился 31 служилый, из которых 20 человек были из «гулящих» и 11 — из «черкас». «Гулящие люди» были «прибраны» тобольским воеводой князем Юрием Яншеевичем Сулешевым. «Черкасы» прибыли также из Тобольска и на месте определялись в «конную службу» (5 человек) и в «пешую службу» (6 человек)²¹.

К.Б. Газенвинкель²², анализируя разрядные книги 20-30-х гг. XVII в., определил численность кузнецких служилых людей в 1625-1627 гг. в 60 человек, из них пеших и конных казаков — по 23, конных «черкас» — 14.

В 1624 г. в гарнизоне Кузнецкого острога появляются и первые 3 человека «литвы», которых, видимо, стали относить к «черкасам». Об этом мы узнаем из весьма любопытного документа, в котором рассказывается о нежелании священника кузнецкой Преображенской церкви Ивана Иванова крестить в православную веру этих людей — «литву Федку Масалского с товарищи»²³.

Как же эти «черкасы» и «литва» попали в Кузнецкий острог? Скорее всего, их появление здесь связано с поражением польско-литовских интервентов в период «Смуты» начала XVII в. Это были либо пленные, либо т.н. «перелеты» (переребечики), которые таким образом стремились избежать заслуженной кары. Правительство Михаила Федоровича стремилось как-то найти применение этим людям. С 1619 г. их начинают ссылать в гарнизоны сибирских городов²⁴.

А уже 5 мая 1626 г. «побежали» из Кузнецкого острога 15 человек, среди которых были и ссыльные пашенные крестьяне, и служилые люди. Беглецов поймали только за Томском и вернули назад. Кстати, среди служилых людей 2 человека являлись «черкасами» из первой «присылки» 1624 г. — Савва Панфилов и Иван Игнатьев²⁵. 18 апреля 1628 г. состоялся еще один побег из Кузнецкого острога, в котором участвовали 6 человек «присыльных опальных черкас» и 7 человек пашенных крестьян. Есть сведения, что «побежали» не 13 человек, а 15, и

¹⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 458. Л. 81-82.

¹⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. I. Приложение. № 99. С. 455.

²⁰ Кузнецкие акты XVII — первой половины XVIII вв. Кемерово, 2000. Вып. I. № 25. С. 82.

²¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 458. Л. 82-83об.

²² Газенвинкель К.Б. Книги разрядные в официальных их списках, как материал для истории Сибири // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1892. Т. X. Вып. 6. С. 597 (таблица XXII).

²³ РИБ. СПб., 1884. Т. VIII. № 11/XXI. Стлб. 428-429; Там же. № 11/XXXIII. Стлб. 467-470.

²⁴ Александров В.А. «Войско» — организация сибирских служилых людей XVII в. // История СССР. 1988. № 3. С. 100.

²⁵ РИБ. Т. VIII. № 11/XXXVI. Стлб. 477-489.

что 12 из них были пойманы, а 3 — убиты в ходе преследования. И опять среди этих беглецов мы встречаем еще 2 человек «черкас» и «литвы», которые были присланы в Кузнецкий острог на «государеву службу» в 1624 г. — Алексея Бакая и Якова Михайлова²⁶. «Черкасы» фиксируются в гарнизоне в период с 1624 по 1631 гг. Причем если в 1624-1627 гг. их было 14 человек, то в 1628-1631 гг. — уже 20 человек²⁷.

Что же касается общей численности кузнецкого гарнизона, то она в 1628-1631 гг., по данным К.Б. Газенвинкеля²⁸, составляла 100 человек, из них конных казаков было 30, конных «черкас» — 20 и пеших казаков — 50.

В 1635-1636 гг., по сведениям все того же исследователя, «черкасы» как отдельное подразделение исчезают из состава местного гарнизона. Тогда служилых людей всего было 101 человек, из них 51 конный казак и 50 пеших казаков²⁹. «Черкасы» же, в основном, были переведены в конные казаки³⁰.

В последующем, в течение XVII в., соотношение конных и пеших казаков в Кузнецке оставалось примерно равным. В 1642 г. конных казаков было 70, пеших — 85, в 1662 г. конных казаков — 104, пеших — 102, в 1681 г. конных казаков — 83, пеших — 111³¹.

В начале XVIII в. это соотношение начинает изменяться. В 1702 г. в Кузнецке конных казаков было 90, а пеших казаков — 132³². Особенно резко оно изменилось после 1702 г., когда в Кузнецк прибыло сразу 186 тюменских стрельцов³³. Тех из них, которые остались служить в местном гарнизоне, определяли, в основном, в «пешую службу». В 1703 г. конных казаков было 100, а пеших — уже 202³⁴. В 1719 г. конных казаков — 107, пеших казаков — 170³⁵. В 1724 г. конных казаков — 203, пеших — 308³⁶.

Как мы видим, с середины 30-х гг. XVII в. и до середины 20-х гг. XVIII в., в кузнецком гарнизоне главным образом фиксируются конные и пешие казаки. Казаков различных «списков» в Кузнецке в этот период официально не зарегистрировано, хотя есть отрывочные данные о наличии в местном гарнизоне казаков «литовского» и «иноземного» «списков»³⁷. Как бы там ни было, документы говорят о том, что в Кузнецке в это время на военной службе находились группы «литвы» и «черкас», а также «кузнецкие татары» — коренное население края.

²⁶ Кузнецкие акты. Вып. I. № 38. С. 137.

²⁷ Газенвинкель К.Б. Книги разрядные... С. 597 (таблица XXII).

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Первое столетие сибирских городов. XVII в. История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, МСМХСХVI. Вып. VII. № 24. С. 71-72.

³¹ Резун Д.Я. «Литва» Кузнецкого острога... С. 38.

³² Ивонин А.Р. Численность и состав городовых казаков Западной Сибири XVIII — первой четверти XIX вв. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 130.

³³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1352. Л. 94-111об.

³⁴ Емельянов Н.Ф. Спорные вопросы истории феодальной Сибири. Курган, 1991. С. 78-79.

³⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 1611. Л. 162-167об.

³⁶ Недбай Ю.Г. История казачества Западной Сибири (1582 — 1808 гг.). (Краткие очерки). В 4-х частях. Омск, 1996. Ч. 3. С. 127.

³⁷ Например: АИ. СПб., 1841. Т. 5. № 67. С. 98,99; РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 999об., 1002об.

После первой «присылки» 1624 г. представителей Польско-Литовского государства в Кузнецк, в течении XVII в. сюда прибыло еще несколько партий «литвы». Как уже было сказано выше, первая присылка «литвы» в Кузнецкий острог произошла в 1624 г. в количестве 3 человек. Следующая была уже в 1642 г. — 6 человек³⁸. А в начале 1660-х гг., по подсчетам Д.Я. Резуна, в составе местного гарнизона числилось уже 35 человек «литвы»³⁹.

С чем связано массовое появление «литвы» здесь именно в 1640-60-х гг. XVII в.? Это было связано, главным образом, с войнами России с Польшей — Смоленской войной 1632-1634 гг. и войной 1654-1667 гг.

А по данным «Разборной книги» Кузнецка 1681 г., в гарнизоне города осталось только 13 бывших подданных Польско-Литовского государства⁴⁰.

С чем было связано резкое сокращение численности «литвы» в кузнецком гарнизоне со второй половины 60-х гг. XVII в.? На этот вопрос лучше ответить на примере кузнецких «детей боярских» — выходцев из «польских городов». Из 13 представителей «литвы», служивших в Кузнецке в 1681г., большинство (9 человек) как раз и были «детьми боярскими». А из этих 9 человек семеро либо сами, либо их родственники попали в плен в ходе русско-польской войны 1654-1667 гг. Родственники же остальных двух «детей боярских» из «литвы» добровольно перешли на русскую службу еще при Михаиле Федоровиче⁴¹. В 1662 г., в ходе русско-польской войны середины XVII в., происходил большой обмен пленными. Польским подданным было разрешено вернуться на родину, чем многие и воспользовались. Но некоторые из них пожелали остаться в России «под высокою царскою рукою».

В чем причина этого странного, на первый взгляд, поступка? Во-первых, здесь следует учитывать сложную обстановку в Польско-Литовском государстве в это время. Это и непростая политическая ситуация, обусловленная освободительной войной украинского и белорусского народов середины XVII в., и крестьянским восстанием 1651 г. в Польше. Да и среди «шляхты» шла постоянная борьба за расширение своих владений. Крупные феодалы разоряли мелких, и последним ничего не оставалось, как искать счастья в военных походах. Это и сложная экономическая обстановка, сложившаяся из-за практически непрекращающихся войн, которые вела Речь Посполитая как на своей территории, так и за ее пределами в течение всего XVII в. Поэтому-то некоторые бывшие подданные Польско-Литовского государства, находившиеся в Кузнецке, среди которых значительную часть составляли представители «шляхты», и не хотели возвращаться на родину. А во-вторых, опять же в 1662 г. вышел царский указ, по которому всей «литве», взятой в плен во время русско-польской войны середины XVII в., «...которые похотят служить в вечном холопстве в котором де городе ему великому Государю и тех людей Великий Государь указал жаловать своим Великого Государя денежным жалованьем и хлебным и соляным в прибавку к прежним окладом»⁴². Интересно, что еще после Смоленской войны, в 1634 г. приказано было «литовских и немецких полоняников», пожелавших остаться «навечно в русском холопстве», наградить повышением жалованья⁴³.

Что касается «черкас», то, как мы уже отмечали, первая их «присылка» в Кузнецк состоялась в 1624 г., следующая — после 30-х гг. XVII в., а именно

³⁸ Резун Д.Я. «Литва» Кузнецкого острога... С. 38.

³⁹ Там же. С. 39.

⁴⁰ Чигрик Г.М. О диалектном и национальном составе... С. 93.

⁴¹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 985-995, 1089.

⁴² Там же. Л. 1000-1000об.

⁴³ Александров В.А. «Войско»... С. 100.

после окончания Смоленской войны 1632-1634 гг., произошла в 1641 г., когда в Кузнецкий острог на службу были присланы 11 «черкас»⁴⁴. Дело в том, что в начале 1640-х гг. за «измены» и «перелеты» в Сибирь были сосланы белгородские, короченские, чугуевские и воронежские «черкасы», которые перешли на «русскую службу» ранее⁴⁵. Некоторые из них попали в Кузнецк.

В Кузнецке в 1681 г., по данным «Разборной книги», служили 22 конных казака — «черкаса». Из них у 9 человек отцы в начале 1640-х гг. были сосланы в Сибирь из Белгорода. Из общего количества кузнецких конных казаков — «черкас», только один был десятником — Иван Тихонов, остальные же являлись рядовыми⁴⁶. Всего же, по подсчетам Г.М. Чигрик, в 1681 г. в кузнецком гарнизоне несли службу 35 служилых людей — «черкас»⁴⁷.

Что касается «кузнецких татар», то всерьез стали подумывать о привлечении их «в службу» в конце 20-х гг. XVII в. В 1627 г., как и тремя годами раньше, вновь встал вопрос о крещении «иноземцев» в православную веру из-за упрямства кузнецкого священника Ивана Иванова. Он отказывался крестить не только «литву», но и «юртовских татар». Вот что говорилось в документе, датированном 1627 г., о последних: «Да Кузнецкова, государь, острогу твои государевы юртовские татарове, которые молодые люди, а русской язык знают и в твою государеву службу пригодятца, и те тотаров в православную крестьянскую веру креститца хотят, и их крестить в Кузнецком остроге некому»⁴⁸.

В местном гарнизоне служилые татары появляются, видимо, не скоро. Одно из первых упоминаний о них относится к 1643 г., когда кузнецкий воевода Деметрий Васильевич Кафтырев направляет для сбора ясака «к керсагальским людям кузнецких служилых людей атамана Петрушку Дорофеева да пятидесятника Куземку Володимерова с товарищи 93 человека да подгородных юртовских татар 15 человек», а также в верховья Кондомы с той же целью «кузнецких служилых людей Шестачка Яковлева с товарищи 20 человек, да татар 3 человека»⁴⁹.

6 февраля 1651 г. состоялось награждение «за их... службы и раденье» Мрасских волостей князца Кунестейки Изерекова «лутчим человеком князцом», а «улусного человека» Карачайки Ишлычакова — «улусным ясаулом»⁵⁰. А уже 15 февраля того же года князец Кунестейка «с товарищи» участвовал в походе кузнецких служилых людей против «саянских киштымов»⁵¹.

А в 1652 г. «городовой татарский толмач» Савинко Микитин был «верстан» в Кузнецке «служилым татаром головою»⁵², что говорит о формировании к этому моменту отдельной группы служилых татар в составе местного гарнизона. В 1662 г. служилых татар в местном гарнизоне было 20 человек⁵³, в 1673 г. —

⁴⁴ Любимова О.А. К вопросу о диалектном составе... С. 108.

⁴⁵ Александров В.А. «Войско»... С. 102.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 1017об.-1084.

⁴⁷ Чигрик Г.М. О диалектном и национальном составе... С. 93.

⁴⁸ Кузнецкие акты... Вып. I. № 33. С. 118.

⁴⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. II. Приложение. № 409. С. 486-487, 487-488.

⁵⁰ АИ. СПб., 1841. Т. 4. № 45. С. 148.

⁵¹ Там же. № 46. С. 148-149.

⁵² РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 996.

⁵³ РГАДА. Ф. 214. Кн. 438. Л. 244-244 об.

29 человек⁵⁴, а в 1681 г. — 21 человек⁵⁵. В 1703 и 1724 гг. в Кузнецке было по 20 служилых татар⁵⁶.

Рассмотрим, как решался т.н. «кадровый вопрос» в Кузнецке во второй половине XVII в. Дело в том, что еще с 1640-х гг., когда подросли дети первых служилых людей Кузнецка, молодежь постепенно начинает вливаться в местный гарнизон, «на выбылые места», либо вместо увечных и умерших своих родственников, либо вместо выбывших по разным причинам других служилых людей. По данным местной «Разборной книги» за 1681 г., наибольшее количество «верстаный» «на выбылые места» личного состава гарнизона того времени приходилось на 50-60-е гг. XVII в.⁵⁷ Но сначала эти «казачьи дети» служили вместе с «прибранными» ссыльными и «гулящими людьми».

С 60-х гг. XVII в. правительство стремилось ограничить и постепенно вообще исключить присутствие в сибирских гарнизонах служилых людей из числа ссыльных и «гулящих». В этой связи не только перестали «верстать» представителей этих категорий, но и постепенно отправляли в отставку уже «верстаных», а вместо них принимали на службу «казачьих детей». Сначала были введены ограничения на посылку «с соболиною казней» в Москву служилых людей из числа ссыльных. Об этом говорит, например, царская грамота кузнецкому воеводе Никите Борисовичу Доможирову от 19 октября 1666 г. По этой грамоте было приказано отправлять в Москву с ясаком из Кузнецка «тамошних жилцов, а не ссыльных людей», т. к. «от присылки многих лишних людей нашей Великого Государя казне чинится убыль бошая»⁵⁸.

В другой царской грамоте Н.Б. Доможирову от 30 ноября 1670 г. сначала говорится примерно о том же: «а которым ссыльным людям, по нашему Великого Государя указу, в Кузнецком велено быть в службе, и тех ссыльных людей к нашим Государевым делам посылать не велеть». Но затем добавляется: «А впред, в Кузнецком, никаких ссыльных людей, без нашего Государева указу, мимо указных чинов не приверстывать, ...а на выбылые места в Кузнецком приверстывать в службу, после умерших и побитых, детей и братью и племянников, а гулящих и иных никого на выбылые места приверстывать не велеть»⁵⁹.

А в царской грамоте другому воеводе Кузнецка — Ивану Ильичу Давыдову от 9 марта 1678 г. приказывается поверстать в пешые казаки казачьего сына Михаила Пузанцова, а Ивана Григорьева, верстанного в «пешую службу» из «гулящих», от службы отставить, т. к. «по нашему великого государя указу и по грамотам, во всех Сибирских городех пришлых тяглых гулящих людей в службу верстать не велено»⁶⁰.

Подводя итог, рассмотрим характерные черты процесса формирования кузнецкого гарнизона в XVII — начале XVIII вв.

С основания Кузнецка весной 1618 г. и до лета 1620 г. в нем вообще не было постоянного гарнизона, сюда из Томска присылались «годовальщики». Видимо, это можно объяснить тем, что Кузнецку сначала отводилась роль пограничного острожка, в котором вообще не должно было быть постоянного гарнизона.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 214. Кн. 590. Л. 557 об.

⁵⁵ РГАДА. Ф. 214. Кн. 717. Л. 396 об.

⁵⁶ Емельянов Н.Ф. Спорные вопросы истории феодальной Сибири... С. 78-79; Недбай Ю.Г. История казачества Западной Сибири... Ч. 3. С. 127.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 214. Кн. 716. Л. 982-1089.

⁵⁸ АИ. Т. 4. № 190. С. 361, 362.

⁵⁹ Там же. № 214. С. 461.

⁶⁰ ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. № 17. С. 53.

В него в этот период даже не присылались воеводы, а руководили «годовальщиками» головы из числа «начальных» служилых людей Томска⁶¹.

Затем планы правительства в отношении Кузнецка меняются и летом 1620 г. в острог прибывают первые воеводы вместе с 30 служилыми людьми из Томска. Так было положено начало постоянному составу местного гарнизона.

С 1624 г. кузнецкий гарнизон начинает пополняться и за счет ссыльных. Первыми из их числа прибывают в острог опальные «черкасы» и «литва». Спустя некоторое время они два раза пытались бежать из Кузнецка. Это произошло на начальном этапе формирования местного гарнизона, и было связано с трудностями прохождения военной службы. Но, несмотря на это, центральные власти до начала 60-х гг. XVII в. время от времени направляли в местный гарнизон «черкас» и «литву», которые, как правило, были военнопленными, хорошо знающими военное дело и для пограничного Кузнецка необходимыми.

Ссылка вообще играла большую роль в пополнении местного гарнизона. Другими источниками пополнения гарнизона были «перевод» и «прибор». Его численность в течение XVII в. росла медленно, крупных «прибавок» не было. Только в 1702 г. из Тюмени перевели 186 стрельцов, которые были «поверстаны» на новом месте преимущественно в пешую службу.

В XVII — начале XVIII вв. основные группы служилых людей Кузнецка составляли конные и пешие казаки. В середине XVII в. в местном гарнизоне сформировалась группа служилых татар. Их было немного, что можно объяснить тем, что город был пограничным, и местная администрация опасалась «шатости» и «измены» с их стороны.

С 40-х гг. XVII в. кузнецкий гарнизон начинает пополняться за счет «казачьих детей». Они верстаются на «выбылые места», вместо увечных и умерших родственников либо вместо выбывших по разным причинам других служилых людей. В 1660–1670-е гг. выходит ряд правительственных постановлений, которые запрещали принимать «на выбылые места» людей ссыльных и «гулящих». Военная служба становится наследственной. Численность гарнизона с этого времени и до конца XVII в. не увеличивается, а даже несколько сокращается. В 20-е гг. XVIII в. Кузнецк утрачивает статус пограничного города. Местное нерегулярное «войско» начинает частично расформировываться, частично переводится на сибирские укрепленные линии, которые в то время начинают сооружаться, а в город прибывают первые регулярные подразделения.

Характерные черты процесса формирования кузнецкого гарнизона в XVII — начале XVIII вв. были обусловлены, главным образом, статусом пограничного города.

ЛИТЕРАТУРА:

- АИ. СПб., 1841. Т. 4.
АИ. СПб., 1841. Т. 5.
Александров В.А. «Войско» — организация сибирских служилых людей XVII в. // История СССР. 1988. № 3. С. 94-113.
Бояршинова З.Я. Ранние страницы истории Кузнецкого города // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новокузнецк, 1971. С. 12-25.
Вилков О.Н. Динамика изменений в сословном и численном составе населения Кузнецка со времени основания до 1870-х гг. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 1999. Выпуск 3. С. 53-67.
Газенвинкель К. Б. Книги разрядные в официальных их списках, как материал для истории Сибири // Известия Общества археологии, истории и этно-

⁶¹ Например: Кузнецкие акты... Вып. I. № 12. С. 50.

графии при Императорском Казанском университете. Казань, 1892. Т. X. Вып. 6. С. 573-597.

ДАИ. СПб., 1862. Т. 8.

Емельянов Н.Ф. Спорные вопросы истории феодальной Сибири. Курган, 1991.

Ивонин А.Р. Численность и состав городских казаков Западной Сибири XVIII — первой четверти XIX вв. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1991. С.115-136.

Каменецкий И.П. Волнения служилых людей в Кузнецком остроге в 20-х гг. XVII в. // Сибирские города XVII — начала XX вв. Новосибирск, 1981. С. 119-129.

Каменецкий И.П. Кузнецк и его торговля в 17 в. // Таможенные книги сибирских городов. Новосибирск, 1999. Вып. 2: Туринск, Кузнецк, Томск. С. 57-66.

Кузнецкие акты XVII — первой половины XVIII вв. Кемерово, 2000. Вып. I.

Лизогуб П.П. О начале формирования кузнецкого гарнизона. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2004. Вып. 6. С. 113-118.

Любимова О.А. К вопросу о диалектном составе первоначальников Кузнецкого уезда в связи с задачами изучения истории формирования русских старожильческих говоров Кузбасса // Краеведение и туризм в Кузбассе. Новокузнецк, 1974. С. 104-111.

Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1.

Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2.

Недбай Ю.Г. История казачества Западной Сибири (1582-1808 гг.). Краткие очерки в 4-х частях. Омск, 1996. Ч. 3.

Первое столетие сибирских городов. XVII в. История Сибири. Первоисточники. Новосибирск, МСМХСХVI. Вып. VII.

Резун Д.Я. «Литва» Кузнецкого острога XVII в. // Казаки Урала и Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 37-45.

РИБ. СПб., 1884. Т. VIII.

Сорокин М.Е. Кузнецк и Кузнецкий уезд в XVII веке // Новокузнецк в прошлом и настоящем. Новокузнецк, 1971. С. 26-33.

Чигрик Г.М. О диалектном и национальном составе жителей Кузнецка XVII в. // Русские говоры в Сибири. Томск, 1979. С. 89-95.

Религиозные верования шорцев

Традиционная духовная культура шорцев имеет свои локальные особенности, связанные с различиями этнокультурных контактов с русскими в XVII — нач. XX вв. и влиянием модернизаций советского периода. К нач. XX в. большинство шорцев стараниями Алтайской духовной миссии были крещены и официально исповедовали православие. Православные календарные обряды вытесняли шаманистские или сочетались с ними, через миссионерские школы распространялись знания русского языка, библии и жития святых, истории России. Однако значительное место в духовной жизни продолжало занимать шаманство и более архаичные культы огня, гор и др. Элементы дохристианских верований сохранились до сих пор, хотя и не играют заметной роли в современной жизни большинства шорцев, подавляющее большинство которых придерживаются безрелигиозного мировоззрения.

Родовые верования. Духи гор, рек, огня, промыслового культа.

Духи гор *таг-эзи* в отличие от охотничьих покровителей шорцев не получили материального воплощения, хотя их образ довольно отчетливо представлен в мифологии шорцев. Обычно они являлись охотникам во сне в образе молодой голыш женщины или девицы с большими грудями, закинутыми за плечи или заложенными под мышкы. Не известны у шорцев также изображения духа огня *от-эзи*, хотя жертвоприношение ему во время похорон и поминок сохранилось до сегодняшнего дня. Этот факт объясняется этнографами глубокой древностью культа, когда изготовление идолов еще не практиковалось¹.

Религиозное наполнение охотничьего промысла у шорцев было настолько обильным, что сам промысел представлялся чем-то священным. По дороге охотники останавливались у подножия гор и «кормили» духа *таг-эзи*, разбрызгивая по кругу жертвенный напиток *абыртку*. Переваливая через хребет, побрасывали собранные пихтовые ветки, обращаясь к горам с просьбой об удачном промысле. Придя на промысловый участок, кропили абырткой охотничий балаган, бросали во время вечерней трапезы кусочки мяса в костер духу огня *от-эзи*. Специально взятый на промысел сказитель-кайчи рассказывал присутствующим и духам сказки, сопровождая свой рассказ игрой на двухструнном музыкальном инструменте *комысе* или дудке из сухого дягиля.

На промысле существовали строгие запреты: нельзя было шуметь, кричать, ругаться, так как звери в тайге понимают человеческую речь. Общаться между собой можно было только знаками, иносказательно называя промысловых животных. Соболя вместо *алба* называли *аскыр*, т.е. красивый, медведя вместо *апишак* — *улуг кижы*, т.е. старый человек² и т.д.

Считалось, что душа промыслового зверя находится в кончике его носа, поэтому последний отрезали и хранили, как амулет. Такими же амулетами служили различные части убитого медведя: коготь или лапа, подвешенные над дверью

¹ Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // СЭ. 1946. №2. С. 159.

² Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. М.; Л., 1936. С. 32-33.

служили оберегом от злых духов *айна*. Бывали случаи, когда на пасеке вешали на кол медвежью голову и поворачивали ее по направлению к чужой пасеке, чтобы пчелы летели туда воровать мед³.

Наряду с почитанием духов-владельцев промысловых зверей, ежегодно, перед большой охотой, устраивались моления и другим духам, способствующим охоте, которых по Мрассу обычно изображали одноголовыми или двухголовыми. Изображения с большой овальной головой с наклепленными на нее кусочками меха и с короткими выступами по бокам вместо рук, считались мужчинами. Они имели длинный прямой и широкий нос, и круглые медные глаза. Второе изображение в виде двух одинаковых по размеру овалов, соединенных короткой и тонкой перемычкой, считалось женским.

На Кондоме почитали духа охоты *шалыг*. Он изображался в виде вырезанных из дерева мужа и жены, причем одна нога мужского изображения делалась короче другой, отчего *шалыг* считался хромым. Хранили изображения духов в холщовом мешке или берестяной коробке в амбаре. Перед промыслом их заносили в дом и оставляли там до возвращения охотников, угощая *аракой* и *талканом*. Там же на Кондоме покровителем охоты считался дух *сарыс*. Его изображения в виде шкурки колонка или небольшой холщовой тряпочки прямоугольной формы вывешивали на сучьях деревьев за улусом и кормили по пути на промысел⁴.

Каларцы осенью перед охотой поклонялись духу *тер-кижи* — человеку переднего угла. Обычно это было изображение человеческого лица из бересты с прикрепленным деревянным носом и глазами из свинцовых бляшек, с приклеенной бородой и усами из беличьего хвоста. Для кормления *тер-кижи* приносили из амбара в дом и помещали в передний угол. Перед ним ставили берестяной двухведерный туес с абырткой и тарелку каши. Кормление сопровождалось камланием и обильной пирушкой.

Духи — покровители домашнего очага. Кроме духов-хозяев и покровителей охотников на земле обитали еще духи предков, являющиеся покровителями домашнего очага. Изображения их делали женщины⁵. Эти антропоморфные «покровители» очага и детей, родоначальницы женщин *орекеннер* или *тер-кижилер* имелись в каждой семье и относились к наиболее древнему культурному пласту. У шорцев существовали различные вариации их материального воплощения, и соответственно имеющие разные названия: *орекеннер*, *ене-кижи*, *тор-кижилер*.

Когда девушка покидала родительский дом, она получала их от своей матери и перевозила в дом мужа. Родовые духи заботились о благополучии семьи, увеличении рода, охраняли здоровье детей, родовой огонь. Если к этим духам относились небрежно, то они посылали болезни, поэтому не реже одного раза в год их угощали салом и маслом. Хранились такие изображения в мешке или берестяной коробке на печи или под крышкой амбара⁶.

Орекеннеры представляли собой упрощенные изображения человека в виде либо тряпичных кукол (холщовых мешочков 15-20 см длиной, набитых куделью, реже волосами, срезанными с головы умершей шаманки), либо в виде полос из кендырной ткани. Чаще всего они были безруки и безноги, иногда без шеи, носа,

³ Потапов Л.П. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Культура и письменность Востока. Баку, 1929. С. 125.

⁴ Иванов С.В. Шорцы // Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л., 1979. С. 19.

⁵ Дыренкова Н.П. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков // Сб. памяти Богораза. М.; Л., 1937. С. 123.

⁶ Каруновская Л.Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сб. МАЭ. Л., 1927. Т. VI. С. 20.

рта, но обязательно с глазами из бисера. Нередко фигурки соединялись попарно — муж и жена⁷ (Рис. 1, 4).

В некоторых шорских родах изображения домашних духов представляли собой упрощенные антропоморфные, сшитые из мешковины фигурки цилиндрической формы, лишенные шеи, а иногда и носа и рта. У некоторых фигурок отмечались груди, олицетворяя духов-женщин. Соединялись «куколки» или попарно, обозначая мужа и жену, или по три и более.

Холщовые и набитые тканью *тор-кижилеры* сходны с *орекеннерами*, но часто имели подобие рук и головных уборов. Вероятнее всего *орекеннеры*, *тор-кижилеры* и *ене-кижи* — различные локальные названия изображений, выполняющих одну и ту же функцию.

К другому типу домашних духов относятся изображения, имеющие деревянную основу, зашитую в лоскут ткани (Рис. 1, 3), поверх которой отмечены бисером или стежками из ниток глаза, нос и рот. На голову повязывался платок или надевалась круглая шапочка, сами фигурки подпоясывались кушаками. Назывались такие изображения также *тор-кижилер*, и при плохом к ним отношении могли нанести вред скоту и отравить воду.

В пантеоне домашних духов покровителей особое место занимало божество *Умай*, *Умай-иче*. Представления о богине *Умай* — покровительнице детей — были широко распространены среди всех тюркоязычных народов Саяно-Алтая и возникли, видимо, в древнетюркскую эпоху. По воззрениям шорцев, *Умай* живет одновременно и в верхнем мире, и на земле рядом с новорожденным ребенком. Со временем культ богине *Умай* опустился на семейно-бытовой уровень и его функции ограничивались, как у других родовых духов⁸.

Мрасские, кондомские и верхнеабаканские шорцы (улус Балыкташ) одновременно почитали добрую покровительницу детей *Умай* и злое божество *Кара-Умай*, с которым связывали болезнь и смерть грудных детей.

Умай, покровительствующая детям, олицетворялась с душой ребенка и входила в шаманский пантеон. Словом «*умай*» именовали душу ребенка с момента рождения примерно до трех лет, также называлась у шорцев пуповина младенца. Ее символическое изображение — оберег в виде лучка со стрелкой, прикрепленной с кусочком заячьей шкурки к куску бересты — прибывалось к стене юрты или над колыбелью ребенка как знак присутствия женского божества⁹. Л.П. Потапов отмечает, что его «делали при первом укладывании ребенка в колыбель (с приглашением шамана) и снимали, когда дети подрастали и уже не пользовались колыбелью. Рядом с этим изображением оставляли на ночь зернышки кедрового ореха для «угощения» и кропили его талканом¹⁰.

У мрасских шорцев известно было другое изображение *Умай* — маленькая берестяная колыбель, выстланная заячьей шкуркой и проткнутая либо стрелой (для мальчика), либо веретеном (для девочки) и прикрепленная к стене юрты. В качестве самого простого оберега могла служить короткая деревянная стрела с железным наконечником, уложенная на дно колыбели ребенка.

В одной из полевых описей этнографом А.В. Анохиным была зарисована матерчатая куколка, названная также *Умай*¹¹. Вещественное изображение злого

⁷ Иванов С.В. Шорцы. С. 11

⁸ Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. С. 291.

⁹ Дыренкова Н.П. Умай в культе турецких племен // Культура и письменность Востока. Баку, 1928. Т. 2. С. 137; Потапов Л.П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 268.

¹⁰ Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. С. 289.

¹¹ Иванов С.В. Шорцы. С. 12, 14.

духа *Кара-Умай* было из глины в виде человеческой фигурки, прикрепленной к деревянной дощечке¹².

Если в семье болели и умирали дети, мать обращалась за помощью к шаману. Он заставлял женщину тайно от всех свернуть из тряпок куклу *пала куду нахах*, т.е. детскую душу маленького ребенка, имитирующую младенца. Это камлание *Умай тытарга* устраивалось тайно глубокой ночью в годовщину смерти последнего ребенка. Предварительно по совету шамана женщина бросала в реку колыбель, чтобы вместе с ней уплыла вниз по течению реки, в царство мертвых, и *Кара-Умай*. Во время камлания женщина держала в руках у груди, словно ребенка, изготовленную куклу. Шаман камлал тихо, хотя и с бубном, осторожно проходя свой путь. Изловив *Умай* какого-нибудь ребенка, кам приносил ее в своем бубне, которым накрывал женщину-мать, заставляя ее в это время пить молоко или араку и ударами в бубен «вбивал» в нее похищенную душу ребенка. При этом ребенок, чья душа была похищена, умирал. Шаман сообщал пол украденного ребенка, у которого была похищена душа, и повелевал сделать к рождению нового дитя оберег: для мальчика — маленький лучок со стрелкой, для девочки — раковинку каури для подвешивания их к колыбели для защиты новорожденного¹³.

Фигурки *Кара-Умай* тщательно прятали от постороннего глаза. Одни их закапывали после удачного камлания в земляной пол юрты неподалеку от того места, где обычно помещалась колыбель с новорожденным. Другие отправляли куклу в маленьком деревянном гробике на плотике вниз по течению реки.

Стойкое сохранение культа этого женского божества у ряда современных тюркоязычных народов Саяно-Алтая и Средней Азии, причем в сходных чертах, доходящих до тождества, говорит о его широком распространении в древнетюркское время.

Комплексные духи. Таежные шорцы изготавливали и почитали изображения духов, одновременно являвшихся покровителями домашнего очага и охотничьего промысла, так как без удачной охоты не мыслилось благополучие семьи. Среди таких изображений Т.И. Кимеевой выделяются несколько типов¹⁴.

У шорцев среднего течения Мрассу и в верховьях Томи почитался *каннатыг* или *канатулар* (крылатый) в виде природной развилки ветки березы с неорнаментированной тряпочкой посередине. К концам развилки или вдоль верхнего края тряпочки крепились птичьи перья. В низовьях Мрассу развилка с холстинкой называлась *Ухут-кан*, в низовьях Кондомы — *Учугат-кан*. Это идол в виде укрепленной между развилки тряпочки покровительствовал как охотничьему промыслу, так и охранял дом от злых сил, обитая в печной трубе.

У шорцев низовьев Кондомы аналогичное *канатулару* изображение носило еще название *сарас/сарыс/колунак*, трактовавшееся как дух охоты. Это был или небольшой лоскут холста, или шкурка колонка, которую вывешивали на матицу на все время охоты хозяина¹⁵. Т.И. Кимеева полагает, что прототипом культового предмета в виде развилки с натянутой холстиной являлась шкурка колонка, которую при принесении бескровной жертвы — кормлении — вешали на втыкаемую в скамейку березовую развилку¹⁶.

¹² Шорцы. Каталог шорских этнографических коллекций музеев России. Духовная культура. Кемерово, 1999. Ч. 5. С. 37.

¹³ Потапов Л.П. Умай — божество древних тюрков... С. 272.

¹⁴ Кимеева Т.И. Орнамент на предметах шорских коллекций // Археолого-этнографический сборник. Кемерово, 2003. С. 17.

¹⁵ Потапов Л.П. Охотничьи поверья... С. 147.

¹⁶ Кимеева Т.И. Орнамент... С. 17.

Охотничьи духи *сарас*, *колунак*, *каннатыг*, *канатулар* имели родовую принадлежность. Их изображения хранили в амбаре или под крышей вместе с другими духами и «угощали» жирной пищей — маслом и кашей без соли. За непочтение «крылатый» мог насылать болезни, мешал охотникам прицеливаться в зверя, мелькая перед глазами¹⁷.

Более поздние по происхождению духи территориально-этнических групп шорцев имели уже антропоморфную форму, почитались целыми группами шорских родов и назывались — *тайгамы*, *шалыги*, *курмуши* и составляли 2-й тип.

По всей долине Мрассу, в верховьях Томи и Абакана шорцы почитали охотничий дух *тайгам*, имевший как одноголовые, так и двухголовые изображения. При этом в обоих случаях пропорции тела изображений были нарушены. Одноголовые *тайгамы* вырезались из дерева и имели антропоморфную форму с овальной головой (Рис. 1, 2). Прямой и широкий нос начинался у верхнего края головы, глаза обозначались обычно вдавленными в древесину медными круглыми пуговицами или пистонами. Вырезался рот с тонкими губами, вокруг которого приклеивались кусочки меха, изображая бороду и усы. У некоторых фигур отмечались ступни и признаки пола. Перед отправкой на охоту приглашенный шаман брызгал на подвешенное к стене ружье абырткой.

Двухголовые деревянные *тайгамы* имели форму двух овалов, соединенных тонкой перемычкой. Верхний овал изображал лицо с намеченными чертами: длинный двухгранный расширяющийся книзу нос, глаза узкие, из проволоки, или круглые, из медных заклепок, рот вырезан в виде углубления. На нижнем овале некоторых фигур обозначен знак пола или ступни ног. У некоторых *тайгамов* из кусочков меха прикреплены усы, брови и борода.

У шорцев среднего течения р. Кондомы охотники перед промыслом камлали *шалыгу*, почитавшемуся как домашний пенат, так и как охотничий дух. Изображение духа вырезалось из кедра или сосны в виде плоской антропоморфной фигуры с овальной головой, глазами из кусочков свинца или меди, рельефно вырезанным ртом и носом, расчлененными ногами разной длины и руками в виде коротких выступов.

По сведениям А.В. Анохина, у кондомских шорцев, живущих близ города Кузнецка, изображение *шалыга* делалось в двух экземплярах: одно считалось женой, другое — мужем, причем с равновеликими ногами, в отличие от жены¹⁸.

К третьему типу относят идолы из бересты в виде человеческого лица с глазами из округлых свинцовых бляшек, деревянным носом, с бородой и усами из беличьего хвоста. Они напоминают берестяные маски *коча*. Такие изображения символизировали духов, сочетающих функции покровителей охоты и домашнего очага. По сведениям Л.П. Потапова, охотники рода Челей устраивали камлание «хозяину двери» — *эжик-еги*, считавшемуся сыном *Ульгения* и хранителем человеческого жилища. Изображение его делали также из бересты. Шорцы рода Калар в прошлом почитали *тор-кижи* — «хозяина переднего угла», изображение которого делали в виде берестяной маски¹⁹.

У шорцев существовали также представления о магической силы амулетов. Таким могла быть прикрепленная к веревке детской колыбели кость животного или медвежья лапа, укрепленная перед входом в юрту²⁰.

Изображения домашних и охотничьих духов чаще всего хранили вместе в укромном уголке в берестяном туесе или просто в мешке. Такие туеса украшали

¹⁷ Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. С. 38.

¹⁸ Анохин. АИАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Дд. 71, 84.

¹⁹ Потапов Л.П. Охотничьи поверья... С. 146.

²⁰ Каруновская Л.Э. Из алтайских верований и обрядов... С. 32.

незатейливым орнаментом: зигзагом из двух параллельных линий, ромбами, выполненными техникой процарапывания.

Таким образом, у шорцев дошаманистские верования представлены предметами домашнего и охотничьего культов, а также наделенными магической силой амулетами.

Шаманизм. Согласно традиционному мировоззрению кузнецких татар-шорцев, мир разделен на три сферы: небесная земля *Ульген-чер* (земля Ульгена) — небо; средняя земля — *орты чер* или *бистын чер* — наша земля; земля злых духов — *айна чер* — подземный мир.

Во владениях высшего божества Ульгена имеется 9 небес. На первом, самом нижнем небе *кошкан* помещается молния *сарыджы* — плеть для бело-сивого коня *Ульгена*, гром — удары этой плетью. В середине первого неба *санчи* живет его хозяин, у которого свой дом, жена, дети. Второе небо называется *кок кур* — синий пояс, где помещается синяя часть радуги *тенгри челизе*. Третье — *кызыл кур* — красный пояс, четвертое — *кыр кур* — серый пояс, пятое — *кектамош кур* — голубой пояс, а шестое — *кызыл тенгри* — красное небо, там живут красные женщины. На седьмом небе находятся луна и звезды, на восьмом — солнце, на девятом живет *Ульген* — доброе верховное божество²¹.

Ульген вместе со своим братом Эрликом, который в мифологии шорцев олицетворял злое начало, сотворили мир и человека. Согласно легенде, Ульген сотворил солнце, луну, звезды, ровную землю и на ней реки. Эрлик, злое божество, поставил на земле горы. Затем Ульген создал птиц и зверей, потом человека, но душу его, как ни старался, создать не мог. Он позвал Эрлика и попросил помочь, на что тот ответил согласием, но поставил условие, что созданная душа будет принадлежать ему, а телом пусть владеет Ульген. Поэтому кузнецкие татары верили тому, что Ульген и Эрлик равны между собой и их власть над человеком одинакова. Счастье, здоровье, богатство — это воля двоих, а не одного существа. Даже очевидное зло: болезни, несчастья — определяются обоими началами²².

Согласно легендам, Эрлик по воле Ульгена был изгнан с поверхности земли в подземный мир, где он властвует. В подчинении Эрика находятся его помощники *айна*. Это злые духи, которые забирают душу человека, чем причиняют ему болезнь и смерть. В нижнем мире находится загробный мир, где обитают души умерших людей *кермесы*, служащие, как и *айна*, Эрлику²³.

Человек обитает на средней земле в соседстве с многочисленными духами — хозяевами мест: тайги, гор, рек, озер. Причем эти духи обычно представляются антропоморфными существами, почти ничем не отличающимися от людей по образу жизни. Наибольшим почитанием у шорцев пользовались духи гор — *таг эзи* и духи воды — *суг эзи*. Эти духи представлялись в образе мужчин-охотников или нагих женщин с длинными распущенными волосами. Водный дух часто виделся в образе рогатого черного человека²⁴.

Таг эзи считался не только хозяином горы, но и хозяином тайги со всеми ее обитателями. Звери и птицы воспринимались как его подданные. Линьку зверей кузнецкие татары считали как бы уплатой дани своему хозяину.

²¹ Хлопина И.Д. Из мифологии и традиционных верований шорцев (по полевым материалам 1927 г.) // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 71.

²² Анохин. АИАЭ. Ф. 11. Оп. 71. Л. 33.

²³ Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск, 1993. С. 118.

²⁴ Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. М.; Л., 1940. С. 438.

Жизнь любого человека, по воззрениям кузнецких татар — шорцев полностью зависела от этих окружающих духов и божеств всех трех миров. Сам человек лишь в немногих случаях непосредственно общался с духами, например, при «кормлении» духа огня, жертвоприношении духам — хозяевам во время промыслов и некоторым домашним духам-покровителям. Чаще же общение с духами и божествами происходило через посредника-шамана, особого избранника среди живущих на земле людей.

К услугам шаманов прибегали очень часто: при болезнях, во время похорон и поминок, перед охотой, при трудных родах, перед сбором урожая и т.д. Кроме того, существовали традиционные родовые моления Ульгеню, в которых обязательно участвовал шаман.

Шаманом, по-шорски — *камом*, мог стать только особый избранник Ульгеня. У такого избранника обычно бывает отметина Ульгеня, так называемая *артак сеок* — лишняя кость: бугорок на пальце руки или ноги, ямка в мочке уха и прочее. Если родители замечали такую особенность у ребенка, то обращались к шаману. Тот узнавал у главного духа-помощника — *таг-эзи* горы Мустаг, будет ли ребенок камом. Если дух подтверждал это, то ребенку с детства внушали, что он будет камом. Если же лишняя кость не обнаруживалась в детстве, то все равно к predetermined Ульгеном времени Эрлик пошлет духов причинить избраннику мучительную шаманскую болезнь, пока не добьются согласия стать шаманом²⁵.

Шаманы по своей силе и возможностям делились на несколько категорий. Сильный всегда имел бубен с изображенными на нем духами-помощниками и колотушку. Слабый шаман *шабынчи* камлал веником, рукавицей, палкой или маленьким охотничьим луком и мог только лечить больных.

Самые сильные шорские шаманы получали бубны от горы Мустаг, другие — от Эрлика или Ульгеня. В обоих случаях существовали специальные обряды посвящения шаманского бубна²⁶.

Вначале будущему каму вырезали колотушку *орба* из черемуховой ветви с развилкой из трех или пяти отростков. Заготовку обтягивали камусом дикой козы или шкуркой белого зайца. В рукоятке колотушки сверлили дырку, продевали в нее ремешок, завязывали его петлей и привязывали полоски цветной материи. Такой колотушкой можно было камлать целый год, затем делали новую.

Шаман получал бубен по указанию Мустага обычно осенью. Если разрешение на бубен давал Эрлик, то он повелевал отправиться к Ульгеню весной. Получив разрешение на изготовление бубна, кам обращался к духу-хозяину, перешедшему к нему от умершего в родне шамана, стараясь выпытать у него сведения о материале, форме бубна, местонахождении дерева, из которого нужно делать обечайку, о рисунках, наносимых на бубен.

Обечайку бубна не менее 12 см шириной гнули из тальника, получая таким образом основу круглой или овальной формы 60-70 см в диаметре, затем стягивали ее двумя тонкими черемуховыми обручами и вставляли березовую рукоятку, украшая последнюю резьбой и симметричными отверстиями различной конфигурации. Рукоятка бубна считалась изображением духа — хозяина бубна. Верхнюю ее часть пронизывала железная тетива *тебир кириш* с навешенными колокольчиками, металлическими полыми трубками, полосками разноцветной ма-

²⁵ Дыренкова Н.П. Получение шаманского дара по воззрению турецких племен // Сб. МАЭ, 1930. Т. XI. С. 97.

²⁶ Потапов Л.П. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая // ТИЭ. 1947. С. 140; Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984. С.134-136.

терии по обеим сторонам от рукоятки. На верхнем крае обечайки привешивали три ножеобразных подвески — «сабли и мечи» шамана²⁷.

Обтягивался бубен кожей самца марала или оленя. Внешняя сторона обтяжки делилась сакральными изображениями на две неравные части. Верхняя, большая часть, олицетворяла небесную сферу — верхний мир, нижняя — подземный мир. Горизонтальный пояс, отделяющий верхнюю часть бубна от нижней — средний мир, земля. В верхней части обтяжки белой или красной краской наносились рисунки: солнце, луна, звезды, радуга, священные березы и тополь, духи-помощники шамана в образе птиц. Ниже изображались люди — пешие, конные, в саях — медведь, лошадь и какое-то многоногое животное. Контур обечайки окаймляет широкая дуга из двух линий, а между ними — геометрические фигуры, зигзаги, косые кресты, поперечные полосы.

В нижней части кожаной обтяжки также изображались деревья и птицы, люди в саях, с луком, пешие, конные, шаман. Также здесь наносились изображения ящеров, змей, лягушек — духов-помощников шамана. Чем больше их было на бубне, тем сильнее считался шаман²⁸ (Рис. 1, 1).

Процесс изготовления бубна длился несколько дней. В течение двух дней готовили детали для бубна, на третий — обечайку обтягивали кожей. Вечером шаман совершал первое камлание и рассказывал духу-хозяину бубна о процессе его изготовления. Затем начиналось «оживление» бубна с оживления дерева, из которого был сделан обод. После этого «оживлялся» марал, чьей кожей был обтянут бубен. По окончании камлания в течение ночи до рассвета все присутствующие мужчины стучали по очереди в бубен.

Утром шаман справлялся у духа-хозяина бубна об изображениях, которые тут же наносились на обтяжку, после чего подвешивались «ножи шамана». В течение дня бубен просыхал, а вечером все, принимавшие участие в его изготовлении, привязывали к перекладине и рукоятке бубна ленточки из материи. Затем шаман вновь камлал, показывая бубен Мустагу или Эрлику²⁹.

В тех случаях, когда разрешение на изготовление бубна давал Эрлик, бубен делал кто-либо из старших дальних родственников под руководством шамана, который обучал своему ремеслу будущего кама. После изготовления бубна шаман вместе со своими родственниками шел к человеку, сделавшему бубен и «сватал» его, так как дух-хозяин становился мифической женой шамана. При сватовстве человек, сделавший бубен, выступал в роли отца духа-хозяйки, роль ее матери поручали тому, кто помогал делать бубен. Они садились на лавку, ставили около себя бубен, привязывали к нему ленты и повязывали на него женский платок. Затем шаман подносил «отцу» хозяйки бубна чашку вина. Когда тот принимал угощение, шаман или один из его родственников хватал бубен и убегал с ним из жилища. «Отец и «мать» разыгрывали сцены ссоры и примирения, заканчивающиеся угощением всех присутствующих аракой.

Дальше начиналась сама «свадьба», и шаман совершал «поездку» к Ульгю. Осмотрев бубен, Ульгень сообщал о сроке, в течение которого можно им пользоваться, указывал, сколько бубнов шаман сменит за свою жизнь³⁰.

²⁷ Прокофьева Е.Д. Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас народов Сибири. М.; Л., 1961. С. 442.

²⁸ Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — нач. XX вв.: Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М.; Л., 1954. С. 666-668.

²⁹ Потапов Л.П. Обряд оживления шаманского бубна... С. 142.

³⁰ Алексеев А.Н. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. С. 135.

В качестве культового атрибута при лечении больных шаман использовал и посох — черемуховую палку длиной 70 см с орнаментально срезанной корой в виде спиральных и прямых линий по всей длине. На одном из концов посоха на кендырной нити подвешивался скрученный кусок бересты.

Судя по фотографиям Г.И. Иванова, Н.П. Дыренковой, Л.П. Потапова, специальной ритуальной одежды у шорских шаманов не было, камлали они в довольно заношенной рубаше и штанах, иногда босиком, но на голову обязательно и женщины и мужчины повязывали платок.

Ежегодно для благополучия сородичей устраивались родовые моления Ульгению — обряд *таелга*. Камлать ему можно было только весной, летом и осенью, так как в зимнее время между человеком и Ульгением нет общения, их разделяют слои льда, покрывающий небо. Жертвоприношение зимой допускалось лишь в тех случаях, если на это соглашался кам, который обычно вооружался молотком и им пробивал в небе лед³¹. Камлание Ульгению заключалось в жертвоприношении сородичами (исключительно мужчинами) жеребца особой для каждого из родов масти.

Место для камлания выбирал сам кам — обычно на поляне около березы. С западной стороны от нее вкапывали столб, рядом ставили в ряд принесенные с собой *куспаки* с *абырткой*. Невдалеке сооружали конический шалаш — *одаг* со свежей березкой в центре, вершина которой с зелеными листьями возвышалась над конусом. Сучья на березке внутри шалаша обрубались, а на стволе делались 9 зарубок — ступеней, по которым шаман во время камлания проникал на небеса к Ульгению. Рядом с одагом разводили небольшой костер, а внутрь его складывали остатки трапезы — кости и туеса с недопитой аракой. Считалось, что кости в будущем воплотятся в другого жертвенного жеребца — сына Ульгения, а напитки пригодятся *таг эзи*.

Снаружи перед входом в юрту, обращенным на восток, сооружался небольшой символический пригон для жертвенной лошади белой масти. Во время обряда на спину лошади ставили чашку и вели ее к пригону. Если чашка падала со спины вверх дном — значит, лошадь в жертву не годилась. Использование выпукло-вогнутых предметов для гадания (выяснения о принятии жертвы в данном случае) характерно для шаманистских народов Сибири. Такие предметы семантически связаны с бинарными понятиями «да — нет» и выражены в логических оппозициях «верх — низ», «правая сторона — левая сторона» и т.д. Несмотря на различие форм колотушки у народов Притомья, общим для них является противопоставление, зафиксированное в ее выпукло-вогнутой форме или качественном различии ее сторон, если она сделана из березовой развилки.

В начале камлания шаман садился и рассказывал о следах зверей, которых он видел по дороге к Ульгению, значит, их будет много зимой; о местах, в которых он встречал животных, значит, охота там будет удачной. Путь кама проходил через Золотое (Телецкое) озеро. По пути задерживался у хозяев гор на Мрассу возле улусов Кабырза, Адыр, Кичик, Челей, заходил к хозяину огня *от эзи*. В это время один из присутствующих брал палку, расщепленную на одном конце, со вставленной в расщеп берестой, зажигал бересту от костра и подходил к каму. Тот высоко поднимал бубен и подбрасывал его вверх, это значило, что он начинает подниматься к Ульгению. Один из сородичей трижды окуривал факелом бубен, при этом заклиная: «Алас, алас». Все присутствующие повторяли за ним те же слова³².

³¹ Анохин. АИАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 72. Л. 76.

³² Хлопина И.Д. Из мифологии и традиционных верований... С. 86-87.

Затем привязывали к ногам жеребца веревки и растягивая их, выворачивая тем самым жеребцу суставы до тех пор, пока он не погибал от боли. Потом тушу раздвигали, оставляя в шкуре череп и голени, при этом стараясь не разлить ни капли крови на землю, не ломать и не резать кости. Мясо варили в больших казанах, затем выкладывали в деревянные блюда и не спеша съедали.

Пока мясо варилось, рядом с березкой втыкался в землю большой кол с развилкой. В нее вставляли длинный шест *тукеле*, на конце которого укрепляли шкуру жертвенного жеребца и оставляли здесь до следующего камлания. Под свисающей шкурой устраивали деревянный сруб из 2-3 венцов на четырех столбах — жертвенник *тастак*.

Жердь укладывалась в развилку столба так, чтобы голова лошадиной шкуры была обращена на В, если жертва предназначалась Ульгеню, на З — Эрлику. Противоположный конец жерди закреплялся на земле.

По описанию А.В. Анохина жердь *тукеле* у соседей шорцев — телеутов укреплялась на столбе, вкопанном в центр тастака³³. Для телеутов в отличие от шорцев характерно сидячее положение жертвы на тастаке. Для хозяйства таежных шорцев обряд *тайелга* с принесением в жертву лошади наряду с занятием коневодством является, вероятнее всего, заимствованием от соседей-скотоводов.

Во время камлания присутствующие члены рода вырезали из бересты маску с двумя отверстиями для глаз и завязками из конского волоса. Потом из ствола тонкой березы выстругивали палку длиной около 60 см, изображающую фаллос жеребца. В то время, когда кам упоминал о следах соболя, присутствующие по очереди надевали на лицо маску с двумя отверстиями для глаз и садились верхом на палку, бегали друг за другом, вырывая маску — разыгрывали магическое действо — *кочиган*, направленное на увеличение плодородия соболей³⁴.

Другое родовое моление *шачил* было связано с почитанием березы. Совершался этот обряд летом в Николин день или на Троицу. Рано утром два «выборных» обходили с туесами дома, собирая в них абыртку и отправлялись вместе с толпой сородичей на возвышенное место за улусом. Там около священной березы ставили туеса различной величины, наполненные абырткой. К сучьям березы подвешивали принесенные с собой ленточки, шкурки белок, бурундуков, крылья глухаря, рябчика, предварительно сделав три кивка головой. Старейший из рода становился против березы и туесов и обращался к духам гор. При произнесении имени того или иного духа присутствовавшие на обряде кланялись и брызгали абырткой на березу и вокруг нее. Затем устраивалась борьба, после которой перед уходом гадали на чашках, подбрасывая их вверх. Если чашка падала вверх дном — год обещает быть тяжелым, снизу — хорошим³⁵.

Согласно религиозному мировоззрению рассматриваемых народов вселенная делилась на три мира — небо, землю и подземный мир, населенные мифическими животными, птицами, божествами в человеческом облике. Значительная часть мифов о сотворении земли и неба, всей земной природы *Ульгеном* совместно с властелином подземного мира *Эрликом* записаны у шорцев и телеутов. Небо, состоящее из девяти слоев, считалось землей *Ульгена/Ульгения*, живущего на самом верхнем слое. Остальные небесные слои также были обитаемы, но сведения о заселяющих их духах, полученные исследователями от разных шаманов, весьма

³³ Вербицкий В.И. Указ. соч., 1893. С. 62-70; Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVII — первой четверти XX вв. М., 1993. С. 219.

³⁴ Хлопина И.Д. Из мифологии и традиционных верований... С. 88; Zelenin D.K. Ein Erotischer Ritus in den Opferungen der altaischer Tuerken. Leiden, 1928. Bd. 29. № 416. S. 83.

³⁵ Анохин. АИАЭ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 41. ЛЛ. 69-72.

противоречивы. У различных родоплеменных групп признание Эрлика как главного божества подземного мира неоднозначно, его почитание в культовой практике шаманов не канонизировано, допускались ритуальные варианты и особенности при камлании с жертвоприношением. Эти факты, как и неодинаковые представления у разных шаманов о количестве сыновей и дочерей Ульгения и Эрлика являются свидетельством того, что формирование представлений о главном божестве здесь не было закончено³⁶.

Посредниками между частью сверхъестественных существ и людьми считались шаманы, или камы. Главным считался признак «шаманской болезни» (эпилепсия), во время которого избранника «пересотворяли» духи, разрезая его тело в особом котле, долго и внимательно пересматривая его кости. Если одной кости не хватало, несостоявшегося избранника в шаманы ждала смерть, если же находилась лишняя кость, то он становился шаманом. Новоявленные шаманы обоего пола у шорцев являлись преемниками умерших шамана или шаманки по линии отца или матери³⁷.

Общаться с духами шаману можно было со специальными, наделенными особыми свойствами индивидуальными культовыми атрибутами. Среди них важное место занимали колотушка и бубен.

Сначала с разрешения главного духа хозяина родовой горы шорский избранник в шаманы изготавливал колотушку из выструганной березовой или черемуховой развилки, обматывал ее тряпкой и обтягивал белой шкуркой зайца или камусом с ног марала. К одному концу колотушки привязывались разноцветные ленты, к другому приделывалась кожаная петля для надевания на руку, так как во время камлания колотушку нельзя ронять, иначе все духи разлетятся. Внешний вид колотушки, по всей вероятности, зависел от ремесленных навыков шамана. В музейных коллекциях встречаются экземпляры, украшенные медными пластинами и железными кольцами.

Некоторые шаманы были обречены камлать с колотушкой несколько лет и даже всю жизнь, у шорцев они назывались *шабынчи* и могли изгнать только небольшого злого духа — *айну* и лечить некоторые болезни³⁸. Кроме колотушки, слабые шаманы у шорцев камлали с рукавицей, с шапкой, со старым луком *алар*, с веником.

Вероятно, участь камлания без бубна постигала шаманов, не оправдавших доверия духов и не получивших указаний на обзаведение бубном. Шорцам такое указание приходило от духа родовой горы, у телеутов — от «пересотворивших» шамана духов.

После изготовления колотушки хозяин родовой горы шорцев (Мустаг) во время камлания по разрешению Ульгения назначал шаману срок изготовления бубна, извещая о том, кто будет делать ту или иную его часть, где и из какого дерева должен быть сделан бубен. Он же сообщал ему о наступлении срока изготовления первого бубна, о его внешнем виде и о том, сколько раз нужно будет его сменить. Бубну придавалось особое значение, у шорцев даже жизнь шамана исчислялась количеством бубнов, отпущенным ему духом-покровителем (обычно от трех до девяти): когда их могущество иссякало, шаман умирал³⁹.

Шаманский бубен у народов Саяно-Алтая имеет два названия. Л.П. Потапов наиболее распространенным считает *тунгур* или *туур* — мон-

³⁶ Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. С. 245-260.

³⁷ Дыренкова Н.П. Материалы по шаманству у телеутов // Сб. МАЭ. Л, 1949. Т. 10. С. 109.

³⁸ Хлопина И.Д. Из мифологии и традиционных верований... С. 79.

³⁹ Потапов Л.П. Культ гор на Алтае. С. 155.

гольского происхождения. Другой термин — *чалу* — встречается реже и относится к тюркской лексике. Шаманский бубен у шорцев имеет только одно название — *туур*, в отличие от телеутов, употреблявших и термин *чалу*, а во время камлания телеутский шаман иногда называл бубен *ак адан* — т.е. священный верблюд⁴⁰. После «оживления» бубен становился сакральным атрибутом шамана, и никто не имел права к нему прикасаться. В отличие от шорцев, телеутские шаманы не «оживляли» бубен, объясняя это тем, что рукоять его изготавливалась непременно из «живой березы», следовательно она и так живая.

Первое камлание с новым бубном у шорцев — камлание кама Ульгеню. Это многочасовое представление было строго родовым и имело цель испросить благополучие всему роду с обязательным жертвоприношением коня. Ульгень сообщал каму, сколько раз он может менять бубны и через сколько лет. Телеутский же шаман первое камлание посвящал хозяину бубна — *Мар ээзи/Чалу ээзи*, во время которого он посещал и других духов, живущих по пути к нему.

У шорцев существовало специальное шаманское камлание для испрашивания плодородия — *Коча-кан*. Обряд *кочаган*, связанный с этим духом, совершался шорцами сеока Калар, телеутских родов Челей и Тонгул. *Коча-кан* являлся эротической стороной и сопровождением обряда *тайелга* с жертвоприношением лошади. У шорцев осенью совершался другой обряд *позо кочазы* — брага Кочо, при котором из свежесобранного ячменя выкуривали самогон, распиваемый в течение 2-3 дней, при этом устраивая жертвоприношение, сопровождаемое эротическим обрядом *пактыган*⁴¹.

Для обрядов, связанных с мифическим божеством *Коча* из куса бересты вырезали антропоморфную маску с прорезями для глаз, рта и носа, последний мог быть заменен пришитым конопляными нитками кусочком бересты. Иногда также пришивались брови, усы и борода из кусочков меха или конских волос. Из тонкого ствола березы вырезали палку длиной около 60 см, изображающую фаллос жеребца. При обряде *тайелга* *Коча-кан* встречает шамана при жертвоприношении лошади Ульгеню на первой небесной сфере и стремится не пустить его дальше. Он задерживает шамана и просит поиграть с ним. Шаман, стараясь отвлечься от него, подносит ему жертвенной браги и сбрасывает *Коча-кана* на одного из присутствующих при обряде мужчин, в которого тот и вселяется. Избранный таким образом участник обряда надевает на себя маску, берет в руки деревянный фаллос и ведет себя как «жеребец во время гона». Существовал у шорцев обряд с участием *Коча-кана*, направленный на увеличение плодородия соболей, находившихся, по представлениям шорцев, в ведении Ульгения. Во время камлания шаман говорил о якобы видимых им следах соболя, присутствующие по очереди надевали на лицо маску, вставляли палку между ног и с громким криком скакали, стараясь вырвать друг у друга палку и маску. Воображаемый конь помогал донести просьбы до божества.

В музейных коллекциях зафиксирован посох шамана, используемый для лечения болезней — черемуховая палка длиной от 60 см с орнаментом в виде спиральных и прямых линий по всей длине. На одном из его концов на кендырной нити подвешивался скрученный кусок бересты. Одним из шаманских атрибутов являлся игольник с нашитыми раковинами каури.

Шорские камы не пользовались сложным ритуальным костюмом. По сообщениям С.Е. Малова одеждой служил повседневный халат *шабыр* из кендыря и

⁴⁰ Потапов Л.П. Бубен телеутской шаманки и его рисунки // Сб. МАЭ. М.; Л., 1949. С. 192.

⁴¹ Сатлаев Ф.А. Кочо-кан — старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев // Сб. МАЭ. Л., 1971. Т. XXVII. С. 130-131.

сшитая из такого же холста шапочка с перьями из хвоста филина. За отсутствием шапочки на голову повязывали женский платок, придерживающий названные перья⁴². В середине XX в. у шорцев зафиксирована шаманская шапка с пучком кудели вместо птичьих перьев. В музейных коллекциях атрибутов ритуального костюма шорцев не сохранилось.

Рисунки на поверхность бубна наносились природными красками: красную готовили из охры разных оттенков, для белой толкли мел. В начале нашего века стали применять черную краску, сделанную из пороха, или (реже) масляные. У шорцев на поверхность бубна рисунки наносились косточкой рябчика. Некоторые «художники» рисовали, предварительно не разводя приготовленный из камня порошок, а смачивая палец слюной, обмакивая его в порошок и нанося рисунок на поверхность бубна. Разведенная краска хранилась в специальной шаманской корзинке. Рисунки изображали вселенную с небесными светилами, животными, духами верхнего и нижнего миров, личными духами шамана.

На каждом бубне кроме основных выполнялись индивидуальные рисунки, отражающие могущество шамана. Наличие определенных сюжетов и образов свидетельствовало о праве владельца бубна камлать Ульгеню, возможности при камлании спускаться в подземный мир. Изображение некоторых представителей фауны означало, что шаман с их помощью мог исцелять определенные болезни. Изображения щук (рыб) воплощали в себе водяного духа и вызывали болезнь у людей, не почитающих их, а также помогали лечить болезни живота и водянку. Лечебно-магическая практика камов не была однозначной, каждый из них врачевал по-своему, опираясь на связь с духами, под воздействием которых на его бубне появились те или иные изображения⁴³.

У шорцев существовало несколько понятий, которые на русский язык переводятся как «душа»: *тын*, *кут*, *сюне*, *узют*.

Тын — жизненность, происходит от *тынын* — дышу. Это такое духовное свойство, которое не только присуще человеку с самого его рождения, но и животным, птицам, растениям, камням. Тын исчезает, когда айна украдет душу кут.

Кут — это жизненная сила человека, его зародыш, ниспосланный Ульгеном, воплощается в утробе матери в красного червяка. Дает начало бытию человека, остается с ним жить и расти. По другим представлениям душу кут создал Эрлик и поэтому она — собственность последнего. Олицетворяя здоровье человека, душа постоянно подвергается опасности быть украденной одним из помощников Эрлика. Кут способна отделиться от человека во время сна, обморока или при сильном испуге. Отделившись, душа тут же становится добычей злых духов айна или кермеса, в результате человек заболел. Возвратить кут мог только шаман. Если же тому это не удавалось, наступала физическая смерть человека⁴⁴.

Причиной смерти была алчность Эрлика или приговор суда, совершаемого сообща Эрликом и Ульгеном. Смерть, причиненная жадностью Эрлика, считается неестественной, преждевременной, от нее есть возможность избавиться приношением жертв. Смерть же, вынесенная в приговоре суда Эрлика и Ульгена, predetermined и считается неизбежной.

⁴² Малов С.Е. Несколько слов о шаманстве у турецкого населения Кузнецкого уезда Томской губернии // Живая старина. СПб., 1909. Вып. 2-3. С. 39

⁴³ Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1924. С. 59-60; Потапов Л.П. Указ. соч., 1991. С. 268.

⁴⁴ Кимеев В.М. Традиционные черты погребального обряда шорцев бассейна Мрас-су // Молодые ученые Кузбасса в X пятилетке. Кемерово, 1981. С. 151.; Анохин А.В. Душа и ее свойства по представлению телеутов // Сб. МАЭ. Л., 1929. Т. VIII. С. 254.

Сюне как духовная субстанция появляется уже после физической смерти человека. Отделяясь от тела умершего, сюне блуждает по тем местам, к которым привыкла еще при жизни человека. Она издает вопли, слышимые живыми. Для ублажения ее в изголовье покойника ставили угощение. Сюне изгоняется из дома камланием на седьмой день после смерти, после чего она превращается в другую субстанцию *узют*, в течении года после смерти вплоть до последних поминок существующую возле живых родственников.

Узют — это не только душа умершего, но и название злого духа вообще. В течение года она приходит к жилищу своих бывших сородичей, сообщая о своем присутствии порывом ветра, вихрем, стуком. Если она добьется своей цели и проникнет в человека, то он сразу же заболит. Провожают узют в мир мертвых дважды: на 40-ой день и через год после смерти во время поминок.

Религиозный синкретизм. В конце XIX — начале XX вв. у шорцев сформировалась причудливая картина религиозного синкретизма. Еще не утратили своего значения шорские *орекенеры*, *тор-кижилеры*, *ене-кижи*, характеризующие глубинный пласт представлений народа, истоки которого уходят глубоко в эпоху родового строя и связанных с ним видов и форм изобразительной деятельности древнего человека.

Из-за несостоятельности сибирского миссионерства правительство и Святейший Синод указами от 1789 и 1799 гг. упразднили должности миссионеров в Сибири. Только в 1826-1827 гг. в Тобольской епархии была учреждена Алтайская духовная миссия, возглавляемая отцом Макарием. Фактически днем основания миссии можно считать 29 августа 1830 г., когда отец Макарий с двумя семинаристами прибыли в г. Бийск для «просвещения верою Христовой» алтайцев Бийского округа. Однако «кочевые инородцы» проживали не только на территории Бийского, но и соседнего — Кузнецкого, на который с 1831 г. начальником Тобольской епархии разрешалось распространить деятельность миссии. В 1832 г. отец Макарий добился принятия правительством закона о льготах для новокрещенных — освобождения от уплаты ясака и прочих повинностей сроком на три года. Недовольные этим некрещенные старосты «инородческих» волостей «чинили притеснения», самочинно устанавливали дополнительные повинности. Достаточно было незначительного повода — плохой погоды, хвори или падежа скота — чтобы под влиянием озлобленных паштыков и шаманов «правила и благочестивые обычаи христианские забывались, а суеверные понятия и привычки язычества опять возобновлялись». Чтобы оградить своих «духовных детей» от произвола паштыков и зайсанов, миссионер старался поселить новокрещенных вблизи станов миссии, в селениях Улала, Муйту, Чемал, а затем в Кузедеево, Челухоевский и Усть-Анзас. В каждом из них на средства миссии были выстроены церковь и миссионерские школы, что оградило крещенных от влияния язычников и соблазна участия в шаманских обрядах⁴⁵.

К началу XX в. большинство шорцев официально исповедовали православие. Заслуга в этом принадлежит протоиерею Алтайской духовной миссии Василию Ивановичу Вербицкому и его ученикам — выходцам из аборигенов: Иоанну Штыгашеву, Тимофею Каншину, Гавриилу Оттыгашеву, Павлу Кадымаеву и др.

Деятельность отца Василия началась с того, что в морозный день 13 декабря 1858 г. он переселился из казачьей станицы Калтан в шорский улус Кузедеевский. Там через год русскими плотниками была срублена небольшая церковь в честь Пророка Предтечи и Крестителя Господня Иоанна и миссионерская школа для детей инородцев. Постепенно Кузедеевский стан миссии распространил свое

⁴⁵ Ерошов В.В. Кимеев В.М. Тропою миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово, 1995. С. 7-10.

влияние на всю Кузнецкую тайгу. К 1885 г. общее количество крещеных уже составило 14062 человек. Вслед за Кузнецким станом стараниями учеников Вербицкого были открыты православные церкви в селе Кондомское (1894 г.), улусах Усть-Анзас (1880 г.), Очаевском (1890 г.), Матур (1905 г.).

Методы распространения христианства были самые различные — от прямого принуждения до введения различных льгот для новокрещеных: бесплатная раздача хлеба, трехлетнее освобождение от всех налогов, возможность стать паштыком⁴⁶. Крещение проводилось как в самой церкви, так и за ее пределами — на берегах местных рек во время ежегодных миссионерских поездок. Миссионеры распространяли передовые методы ведения хозяйства (пчеловодства, земледелия), здоровый образ жизни и новые средства врачевания, защищали шорцев от произвола царских чиновников, боролись против пьянства, невежества шаманов.

Самым главным итогом их деятельности было широкое распространение грамотности через миссионерские школы с библиотеками и появление первых шорских просветителей и интеллигенции из числа воспитанников этих школ⁴⁷. В числе таких были: шорец-миссионер Матурского стана, автор первого шорского букваря и литературного произведения на русском языке Иоанн Оттыгашев. Выпускники катехизаторского училища братья Яков и Федор Тельгеревы стали первыми руководителями Горно-Шорского национального района, а последний также создателем первого школьного учебника⁴⁸.

Василий Вербицкий со своими учениками старался использовать в первую очередь практическую сторону православия — ее культовые обряды, переплетающиеся с бытом, социальными потребностями, привлекающие своей психологической и эстетической стороной. Сущность христианства для большинства новокрещеных оставалась непонятной. Так, например, главным богом у шорцев считался не Христос, а Никола Угодник, так как в Кузнецкой церкви хранились святыни Николая Чудотворца. Христианство, сливаясь с традиционными представлениями шорцев, создавало причудливую картину религиозного синкретизма. Так, в мифологию шорцев вошли персонажи и сюжеты из библейских сказаний — Адам, Ноев ковчег и т.д. У новокрещеных появились христианские атрибуты: нательные кресты, иконы как в домах, так и перед улу-сами на деревьях, надмогильные кресты. Однако миссионерам так и не удалось полностью искоренить шаманские обряды и верования. Вплоть до коллективизации шаманы продолжали играть большую роль в общественной жизни, особенно у мрасских шорцев. Одновременно с шаманством сосуществовали прежние дошаманистские родовые промысловые и домашние культы⁴⁹.

По настоящее время у шорцев так и не сложилось цельной традиционной религиозно-мифологической системы. Религиозные верования представляют синкретический комплекс, состоящий из остатков дошаманистских культов, православного христианства и пережитков марксистско-ленинской идеологии. Кроме остаточных элементов православия и шаманизма с 1993 г. активно стали внедряться другие конфессии, как например евангелисты-баптисты. Причем носителей безрелигиозного сознания нельзя назвать атеистами из-за недостаточного образовательного уровня и владения элементарными постулатами атеизма. Однако вряд ли возможно полное возрождение православия у местных жителей, особенно у молодого

⁴⁶ Вербицкий В. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской миссии за 1862 год // Православное обозрение. 1863. №2. С. 149.

⁴⁷ Кацюба Д.В. Алтайская духовная миссия: Вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998. С. 58.

⁴⁸ Чудояков А.И. Культурные корни // Огни Кузбасса. 1988. № 1. С. 8.

⁴⁹ Вербицкий В.И. Записки миссионера... С. 143-161.

поколения. Для большинства как сельских, так и городских шорцев характерен религиозный нигилизм. Попытки внедрения неошаманизма со стороны шорской и хакасской национально-политической элиты пока не находят поддержки даже у старшего поколения как в городе, так и по поселкам.

Религиозный синкретизм наиболее выражено прослеживается в отдаленных таежных улусах Горной Шории (как Усть-Анзас, Челису-Анзас) в погребальном и поминальном обрядах, которыми обычно руководят представители старшего поколения. Даже после закрытия и разрушения церкви в местах бывших станов сохранилась тяга к крещению и отмечанию церковных праздников. Почти в каждом доме в углу висят иконы, стоят свечи или пучки вербы. Шорцы всех поколений постоянно носят нательные кресты, полученные при крещении. В то же время здесь сохранились представления о душах умершего, отрывочные представления о духах гор, воды, огня и т.д., что проявляется в обычаях кормления духов этих объектов природы.

В начале XX в. в сознании шорцев настолько переплелись религиозные верования разного порядка, что это создало причудливую картину религиозного синкретизма. Так, В.В. Радлову довелось записать в верховьях Мрассу: «На небе живет Бог — *Кудай* (распространенное у всех восточных татарских племен персидское название Бога), который создал землю. Зовут его Муколы (испорченное русское Николай, которого русские зовут Чудотворцем). Но под землей живет злой, его зовут Айна. Когда человек умрет, Айна пожирает его душу»⁵⁰.

Принявшие через русских христианство шорцы приурочили ряд традиционных языческих праздников с характерными для них обрядами к праздникам православным. Одним из атрибутов костюма участников рождественских ряжений были берестяные маски, подобные маскам *коча* или *чертей*. Одна из фотографий начала XX в. запечатлела участника обряда в берестяной маске на лице и в вывернутой наизнанку — наверх мехом — шубе. Точно так же, как это делали русские при колядовании.

Весенний праздник испрашивания плодородия гармонично сочетался у шорцев с православной Троицей — одной из центральных фигур которой являлась традиционно почитаемая язычниками берега.

Христианство переосмысливалось шорцами через призму его восприятия русскими, которые до переселения в Сибирь приурочили ряд своих языческих праздников к христианским. Усть-Анзасскими шорцами, например, живущими на богатой в прежние времена рыбой реке Мрассу, очень почитаем Петров день, как и у северорусских рыбаков, которые считали апостола Петра покровителем рыбаков. По свидетельству В.В. Радлова, шорцы христианами были лишь по названию, а «...о христианской вере им было известно лишь то, что надо креститься, осенять себя крестным знамением, а когда приезжает к ним священник, он дает им всегда причастие *кызыл аракы* — красную водку»⁵¹.

К началу XX в. духи-покровители отдельных шорских родов отходили на второй план, уступая место новым общеэтническим божествам. Процесс превращения родоплеменного шаманизма в классовую религию еще не был завершен. К тому же у шорцев под влиянием христианства эволюция шаманизма прекратилась, а шаманистские представления стали переплетаться с поверьями, характерными для православных христиан⁵².

Влияние православия на быт кузнецких татар благотворно сказывалось на развитии их хозяйства и быта. Миссионерами в своих отчетах отмечалось, что

⁵⁰ Радлов А.В. Из Сибири. М., 1989. С. 204.

⁵¹ Там же. С. 203.

⁵² Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. С. 24-25.

аборигены, живущие в ближних к миссионерскому стану улусах, кроме традиционного ячменя начинают сеять пшеницу и рожь и в больших размерах, чем жители отдаленных улусов. «Но не в одном этом, а и в других частях домохозяйства они опередили верховых инородцев, на которых, вследствие отдаленности их и неудобства путей сообщения, миссионер и школа не могут иметь такого влияния, как на живущих вблизи»⁵³.

Распространение христианства у шорцев сливалось с традиционными религиозными представлениями, наслаивалось на них и создавало причудливую картину религиозного синкретизма. В одном доме с иконами сохранялись изображения охотничьих и домашних духов, к которым мог запросто обращаться за помощью крещеный инородец.

ЛИТЕРАТУРА:

Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984. 232 с.

Анохин А.В. Материалы по шаманству у Алтайцев. Л., 1924. 152 с.

Анохин А.В. Душа и ее свойства по представлению телеутов // Сб. МАЭ. Л., 1929. Т. VIII. С. 253-269.

Вербицкий В. Записки миссионера Кузнецкого отделения Алтайской миссии за 1862 год // Православное обозрение. 1863. №2. С. 143-161.

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. Горно-Алтайск, 1993. 221 с.

Дыренкова Н.П. Умай в культе турецких племен // Культура и письменность Востока. Баку, 1928. Т. 2. С. 134-139.

Дыренкова Н.П. Получение шаманского дара по воззрению турецких племен // Сб. МАЭ, 1930. Т. XI.

Дыренкова Н.П. Пережитки идеологии материнского рода у алтайских тюрков // Памяти В.Г. Богораза. М.; Л., 1937. С. 123-145.

Дыренкова Н.П. Шорский фольклор. М.; Л., 1940. 446 с.

Дыренкова Н.П. Материалы по шаманству у телеутов // Сб. МАЭ. 1949. Т. 10. С. 108-190.

Ерошов В.В., Кимеев В.М. Тропой миссионеров. Алтайская духовная миссия в Кузнецком крае. Кемерово, 1995. 132 с.

Иванов С.В. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX вв.: Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. М.; Л., 1954. 838 с.

Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. Л., 1979. 194 с.

Каншин Т. Из записок мрасского миссионера Алтайской миссии // Шорский сб. Кемерово, 1994. Вып. 1. С. 27-31.

Каруновская Л.Э. Из алтайских верований и обрядов, связанных с ребенком // Сб. МАЭ. Л., 1927. Т. VI. С. 19-36.

Кацюба Д.В. Алтайская духовная миссия: Вопросы истории, просвещения, культуры и благотворительности. Кемерово, 1998. 156 с.

Кимеев В.М. Традиционные черты погребального обряда шорцев бассейна Мрассу // Молодые ученые и специалисты Кузбасса в X пятилетке. Кемерово, 1981. С. 150-155.

Кимеев В.М. Шорцы. Кто они? Кемерово, 1989. 189 с.

Кимеева Т.И. Орнамент на предметах из шорских коллекций // Археолого-этнографический сборник. Кемерово, 2003. С. 158-167.

⁵³ Каншин Т. Из записок мрасского миссионера Алтайской миссии // Шорский сборник. Кемерово, 1994. Вып.1. С. 30.

Малов С.Е. Несколько слов о шаманстве у турецкого населения Кузнецкого уезда Томской губернии // Живая старина. СПб, 1909. Вып. 2-3. С. 38-41.

Потапов Л.П. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков // Культура и письменность Востока. Баку, 1929. Кн. 5. С. 123-149.

Потапов Л.П. Очерки по истории Шории. М.; Л., 1936. 260 с.

Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // СЭ. 1946. №2. С. 145-160.

Потапов Л.П. Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая // ТИЭ. 1947. Т. 1. С. 139-183.

Потапов Л.П. Бубен телеутской шаманки и его рисунки // Сб. МАЭ. М.; Л., 1949. Т. X. С. 191-201.

Потапов Л.П. Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник, 1972. М., 1973. С. 265-286.

Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. 320 с.

Прокофьева Е.Д. Шаманские бубны // Историко-этнографический атлас народов Сибири. М.; Л., 1961. С. 435-492.

Радлов В.В. Из Сибири. М., 1989. 749 с.

Сатлаев Ф.А. Коча-кан — старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев // Сб. МАЭ. Л., 1971. Т. XXVII. С. 130-141.

Функ Д.А. Бачатские телеуты в XVII — первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. Москва, 1993. 325 с.

Хлопина И.Д. Из мифологии и традиционных верований шорцев (по полевым материалам 1927 г.) // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 70-89.

Чудояков А.И. Культурные корни // Огни Кузбасса. 1988. № 1. С. 6-12.

Шорцы. Каталог этнографических коллекций музеев России. Духовная культура / Составитель Т.И. Кимеева. Кемерово, 1999. Ч. 5. 135 с.

Zelenin D.K. Ein Erotischer Ritus in den Opferungen der altaischer Tuerken. Leiden, 1928. Bd. 29. № 416.

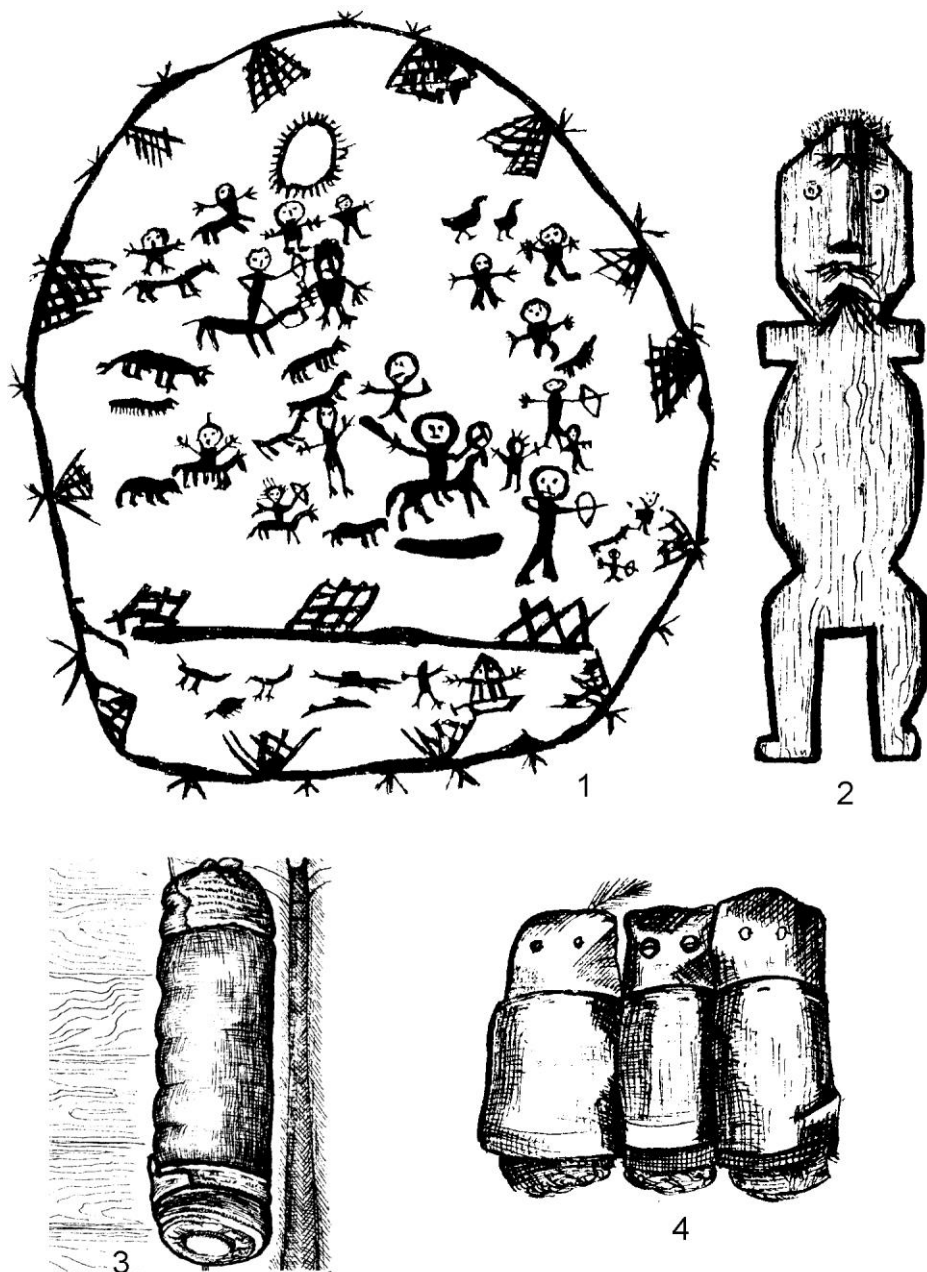

Рис. 1. Предметы шорских религиозных культов.

1 — рисунок на шаманском бубне (Фонды МАЭ. № 5073-3);

2 — тайгам (Фонды МАЭ. № 3645-26);

3 — тёр-кижилер (Фонды МАЭ. № 5073-21;

4 — орекеннеры (Фонды КМАЭЭ. № 18/70).

Сиротский суд в г. Кузнецке

Представляемая вниманию читателей работа является обзором архивных материалов Музея истории социальной службы г. Новокузнецка, касающихся досоветского периода. Материалы Кузнецкого Сиротского суда представлены копиями из ГАТО. Они датируются 1911 и 1912 гг. Публикуемые материалы интересны не только с точки зрения характеристики деятельности одного из органов городского самоуправления, но и являются интереснейшим источником, характеризующим семейные взаимоотношения и имущественные владения граждан небольшого сибирского провинциального городка.

Первым учреждением, выполнявшим функции социальной защиты в ее современном понимании, в Кузнецке стал Сиротский суд: «...учреждение, заведывающее опекою над лицами городских сословий»¹. В России такие суды возникли в 1775 г., первоначально существуя при городских магистратах. Точное время возникновения данной организации у нас в городе неизвестно, но уже с начала XIX в. Сиротский суд в Кузнецке «состоял при градской думе». Делами, составляющими компетенцию суда, ведали «градской глава» и выборные «гласные»².

С 1831 г. вместо думы у нас в городе стала работать «городовая ратуша». Сиротский суд продолжил свою работу при ней, «дела оного производились членами ратуши и секретарем, особых расходов на оный не производилось»³.

В связи с очередными административными реформами в сентябре 1864 г. вместо закрытой «городовой ратуши» в Кузнецке открылось «городовое хозяйственное управление», а все сиротские дела «городовой ратуши» по указу «губернского правления» были переданы в «окружной суд»⁴. Исходя из имеющихся данных, можно предположить, что и сам Сиротский суд также был подчинен «окружному суду», поскольку расходы на рассмотрение дел «по ведомству Сиротского суда» предполагалось выделять из той же суммы, которая отпускалась на содержание «окружного суда».

После издания «Городового положения» 1870 г. видоизменилась система городского самоуправления Кузнецка, вместе с ней подверглась изменению и работа Сиротского суда. По «открытии градской думы и городской управы, окружной суд состоящие в оном сиротские дела, купеческие и мещанские, в 28 число апреля сего года (1877 г. — **И.У.**) по принадлежности препроводил в городскую управу»⁵. Весной того же года были выбраны председатель и члены городского Сиротского суда: председателем стал купец Леонид Никандрович Емельянов, а членами — мещанин Степан Васильевич Хворов и отставной солдат Федор Иванович Лоншаков. Но к работе суд приступил только осенью, все лето заняла

¹ Сиротский суд // Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. СПб., 1895. Т. XXX. С. 81.

² Конюхов И.С. Кузнецкая летопись. Новокузнецк, 1995. С. 108.

³ Там же. С. 110.

⁴ Там же. С. 110, 112.

⁵ Конюхов И.С. Кузнецкая летопись. С. 112.

переписка по утверждению заново образованного учреждения. Поэтому Сиротский суд вновь открывается 22 сентября 1877 г. при «градской думе»⁶, его члены считались приступившими к выборной должности на трехлетний срок. Техническую часть по ведению дел Сиротского суда вел секретарь думы, получавший за эту работу определенную плату, что вместе с канцелярскими расходами обходилось бюджету города в 200 руб. в год. Ведомости о числе опеки, состоявших в ведении суда, ежегодно подавались в один из отделов Томского Губернского правления. Кроме этого туда же направлялись копии «Журналов Сиротского суда» об учреждении или отмене опеки.

В 1881 г. место председателя занял Христофор Семенович Шаньгин⁷. Известно, что летом 1911 г. председателем был М. Фамильцев⁸, а в его отсутствие исполнял обязанности председателя Кузнецкого Городского Сиротского суда А.П. Рохин. Членами суда являлись П.И. Малеев и Ф.Н. Рожков⁹. Уже в 1912 г. председателем стал М. Федоров, что свидетельствует о достаточно частой сменяемости выборных работников. Можно отметить, что периодически менялся лишь состав суда, а сама система подчинения Томскому Губернскому Управлению и структура Сиротского суда вплоть до периода 1917–1919 гг. особых изменений не претерпели. При организации советских органов управления была использована уже другая система социального обеспечения, при которой функции Сиротского суда были разделены между несколькими ведомствами.

К ведомству Сиротского суда принадлежали дела по опеке и попечительству о малолетних сиротах и вдовах, а также «об их имении и делах»¹⁰, опека над имуществом по самым разнообразным поводам, ревизия опекунских отчетов и прочее. Сам термин «опека» имеет значение организации юридической защиты и попечения о личности и имуществе лишенных дееспособности членов общества¹¹. Самой распространенной формой опеки в досоветский период была опека над несовершеннолетними. К личности опекуна предъявлялись особые требования, по закону «опекуны могут быть определяемы как из родственников, так и из посторонних» по усмотрению опекунских учреждений¹², причем родители могут оговорить личность опекуна в завещании. Закон предписывает выбирать в опекуны людей с высокими нравственными качествами и устраняет от опеки лиц «расточивших собственное или родительское имение, имеющих явные и гласные пороки, лишенных по суду всех прав состояния, всех особенных прав и преимуществ, известных суровыми поступками, имевших ссору с родителями малолетнего и несоостоятельных»¹³. Опека в досоветский период продолжалась до 18 лет, а до наступления совершеннолетия (21 год) оформлялось так называемое «безотчетное попечительство», которое ограничивалось чаще всего лишь подтверждением или неподтверждением сделок, совершаемых находящимся под попечительством, причем попечитель имел право не представлять отчет в совершаемых действиях. Кроме опеки над личностью и ее имуществом не менее распространенными были различные виды опеки над имуществом.

⁶ Конюхов И.С. Кузнецкая летопись. С. 113.

⁷ Там же.

⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2771. Л. 51.

⁹ Там же. Л. 54.

¹⁰ Сиротский суд. С. 82.

¹¹ Опека // Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. СПб., 1895. Т. XX,

С. 1.

¹² Там же. С. 4.

¹³ Там же. С. 5.

Опека в дореволюционной России носила сословный характер: Сиротскому суду была подведомственна опека лишь над личными дворянами, купцами, мещанами и разного рода разночинцами в пределах обозначенного региона, т.е. рассматриваемая нами организация действовала только в пределах города.

В суд после определенных происшествий обращалась заинтересованная сторона, одному из представителей которой чаще всего и присуждалась опека. Подробнее рассмотреть этот принцип действий можно по имеющимся документам на примере семьи кузнецкого купца второй гильдии Ивана Николаевича Красулина¹⁴. После смерти купца 3 апреля 1911 г. его дочери — Нина Ивановна и Валентина Ивановна Красулины, в замужестве соответственно Максюкова и Беликова-Штомич, подали прошение об учреждении опеки над имуществом и малолетними детьми умершего (своими братьями и сестрой), которое было рассмотрено на заседании 6 июля 1911 г. В качестве опекуна в этом же прошении сестры предложили кандидатуру одной из них — Валентины Беликовой-Штомич¹⁵. Приложением к прошению выступают метрические свидетельства семьи Красулиных: запись о смерти самого купца и записи о рождении его детей — Михаила (20 лет), Николая (17 лет) и Александры (14 лет). Сиротский суд, полностью удовлетворяя прошение заявителей, учредил опеку над имуществом и малолетней дочерью, о которой необходимо было представлять ежегодный отчет. В исполнение особых правил Гражданского Законодательства¹⁶ суд обязал опекуна составить опись имущества покойного в присутствии двух свидетелей, одним из которых должен был быть представитель местной власти, а в уездном городе — член суда¹⁷. Над сыновьями купца было учреждено вышеупомянутое безотчетное попечительство.

Количество дел на попечении Сиротского суда на начало 1912 г. было небольшим — 51¹⁸. Впрочем, эта цифра вполне соотносится с численностью жителей города. Из этих дел 37 были собственно опекой, а остальные — попечением. Большинство дел опекаемых представлены в категории «по малолетству» — 38, 1 — «по безумию или сумасшествию»¹⁹, 12 — по разным другим причинам, среди которых наиболее интересными, с нашей точки зрения, являются: опека по несостоявшемуся разделу имущества умершего в июле 1893 г. Льва Лоншакова между наследниками (около 2 тыс. руб.), опека над имуществом Михаила Хворова до решения по выдвинутому против него иску (денежное выражение, к сожалению, отсутствует, но известно, что имущество арестовано в июне 1910 г.), и «опека по расточительности» кузнецкого мещанина Александра Серегина (сохранилось недвижимое имущество на 800 руб.)²⁰.

Весьма противоречивы возможности опекунов по отношению к опекаемому имуществу. С одной стороны, в законодательстве того периода формулировка весьма туманна: отдавать имущество опекаемых в частные руки или под залог «лишь в случаях нужных и сомнительных»²¹, а с другой стороны — любым движимым или недвижимым имуществом опекаемых можно было распоряжаться лишь после утверждения этой операции в многочисленных инстанциях. Так, например, Ивану Игнатьевичу Туеву, который опекал Иннокентия и Петра

¹⁴ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2771. Л. 53-55.

¹⁵ Там же. Л. 54об.

¹⁶ Там же.

¹⁷ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2771. Л. 55.

¹⁸ ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2870. Л. 5об.

¹⁹ Там же. Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 7.

²¹ Опека. С. 6.

Леонтьевых после смерти их родителей, необходимо было подать заявление на требуемую денежную помощь со счета умерших родителей опекаемых в Кузнецкий Городской Сиротский Суд²². Члены Суда на отдельном заседании рассмотрели возможность такой операции и отправили соответствующие документы на утверждение губернатору. Лишь после этого И.И. Туев смог получить необходимую сумму.

Представленные в рассмотренных документах сведения хорошо показывают все разнообразие деятельности членов Сиротского суда г. Кузнецка.

ПРИЛОЖЕНИЕ

В Томское Губернское Управление
Кузнецкого Городского Сиротского Суда

Рапорт

Сиротский Суд имеет честь представить при сем в Губернское Управление копию журнала своего состоявшегося 6 июля сего года заседания № 19 по делу об учреждении опеки к имуществу и детям, оставшимся после умершего купца Красулина.

Председатель *(подпись неразборчива)*

№ 76 Августа 23 Дня 1911 года. Копия

Журнал

Кузнецкого Городского Сиротского Суда, об учреждении опеки к имуществу и детям, оставшимся после умершего купца Красулина.

№ 13.

Состоялся 6 июля 1911 года.

В присутствие Сиротского Суда прибыли: И.д. Председателя А.П. Рохин и члены П.И. Малеев и Ф.Н. Рожков.

Слушали: Прошение дочерей умершего Кузнецкого 2-й гильдии купца Ивана Николаевича Красулина, Нины Ивановны Максуюковой и Валентины Ивановны Беликовой-Штомич, урожденных Красулиных, в котором они, заявляя о смерти своего отца, Ивана Николаевича Красулина, последовавшей 3 апреля сего года, после которого осталось разное имущество и дети: малолетняя дочь Александра 14 л. и несовершеннолетние сыновья: Михаил 20 л. и Николай 17 л.; просят Суд назначить опеку над имуществом умершего и его детьми, при чем в качестве опекуна ходатайствуют назначить Валентину Ивановну Беликову-Штомич. При прошении приложены: метрические выписки о смерти Ивана Николаевича Красулина и о рождении его детей, Михаила, Николая и Александры.

По справке в посемейном списке, имеющемся при делах Кузнецкого Городского Управления, просительница Валентина Красулина, по замужеству Беликова-Штомич, имеет отроду 23 года.

Принадлежащее покойному имение находится, как это известно членам Сиротского Суда, во-первых, в городе Кузнецке и заключается в каменном доме со службами, во-вторых — в деревне Красулиной, Ильинской волости и заключается в каменном доме со службой и торговой мануфактурной лавке, и в-третьих —

²² ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2771. Л. 51.

в селе Борисовском Мунгатской волости, и заключается в торговле мануфактурой и другими товарами.

При открытии и принятии наследства, после лиц, производящих торговлю, хотя и требуется, согласно Приложению к Примечанию 1-му ст. 1238 Законодат. Граждан. т. 1 ч. 1, соблюдение особых правил, изложенных в данном приложении, но это требование не стесняет опекунские установления учреждать над малолетними и их имуществом опеку, тем более, что несмотря на то, что Красулин умер 3-го Апреля с.г.,

имущество его остается до сих пор не приведенным к описанию в известности. По выслушивании приказали: 1. Над имуществом умершего Кузнецкого 2-й гильдии купца Ивана Николаевича Красулина, заключенным в недвижимом и движимом имениях и в торговых предприятиях, находящихся в г. Кузнецке, дер. Красулиной и селе Борисовском Кузнецкого уезда, и малолетней дочерью его, Александрой, учредить опеку, назначить опекуншею жену Потомственного Почетного Гражданина Валентину Ивановну Беликову-Штомич, которой предписать принять все имущество покойного в свое владение и распоряжение по описи, составленной ею в двух экземплярах в присутствии двух свидетелей, причем городское имущество описать совместно с членом Сиротского Суда, а в уезде пригласить кого-либо из сельских властей, опись составить в двух экземплярах, из коих один за общим всех подписанием, представить в Сиротский Суд, а др. за таким же подписанием, оставить у себя, затем предписать опекунше иметь за малолетней должное попечение и ежегодно доставлять в январе месяце отчет по управлению имением и сведения о воспитании опекаемой, и 2. Над оставшимися после умершего сыновьями: Михаил 20 л. и Николаем 17 л. учредить безотчетное попечительницей названную Валентину Ивановну Беликову-Штомич, об учреждении опеки донести Томскому Губернскому Управлению. Подлинный за надлежащим подписей.

С подлинным верно:

Председатель (подпись неразборчива)

ГАТО. Ф. 3. Оп. 4. Д. 2771. Л. 53-55.

ЛИТЕРАТУРА:

Конюхов И.С. Кузнецкая летопись. Новокузнецк, 1995.

Опека // Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. СПб., 1895. Т. XX. С. 1-6.

Сиротский суд // Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона. СПб., 1895. Т. XXX. С. 81-82.

НЭП в Кузнецком уезде

Послеперестроечная волна демократизации заставила наше общество по-новому взглянуть на некоторые вопросы в истории России. В числе этих тем оказался период новой экономической политики (НЭП), особенности которого в Кузбассе пока малоизвестны. В частности, в краеведении до сих пор нет ясного представления о том, каким был Кузнецк нэповский. Получение определенной информации о жизни нашего города в 1920-е гг. для нас, музейных работников, видится особенно актуальным и необходимым сегодня.

В советской историографии изучение темы НЭПа, как и многих других, страдало определенными клише. Эпоха новой экономической политики, которая именовалась термином «восстановительный период», рассматривалась как некое временное отступление перед осуществлением грандиозного плана построения социализма и коммунизма. Для работ ученых советского времени, посвященных мероприятиям НЭПа, характерна явная идеологическая окраска и одностороннее освещение. Однако именно созданные в советское время исследования, особенно написанные о Сибири, оказали помощь в подготовке данной статьи и осмыслении событий НЭПа в Кузнецке¹. Несмотря на достаточно обширное количество литературы о НЭПе, существующей в целом по стране, в историографии Кузбасса вплоть до 1990-х гг. не было специальных работ, посвященных проблемам этого периода. Как выяснилось, внимание историков Кемеровской области в советское время в основном было приковано к вопросам развития тяжелой промышленности и формированию рабочего класса. Не затрагивались такие темы, как мелкая и кустарная промышленность, сельское хозяйство, кооперация, торговля, которые являлись главными элементами НЭПа. Достаточно ярко такое положение в историографии Кузбасса отражает обобщающий труд «История Кузбасса», вышедший в 1967 г. Примером подобного рода может служить построенная в 1980-е гг. экспозиция городского краеведческого музея, в которой город Кузнецк и его социально-экономическое состояние в 1920-е гг., за исключением начала строительства КМК, вообще не нашли своего отражения.

Несколько восполнили отсутствие объективной информации о периоде НЭПа в Кузбассе работы ученых, которые появились в краеведении в течение последних 10 лет на волне интереса к этой теме. Речь идет о коллективном труде «Земля Кузнецкая — История Сибири» (1997 г.), где в отдельной главе описаны проблемы аграрно-земельных отношений в Сибири, в том числе в Кузнецком округе, в условиях перехода к НЭПу. Этот же вопрос рассматривается в статье

¹ Горюшкин А.М., Чаплик В.Е. и др. Борьба за восстановление народного хозяйства (1921-1925 гг.) // История Сибири. Л., 1968. Т. 4. Гл. IV. С. 177-218; Боженко Л.И. Роль сельскохозяйственных орудий и машин в развитии социально-экономических отношений в сибирской деревне (1920-1926 гг.) // Сибирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1971. Вып. V; Дудукалов В.И. Деятельность партийных организаций Сибири по развитию советской торговли в первые годы НЭПа (1921-1923 гг.). Томск, 1976.

Е.В. Суверова «Землеустройство крестьянских хозяйств Сибири в первые годы НЭПа», вышедшей в сборнике, посвященном 55-летию Кемеровской области (1998 г.). Сразу две работы преподавателей КемГУ — З.П. Галаганова, Е.Ю. Литовченко и Г.А. Макуриной, представленные в сборнике «Балибаловские чтения» (1998 г.), рассказывают об особенностях НЭПа в городе Щегловске и Щегловском уезде. Эти исследования основаны на данных ГАКО.

К сожалению, НКМ не располагает сегодня большим количеством документальных свидетельств, которые помогли бы представить жизнь в Кузнецке в годы НЭПа со всеми его социально-экономическими мероприятиями. Однако в фондах музея хранится, быть может, ни в чем не уступающий официальным сведениям совершенно уникальный источник. Речь идет о комплексе воспоминаний старожилов города, который собрал в результате кропотливой работы на протяжении 3-х десятилетий замечательный новокузнецкий краевед Владимир Петрович Девятяров². Мемуары, записанные им, неоднократно помогали музейным сотрудникам в ответах на вопросы, касающиеся самых различных сторон Кузнецка кон. XIX — нач. XX вв., в том числе и сложного периода 1920-х гг. Стоит отметить, что историческая краткость периода НЭПа (1922–1928 гг.) наложила отпечаток на воспоминания людей. Это выразилось в относительно небольшом количестве информации об интересующем нас времени. Однако полученные, безусловно, интересные факты, которые более нигде не встречаются, позволили выстроить своеобразную, а главное реальную картину о жизни нашего города в годы НЭПа. Помимо сбора мемуарных источников, В.П. Девятяровым были сделаны выписки из документов ПАКО и ПАТО, имеющих отношение к истории Кузнецка в 1920-е гг. Эти материалы, которые стали частью архива краеведа, также послужили источниковой базой для написания работы³. В качестве дополнительных источников были привлечены хранящиеся в фондах музея воспоминания партийного работника Кузнецка 1920-х гг. А.Г. Дудина, мемуары одного из основателей краеведческого музея Г.С. Блынского «35 лет в строю угольщиков Кузбасса» и некоторые немногочисленные документы и фотографии. Данная статья не претендует на полный анализ и полноту сведений, тем не менее, надеемся, что факты, в ней изложенные, помогут прояснить малоизученное время 1920-х гг. и в дальнейшем будут подтверждены и дополнены данными архивов.

Прежде чем обратиться к рассмотрению экономической жизни города в 1920-е гг., необходимо охарактеризовать общее состояние Кузнецка в этот период. Вплоть до 1924 г. Кузнецк оставался уездным центром Томской губернии. При проведении районирования 27.10.1924 г. Кузнецкий и Щегловский уезды были объединены в один — Кольчугинский уезд с центром в поселке Ленино (Ленинск-Кузнецкий)⁴. Кузнецк продолжал оставаться городом, районным центром, хотя, и потерял статус административного центра (Рис. 1). Работая с источниками, удалось найти три характеристики Кузнецка, которые были сделаны в разные моменты интересующего нас времени. Позволю себе привести все.

1) Сотрудник газеты «Советская Сибирь» А. Кручина побывал в Кузнецке летом 1923 г. В своем очерке «В глухом углу, в Кузнецке» он характеризует город как «захолустную дыру», в которой «тянется день за днем сонная, вялая, нудная жизнь». «В лавках кооперативов сладко зевают приказчики, по учреждениям служащие усердно ловят муху; спотыкаются, засыпая на ходу, обыватели, невзначай вылезшие из домашней перины на улицу». Как заключает автор:

² НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 33-37, 39.

³ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 4.

⁴ Усков И.Ю. Административно-территориальное деление Кузбасса 1920-2000 гг. Кемерово, 2000. С. 6.

«НЭП к Кузнецку не привился. Даже НЭП к Кузнецку остался невосприимчивым, ...а об остальном и говорить не приходится»⁵. Представляя Кузнецк, по описанию А. Кручины, как некое сонное царство, видимо, не стоит забывать, что это было впечатление человека, для которого жизнь в небольшом городке явно проигрывала по сравнению с более крупными сибирскими городами. Кроме того, как многие журналисты, Кручина явно допускал эмоциональность и выдумку, что заставляет относиться к его характеристике весьма осторожно.

2) От газетно-литературного источника обратимся к официальным документам. В отчете за 1924 г. о нашем городе сказано следующее: «Рынка постоянного нет, так как город отстоит от центра уезда далеко, изолирован от центра, притом находится на правом берегу Томи. Население города чрезвычайно бедно, экономическое тяготение к Прокопьевску, Бачатам и Ленино. Питанием перебиваются с куска на кусок. Бюджет города чрезвычайно слаб по сравнению с текущими нуждами города. В городе нет никаких производственных предприятий даже кустарного типа»⁶. Данный документ также следует принимать с оговоркой. Дело в том, что такая резкая оценка состояния экономической жизни города опровергается данными о состоянии кустарной промышленности, которые были составлены в результате переписи 1926 г. «Учет кустарно-промысловых предприятий, производившийся переписями 1920, 1923 и 1925 гг., не охватывал полностью всех заведений этого типа. Переписями были охвачены только имеющие механические двигатели, отдельные помещения и пользующиеся наемным трудом»⁷.

3) Во втором томе Сибирской Советской энциклопедии, который был издан в 1931 г., в статье, посвященной Кузнецку, содержится еще одна характеристика города. «Население в 1917 г. — 3.154, 1920 — 4.548, в 1926 — 3.894 (1.802 м. и 2.092 ж.); грамотных 52%. Потеряв значение административного центра и отрезанный рекой от железнодорожной линии, Кузнецк почти не развивается. За рекой против Кузнецка, в связи с постройкой гигантского металлургического завода растет новый город-сад, насчитывающий в 1929 г. уже в пять раз больше жителей, чем в самом Кузнецке»⁸. Несмотря на конкретный материал, собранный авторами энциклопедии, в данной оценке состояния Кузнецка явно прослеживается некоторая однобокость: взятый в стране к тому времени курс на скорейшую индустриализацию, которая, как мы знаем, серьезно изменила жизнь в нашем городе. Ввиду этого в энциклопедии оказались несколько затерты особенности предшествующей ей новой экономической политики в Кузнецке.

Подводя итог вышеизложенным оценкам состояния Кузнецка в 1920-е гг., можно сделать определенный вывод. Отрезанный от железной дороги Кузнецк, хотя и продолжал оставаться городом, не имел импульса для ускоренного развития. Рост населения Кузнецка значительно отставал от других городов округа (например, в Кузнецке 1920 г. — 4.548, 1923 г. — 3.524, 1926 г. — 3.875; в Ленинске соответственно 5.493, 10.586, 19.700). Экономическое состояние Кузнецка было убогим, горожане влачили полунисщенское существование, НЭП здесь не нашел своего выражения. Можно ли согласиться с этим утверждением? Без сомнения, подобная оценка состояния Кузнецка в значительной степени соответствует существовавшему положению дел. Однако мы, как краеведы, не можем

⁵ Кручина А. В глухом углу, в Кузнецке // Повествование о Земле кузнецкой. Кемерово, 1992. С. 103.

⁶ ПАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 141. Л. 36. (Эти данные взяты из копий краеведа В.П. Девятирова, хранящихся в НКМ: НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 4.).

⁷ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 17. Л. 28 (об.).

⁸ Кузнецк // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. II. Ст. 1077.

останавливаться на такой узкой характеристике, ведь реальная жизнь оказывается куда богаче и увлекательнее общих выводов.

Для дальнейшего, более ясного изложения фактов необходимо определить особенности экономики нашей страны, Сибири, Кузнецка в то время.

Строительство новых хозяйственных взаимоотношений проходило в рамках многоукладности экономики. Основных экономических укладов было пять. Проследить их по отдельности не представляется возможным из-за тесного переплетения между собой. Но главных «представителей» укладов выделить нетрудно. Социалистический, или государственный, уклад был представлен системой трестов и синдикатов, которые распоряжались ресурсами предприятий на основе хозрасчета и самоокупаемости и объединяли в себе предприятия, наиболее ценные для государства. В Сибири основные отрасли промышленности — угольная, золотодобывающая — были трестированы почти полностью. Государственно-капиталистический сектор существовал в форме концессий и аренды предприятий частным капиталом под непосредственным главенством государства. К такой форме хозяйствования большевики вначале отнесли и кооперацию: потребительскую, промысловую и сельскохозяйственную. Позднее под влиянием работ Ленина о кооперации был изменен ее статус и она стала относиться к социалистическому сектору народного хозяйства. Прочие уклады — частнокапиталистический, мелкотоварный и натуральный — нашли свое выражение в мелкой, ремесленной промышленности, сельском хозяйстве и частной торговле. В этих отраслях находились такие участники производства, как ремесленники (вырабатывали изделия на заказ), кустари (производили изделия для продажи непосредственно потребителю) и домашники (для собственного потребления).

Анализ источников показал, что в Кузнецке и прилегающем к нему районе промышленности была представлена следующими видами:

1. Средняя промышленность — угольная, золотодобывающая, лесная.
2. Мелкая промышленность и кустарное производство.

К мелкой промышленности принадлежали механизированные предприятия, включавшие в себя мельницы, хлебопекарни, колбасные предприятия, табачные фабрики, пивной завод, типографии. К кустарному производству относились изготовление пищевых продуктов; металлообработка; кожевенно-овчинное производство; обработка дерева; производство одежды, обуви, головных уборов; транспорт; прочие (мыловаренное, шерстобитное).

Переход к НЭПу обеспечил восстановление торговли как ведущего механизма функционирования экономики. Всего в период НЭПа было три сектора торговли: частный, кооперативный и государственный. Позиции частного в сфере торговли после разрешения свободной продажи оказались наиболее сильными. По стране доля частного капитала, вложенного в торговые предприятия, составила 60% — в городах и 85% — в деревнях. Остальное приходилось на государственные и кооперативные магазины. Наиболее заметной сферой приложения частного капитала оказалась розничная торговля. Здесь масштаб оборота частного капитала достигал 80% (особенно в первые годы НЭПа, когда еще не была налажена государственная налоговая служба). Кузнецкий округ не был исключением. По данным книги «10 лет борьбы за Советы» в торговых розничных оборотах округа частная торговля в 1922/23 гг. явно преобладала над другими видами торговли: государственная — 83 тыс. руб. (5%), кооперативная — 615 тыс. руб. (37,1%), частная — 961 тыс. руб. (57,9%). В последующие годы рост оборотов шел уже по линии кооперативной и государственной торговли при уменьшении роли частного. Это объяснялось политикой правительства, которая поощряла льготами социалистический сектор и увеличивала налогообложение частных.

Начало НЭПа. Впервые о новой экономической политике в Кузнецке узнали на июльской партийной конференции 1921 г. Коммунисты города заслушали доклад зав. политпросветом И.Г. Бекиша «Кооперация сельскохозяйственная и кустарно-промысловая», который был построен с учетом только что появившихся постановлений партии. Как объяснял докладчик, «сразу восстановить крупную промышленность невозможно, поэтому мы должны дать развиваться мелкой и кустарной промышленности, которая выработает сельскохозяйственный инвентарь и материалы, необходимые для крестьян. Главной задачей промысловой кооперации является собрать распыленные ремесла и промышленности, учесть нуждаемость в тех или иных материалах крестьянства, и, обменивая и конкурируя со спекулянтами, завоевать симпатии крестьянства». Коммунистов призывали «содействовать кооперативным органам при организации различного рода мастерских, артелей, товариществ». Участники конференции заслушали сообщение о предполагаемом в ходе создания многоукладной экономики разделении предприятий на 3 группы: государственные, кооперативные и частнособственные⁹. В ноябре на следующей партийной конференции И.Г. Бекиш подробно рассказывал о различных видах сельскохозяйственной кооперации — товариществах, артелях для снабжения своих членов дешевым кредитом, для закупки сельскохозяйственных машин, для разведения пород скота и т.д. Как указывал докладчик, такие кооперативные объединения и их союзы будут всемерно поддерживаться государством¹⁰.

Несмотря на широкие обещания, каких-либо практических шагов в области создания новых экономических отношений в городе и уезде не было сделано вплоть до марта 1922 г. Кузнецкие власти были заняты усиленной ссыпкой зерна и проведением продразверстки и продналога, которые официально завершились 15 марта 1922 г. Исключением явилась лишь Кузнецкая коллегия Губсоюза кооперативов, созданная в ноябре 1921 г.¹¹ В политсводке Кузнецкого Укома за апрель 1922 г. сообщалось: «настроение в уезде враждебное, в крестьянстве — раздражительное, в среде рабочих — недовольство из-за отсутствия продовольствия. По кооперации определенной работы не проводилось»¹².

Золотодобывающая отрасль. В золотодобывающей отрасли Кузнецкого округа с 1922 г. начал действовать государственный трест Сибзолото, созданный наряду с подобными трестами, в числе которых были Енисейзолото, Алданзолото, Дальзолото и другие. Сибзолото организовал добычу золота по Кондомской и Балыксинской системам. Металл добывался преимущественно на старых отвалах силами старательских артелей, труд которых осуществлялся традиционным мускульным способом (бутары, лотки). Кузнецкие власти, характеризуя эту отрасль в 1924 г., сообщали: «В настоящее время официально зарегистрирована артель на прииске «Неожиданном» по реке Балык-су — притоку Томи. Остальная часть золотодобычи ведется небольшими «летучими» хищническими артелями, инородцами. Начиная с лета 1924 г. на р. Томи начали работать золотопромывочные крестьянские артели в Краснознаменской, Петраковской и Салаирской волостях»¹³. Трест скупал у них намытое золото через отделения Госбанка в лице посредников и кооперации (Рис. 5). Добыча золота за 5 лет была незначительна: в 1922/23 г. — 24,5 кг; 1923/24 г. — 81,5 кг; 1924/25 г. — 117,6 кг;

⁹ ПАКО. Ф.6. Оп.1. Д. 34. Л. 17-21.

¹⁰ ПАКО. Ф.6. Оп.1. Д. 36. Л. 8.

¹¹ ПАКО. Ф.6. Оп.1. Д. 39. Л. 16.

¹² ПАТО. Ф.1. Оп.1. Д. 448. Л. 121-122.

¹³ ПАТО. Ф.6. Оп. 1. Д. 141. Л. 66.

1925/26 г. — 128,0 кг. В 1926/27 г. трестом планировалось добыть по указанным системам 192 кг и скупить у артелей 48 кг (на сумму до 215 тыс. руб.)¹⁴.

В отличие от крупных месторождений золота, которые находились на Севере и Дальнем Востоке, разработки в Сибири и в Кузнецком округе имели небогатое содержание металла, хотя и располагались во многих местах. Вследствие этого добыча золота была сопряжена с большими затратами, а механизирована добыча золота (драги и гидравлика) трестом Сибзолото была лишь частично. По данным 1925/26 г. на производстве треста было занято до 350 человек¹⁵. В силу того, что золотодобывающая отрасль в Кузнецком округе в то время не имела большого размаха, информация об этом виде работ в воспоминаниях старожилов незначительна. Основное количество фактов относится к периоду 1930-1940-х гг. — времени более активной золотодобычи в Кузнецкой тайге. Тем не менее, нам стали известны отдельные факты об организованных трестом перевозках грузов (оборудование, продовольствие) на золотые прииски вверх по Томи. При этом информаторы часто допускают ошибку, путая позднее появившийся термин Союззолото (новое акционерное общество, созданное в 1927 г. на базе краевых объединений) с названием треста Сибзолото, который действовал в то время. В частности, старожил А. Тверских в 1922 г. устраивался работать 1 сезон коногонном на карбозах, запряженных лошадьми. По мелководью он возил грузы из Кузнецка вверх по Томи и на ее притоки вплоть до Ивановского прииска¹⁶. Г.К. Ушаков дополняет его рассказ: «В 1926 г. работал летом в Сибзолоте, позавидовав высокой заработной плате лодошников, которые при помощи шестов на лодках поднимались вверх по Томи на золотые прииски. Дошли до Балыксы (190 верст), разгрузили свой груз и за сутки добрались по течению до города. Тяжело показалось — ушел. База Сибзолото находилась на левом берегу Томи». Еще один кузнецчанин А.С. Васькин с 1927 г. на своих лошадях зимой возил грузы от конторы Сибзолото по приискам. По сообщениям старожилов в число возможно действующих приисков в 1920-е гг. входили Ивановский, Воскресенский, Изырасс, Веселый, Иннокентьевский, Кедровка.

Угольная промышленность. В августе 1922 г. был создан «Кузбасстрест», объединивший горные и металлургические предприятия всех районов Кузбасса, кроме Кемеровского. В «Кузбасстрест» вошли все южные копи, в том числе действовавшие близ Кузнецка Абашевский и Араличевский рудники. Ввиду отсутствия железной дороги до Кузнецка эти предприятия в условиях НЭПа оказались нерентабельны и были закрыты в 1922/24 гг. Освободившиеся средства и рабочие были сосредоточены по другим основным шахтам. В 1924 г. южные копи (Прокопьевский район) вошли в состав другого треста — «АИК-Кузбасс», на основе которого в 1927 г. возник трест «Кузбассуголь»¹⁷. Несмотря на трестирование угольной отрасли, кустарная добыча угля также имела место во всех районах Кузнецкого округа, где было наличие угля. В 1931 г. в Кузнецком и других районах Кузнецкого округа наряду с крупной государственной промышленностью добычей каменного угля были заняты также промысловые артели. Угледобыча шла первой в ряду кустарных промыслов из числа наиболее развитых здесь¹⁸.

¹⁴ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 17. Л. 27(об.).

¹⁵ Там же. Л. 27(об.), Л. 28.

¹⁶ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 8. Д. 33-37, 39 (эта и последующие цитаты и сведения в тексте из воспоминаний старожилов приведены по материалам этих дел).

¹⁷ Угольная промышленность Кузбасса. 1721-1996. Кемерово, 1997. С. 121-122.

¹⁸ Кузнецкий округ // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. II. Ст. 1099.

Вышеизложенные сведения из истории угольной отрасли округа подтверждают воспоминания старожилов. Информаторы сообщают об организованных жителями Кузнецка перевозках угля из села Абашево до Кузнецка: зимой на подводах, весной и летом на карбозах и лодках. Ввиду того, что развитие угольной отрасли возле Кузнецка было приостановлено, то более обширных данных в воспоминаниях об этом виде работ не оказалось.

Лесная промышленность. С развитием угольной отрасли и ее нуждаемости в лесных материалах в Кузнецком округе в 1920-е гг. наблюдался значительный рост лесной промышленности. Известно, что на территории округа действовал трест Сиблесзаг, который появился в 1921/22 гг. Этот трест являлся одним из трех основных государственных лесозаготовителей Сибири¹⁹. Однако его хозяйственные лесоразработки начались только в 1925/26 гг.²⁰ Наряду с государственными трестами в лесной промышленности Сибири достаточно широкое развитие получили ведомственные самозаготовители²¹, к числу которых в Кузнецком округе относились вышеупомянутые тресты «Кузбасстрест» и «АИК-Кузбасс». Определенное количество сведений о работе обоих трестов в системе лесозаготовок содержится в воспоминаниях Г.С. Бlynского. Первые факты относятся к 1920/22 гг., когда Георгий Степанович, работая заведующим Абашевского рудника (в системе «Кузбасстреста»), организовывал лесозаготовки для нужд своего предприятия. «Лесозаготовки развивались в Горной Шории по рекам Мрассу, Тутуяс, Усе и в верховьях Томи. На лесозаготовках работало почти все население Горной Шории». В 1922 г. Г.С. Бlynский спроектировал и построил первую лесозаготовительную гавань в устье реки Абашевой. Тогда же был произведен первый молевой сплав по этой реке до гавани, где весь лес сплавлялся в плоты и доплавлялся до рудника²². В 1924 г. после закрытия Абашевского рудника и передачи южных копей тресту «АИК-Кузбасс» Г.С. Бlynский был назначен заведующим лесозаготовительной конторой Кузнецкого района. Все работы участка, возглавляемого Бlynским, преследовали цель — заготовить лес для Прокопьевского и Кемеровского районов. Бlynский сообщает об открытии в это время 4-х лесозаготовительных участков в Горной Шории: Балбынь, Калтан, Терсь-Осиновский плес, Чумышская и Кара-Чумышская лесные дачи. В Балбыни лес сплавляли в однорядных плотях самосплавом до Левого берега²³, где на лошадях выгружали на берег. В Калтане лес также сплавляли по рекам, затем подвозили к железнодорожным тупикам и грузили вручную в вагоны, отправляя на Прокопьевский рудник. Терсь-Осиновский плес заготовленный лес сплавлял до Кемерово. На четвертом участке лес заготавливали постоянные кадры лесорубов, которые штабелевали его и зимой вывозили на лошадях в Прокопьевск. Постепенно лесозаготовительная контора начала набирать постоянные кадры лесорубов и ставить для них в лесу бараки. Большинство леса заготавливали мелкоподрядным способом, по 7 рублей за куб. сажень. В эту стоимость входило: заготовить, подвезти к рекам, сплотить в плоты и сплавить до Левого берега. Сдача-приемка производилась на воде. На Левом берегу была сформирована резиденция лесоза-

¹⁹ Сибирская Советская энциклопедия. Т. III. Новосибирск, 1932. С. 116.

²⁰ Отчет Кузнецкого окружного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов третьему Кузнецкому окружному съезду Советов. Цегловск, 1929. С. 52.

²¹ Лесное хозяйство // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. III. С. 116.

²² НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д.19. Л. 32, 56.

²³ Под этим термином подразумевается район современного Новокузнецка — участок Левобережья р. Томи в Центральном районе.

готовительной конторы, где производился расчет за приплавленную древесину. Один из старожилов сообщает: в 1920-е гг. в Кузнецке от «АИК» была организована выгрузка леса из реки. Здесь он проработал 7 лет, вытаскивая на своих лошадях бревна из реки.

В середине 1920-х гг. лесозаготовки треста «АИК-Кузбасс» расширились. Г.С. Блынский рассказывает о вводе в эксплуатацию сплава по мелким рекам (Аксас, Берензас, Старый Тутуяс, Нижний Тутуяс, Теш), об открытии новых участков. В частности, в 1926 г. Г.С. Блынским для заготовки сосны и лиственницы — высокосортной древесины, необходимой для капитальных выработок, был организован новый леспромхоз на реке Балык-су. Три участка, созданных по реке Терен-су, укомплектовывались рабочими с закрываемых приисков²⁴. К середине 1920-х гг. в лесной промышленности округа произошло увеличение лесозаготовок (по сравнению с предыдущими годами на 35%), а также количества рабочих (в 1925/26 гг. — 2400 человек, в 1926/27 гг. — 5000 человек.)²⁵.

С 1928 г. между Сиблесзагом и «Кузбассуглем» (сменил трест «АИК-Кузбасс») начались трения по поводу раздела лучших лесосек. Блынский сообщает о ведомственных спорах между этими организациями. «Лесзаг открыл лесозаготовки в лесах Горной Шории со сплавом леса до Кузнецка для Тельбессбюро, который организовал строительство КМЗ²⁶. Лесные отводы Кузбассугля стали ограничиваться, тормозилась выдача лесорубочных билетов. Лесзаг стал вербовать население Горной Шории на лесозаготовки, а оно являлось основной рабочей силой наших лесозаготовительных участков. В конце концов городской Совет обязал Кузбассуголь убрать с Левого берега лесоперевалочную площадку вместе с лесопильным заводом и строениями». Вследствие такого решения под руководством Блынского была освоена новая площадка, ставшая впоследствии Абагурским лесокombинатом²⁷.

Кустарное производство и мелкая промышленность. Как уже говорилось выше, в условиях развертывания новой экономической политики государству необходимо было иметь фонд товаров сельскохозяйственного и промышленного производства, в которых нуждалось крестьянство. Ввиду того, что крупная промышленность была разрушена и сразу восстановить ее не представлялось возможным, все внимание было обращено на мелкую и кустарную промышленность. Возобновление работы этих отраслей не требовало больших материальных затрат. 23 марта 1921 г. Сибревком рассмотрел ряд мероприятий по развитию и регулированию кустарной промышленности и обратил внимание местных органов на необходимость оказания ей помощи. По указанию Сиббюро ЦК РКП(б) во всех губерниях Сибири были пересмотрены производственные программы мелкой и кустарной промышленности²⁸. Однако в кустарной промышленности Кузнецка не происходило каких-либо реальных перемен вплоть до марта 1922 г. ввиду решения проблемы продразверстки. В марте 1922 г. (по одним данным 1 марта, по другим 22 марта) в городе была открыта т.н. Кузнецкая контора Сибкустпрома²⁹ — организации, осуществлявшей руководство всей кустарной промышленностью Сибири. Во главе кузнецкого отделения находился член правления единого потребительского общества города Никита Илларионович Капш. Принятое им хозяй-

²⁴ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 19. Л. 59-61.

²⁵ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 17. Л. 28.

²⁶ Кузнецкий металлургический завод — будущий КМК.

²⁷ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 19. Л. 104-117.

²⁸ Дудукалов В.И. Деятельность партийных организаций Сибири по развитию советской торговли в первые годы НЭПа (1921-1923 гг.). Томск, 1976. С. 33.

²⁹ ПАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 448. Л. 449.

ство располагало штатом из 21 человека, включало 16 артелей на договорных началах и 6 мастерских (слесарно-механических, сапожных и т. д.). Предприятия находились в полуразрушенном состоянии, что являлось последствием национализации кузнецкой промышленности в период военного коммунизма. Н.И. Капш в своем докладе в конце 1922 г. характеризовал состояние хозяйства следующим образом: «Мельница была слаба, ее переработка зерна — 6-7 пудов в час, ее машинное отделение было неисправно, котлы запущены, водопровод заморожен, трубы полопались; изделия кустарных артелей представляли собой брак, отсутствовала калькуляция»³⁰. Восстановив разрушенное хозяйство и отремонтировав мельницу, как рассказывает далее Капш, «Укустпром направил свою деятельность на заготовку сельскохозяйственных продуктов. В городе была открыта лавка по приему пушнины, сырья и продуктов питания путем товарообмена». В частности, Кустпром собирал пушнину, щетину, волос. По данным июня 1922 г. было заготовлено 360 штук коровьих кож, пушнины — 400 штук, воска — 20 пудов, живого скота — 5 голов. Планировалось заготовить в июле 300 пудов дегтя и 200 пудов смолы. Помимо заготовки сырья главной задачей Кустпрома являлось кооперирование кустарей уезда. Как сообщает Капш, были организованы новые предприятия — колбасные заведения, хлебопекарни и прочие»³¹.

По воспоминаниям старожилов, организация Укустпрома объединяла под своим руководством различные отрасли хозяйственной жизни, а также организации бытовых услуг населению. Дочь владельца первой типографии Кузнецка И.С. Коковина — Александра вспоминала: «В объединение входили кондитерские и колбасные мастерские, предприятия по выделке кож, наша типография и т.д. (в 1921 г. типография после пожара была размещена в здании винзавода, и Кустпрому была поручена хозяйственная сторона дела по ее восстановлению)». Из воспоминаний известно, что Кустпром занимался организацией подачи электроэнергии от винзавода в Народный Дом.

Кроме заготовки сырья и организации кооперативных предприятий Кустпром выдавал в кредит денежные суммы таким административным учреждениям города, как исполком, уком партии, леском. К сожалению, отсутствие в наших руках архивных свидетельств, касающихся развития кустарной промышленности в дальнейшем время (с 1923 до конца 1920-х гг.), не дает возможности представить, каким было состояние этого сектора экономики города. В качестве главной основы для восстановления интересующих событий будут выступать воспоминания старожилов. Следует выделить основные моменты, относящиеся к общему положению кустарной промышленности Кузнецкого округа и города Кузнецка:

1) Из немногочисленных документов, касающихся социально-экономической жизни края в 1920-е гг., известно, что дальнейшее развитие кустарной и мелкой промышленности в Кузнецком округе характеризовалось постепенным восстановлением дореволюционной численности кустарей. Если в довоенное время в Томской губернии на 10 тысяч человек населения приходилось 199 кустарей, в 1920 г. — 113, то в 1926 г. — 133 кустаря. По количеству кустарных предприятий в 1926 г. Кузнецкий район считался одним из наиболее развитых районов (после Щегловского, Ленинского и Прокопьевского): 409 предприятий с числом занятых 478 человек³².

³⁰ Речь идет о частной паровой мельнице А.В. Соколова, национализированной в 1918 г. и переданной в ведение Союза кооперативов в 1921 г. Более подробно о ней будет рассказано ниже.

³¹ ПАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 448. Л. 449.

³² НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 17. Л. 29, 30.

2) В целом кустарная промышленность в хозяйственной жизни Кузнецкого округа имела большое значение. Ее валовая продукция за 1926/27 гг. оценивалась в 7 350, 8 тыс. руб., в 1927/28 гг. — 7 365 тыс. руб.³³ Данные цифры подтверждаются особенностью экономики страны в целом: в 1925 г. в мелком и кустарно-ремесленном производстве России было занято около 4 млн. человек, больше, чем в фабрично-заводской промышленности³⁴.

3) По данным воспоминаний нельзя судить о социальной принадлежности того или иного кустика, но, исходя из общих тенденций развития экономики страны, можно говорить о преобладающей роли частного капитала в кустарной промышленности округа и самого города, а также в тесно связанной с ней торговле. Перед началом своей деятельности мелкие производители (кустики), как и торговцы, должны были выкупать патенты и уплачивать прогрессивный налог.

Как показал анализ воспоминаний, главная отрасль, куда устремились частные капиталы горожан в годы НЭПа, было производство пищевых продуктов, а именно хлебопекарное, кондитерское и колбасное производства. Следует отметить, что в Кузнецком округе по данным 1926 г., производство пищевых продуктов находилось на 1-м месте по всем показателям: число предприятий — 1333, рабочих — 1795, валовая продукция — 333459 руб.³⁵

В Кузнецке действовало достаточно большое количество хлебопеков и кондитеров, которые даже конкурировали между собой (Рис. 2). «Пекли хлеб Попов, Ф.И. Филимонов, но у Ф.К. Шабурова хлеб был всегда лучше, пышнее, больше булки». Ассортимент товаров кузнецких хлебопеков и кондитеров был достаточно разнообразным — хлеб, пироги, пельмени, сушки, пряники, печенье, сайки, конфеты-леденцы, квас. Некоторые хлебопеки имели свои лавки на Базарной площади (Федеряевы, Я. Пухарев, М. Крайнев), другие просто выставляли стол на базаре, который проходил по пятницам и субботам, либо торговали у себя на дому (Попов). По воспоминаниям в разные моменты периода 1920-х гг. в Кузнецке занималось хлебопекарным и кондитерским производством 8 человек. Некоторые из них, как Попов и Ф.И. Филимонов, выпекали хлеб еще до революции. Другие, как бывший мыловар Т.А. Горбачев, занялись производством хлебобулочных изделий, почувствовав прибыльность столь нужного предприятия. Интересно, что в течение некоторого времени в городе действовала приехавшая из Барнаула целая артель кондитеров под руководством некоего Н.И. Сухаринова.

В 1920-е гг. в Кузнецке работала крупная колбасная мастерская З.П. Коробова (Рис. 8), который происходил из семьи барнаульского торговца. Работая в Барнауле с 14 лет в колбасной, он стал хорошим мастером. В Кузнецке колбасное дело Зиновий Петрович организовал при помощи своего дяди — портного и торговца галантереей Никандра Осиповича Коробова. В его флигеле они развернули кипучую деятельность: скупали скот в деревнях, у горожан, кололи его, на большой мясорубке крутили мясо. В 1925 г. З.П. Коробов расширил производство, купил дом по переулку Подгорному, где в ограде построил отдельные здания: колбасную, копильню, кишечную. Он завел большую приводную мясорубку (лошадь приводом крутила шестерни), нанял 4-х рабочих. По пятницам и субботам Коробов торговал колбасой, часть товара сдавал в кооперацию.

Производство одежды, обуви и головных уборов, которое включало в себя пимокатные, портняжные, сапожные мастерские, находилось в Кузнецком округе на 2-м месте по числу предприятий — 777 с числом рабочих 809 человек³⁶. Эта

³³ Отчет Кузнецкого окружного исполнительного комитета... 1929. С. 25-26.

³⁴ Боханов А.Н., и др. История России. XX век. М., 1996. С. 220.

³⁵ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 17. Л. 29.

³⁶ Там же.

большая цифра была связана с возросшей у населения нуждею в обуви (сапогах, валенках и т.д.), которой остро не хватало в 1920-е гг., после войн и разрухи. В Кузнецке работало несколько пимокатов-частников, которые, как и до 1917 г., катали валенки на дому при помощи шерстобиток. Один из них — Владимир Самойлов, сын убитого роговцами владельца крупной пимокатной мастерской Тита Самойлова, продолжал дело своего отца. Нам известны имена еще нескольких пимокатов: В.М. Скобелин, А.П. Митюков, Н.С. Вагин. Однако, судя по воспоминаниям, общее число пимокатов в Кузнецке в 1920-е гг. по сравнению с дореволюционным периодом было невелико. Начиная с 1922 г. в Кузнецке действовала сапожная мастерская И.Н. Лыченкова, который приехал в город из деревни Феськи. Он держал 2-3 учеников, 2-3 мастеров. Житель Кузнецка М.Н. Севергин, работая у Лыченкова, получал по договору 15 рублей в месяц. Под влиянием НЭПа жители Кузнецка стали прибегать к услугам портных, которые в это время относились к одной из самых зажиточных категорий городского населения. В связи с этим весьма неслучаен факт того, что уже упомянутый портной и торговец галантереей Н.О. Коробов смог заняться колбасным производством. Старожилы сообщают о частной портнихе Л.М. Сыркашевой, которая жила и работала на квартире у портного П.Я. Рузина.

Металлообработка в Кузнецком округе по данным 1926 г. включала в себя 54 слесарных, 573 кузнечных, 27 жестяных и 9 часовых мастерских³⁷. По данным воспоминаний в Кузнецке действовало около 4-5 кузниц (в дореволюционное время 13). Все начинали свою работу до 1917 г. По-прежнему самым крупным хозяином кузнечно-слесарных мастерских в городе был Н.А. Степанов, который содержал нескольких рабочих. Степанов всем выдавал продукты, платил зарплату. В его «Иллюзион» (первый городской немой кинотеатр) работающие у Степанова ходили бесплатно. Кроме предприятия Степанова действовали кузницы, принадлежавшие Г.С. Аргунову, В.С. Савинцеву, А.В. Наумову, И.Г. Власову. Работающие по патентам кузнецы обслуживали нужды горожан, крестьян близлежащих сел, выполняли заказы городских организаций. В частности, из воспоминаний известно: А.В. Наумов после возвращения из армии в 1920 г. возобновил работу на кузнице вместе с сыном. Наумовы держали кузницу до 1928/29 гг., выполняли заказы от Райугля. И. Власов работал в кузнице отца, но в 1920 г. в связи с отсутствием железа перешел работать к Степанову. Вместе с ним работали И.И. Щуков и М.И. Пронька. Кузнец В. Шмелев и его брат трудились в мастерской по жестяному делу.

В кожевенном и овчинном производстве Кузнецкого округа насчитывалось в 1926 г. 154 кожзавода, 178 овчинных и 13 шорных мастерских³⁸. Несмотря на такое высокое количество предприятий, деятельность этого вида кустарной промышленности в воспоминаниях старожилов оказалась практически не отражена. Возможное объяснение кроется в том, что данное производство было больше связано с деревнями, где непосредственно располагался источник кожсырья. Подтверждением этому является информация о создании в деревне Феськи в годы НЭПа артельного кожевенного завода, который в конце 1930-х гг. был переведен в район Форштадта г. Кузнецка.

Обработка дерева и строительное дело были представлены в Кузнецком округе 347 предприятиями³⁹. В Кузнецке работало несколько плотников, которые, как и до революции, могли объединяться для подрядных работ. Например, Г. Кудашкин набирал группу плотников и заключал договора не только с частни-

³⁷ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 17. Л. 29

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

ками, но и с горкомхозом. В 1925/26 гг. его бригадой был поставлен деревянный мост через ров у пивзавода. Строители во главе с Кудашкиным также устанавливали деревянные столбы и палисад у почты. П. Сундугашев с группой плотников по подряду у горкомхоза перестилал полы в здании городской больницы.

Мыловаренное производство в Кузнецке в годы НЭПа характеризовалось существованием единственной мастерской, созданной Т.А. Горбачевым, который приехал в город из с. Поломошное в 1917 г. Интересно, что старожилы сообщают о непрерывной работе этой мыловарни и в 1918 г., и во время колчаковщины, и в годы НЭПа. Завод Горбачева располагался на Форштадте, на берегу протоки Иванцевки. Мыловарня работала в строении, в котором до революции находилась мыловаренная мастерская купца П. Тытыякова. Жительницы Кузнецка сестры Ковырзины вспоминают: «Зимой 1922/23 гг. работали у частника-нэпмана Горбачева, мыли котлы из-под мыла после его варки, убрали мыловарню».

Транспортная группа производства, т.е. извоз, продолжала иметь место в Кузнецком округе в 1920-е гг., т.к. железная дорога была проведена не везде, автомобильного транспорта тоже было мало. По данным 1926 г. в Кузнецком округе насчитывалось 256 транспортных предприятий с количеством рабочих 187 человек⁴⁰. Как сообщает в своих воспоминаниях А.Г. Дудин, «все товары в Кузнецк возили из Томска подводами. Гужевой обоз двигался по льду реки Томи, а летом доставляли пароходами»⁴¹. Извозчики в 1920-е гг. использовались прежде всего в работе различных организаций (Райпотребсоюз, Союззолото и др.).

Свертывание НЭПа, начавшееся в стране в 1928 г., отразилось на кустарной промышленности в виде насильственного кооперирования частных производителей в артели, которые в свою очередь объединялись куспромсоюзами. В Кузнецком округе Куспромсоюз был организован в апреле 1928 г., а к 1 октября 1928 г. союзом было уже кооперировано 70 артелей с 1500 членов, что составляло около 20% всех кустарей Кузнецкого округа⁴². Однако объединение в артели происходило без подготовленной финансовой базы, что приводило к распаду некоторых из них. В отношении другой части использовались административные меры, политика запрещения, закрытия мастерских. По свидетельствам старожилов, в том числе А.Г. Дудина, частники Кузнецка (кустари и торговцы) достаточно активно прижимались налогами. Кроме того, частники подвергались раскулачиванию, преследованиям в виде лишения права голоса (т.н. «лишенцы»), они вынуждены были покидать Кузнецк в поисках лучшей доли либо переходить на работу в государственные и кооперативные организации. В начале 1930-х гг. против оставшихся в городе частников уже применялись репрессии и аресты.

В ходе кооперирования в кустарной промышленности Кузнецка произошли следующие изменения. В 1928 г. на базе частных кузниц была создана артель им. Ильича, в которую вошли все кузнецы города. Артель располагалась на месте кузнечно-слесарных мастерских Н.А. Степанова, который к тому времени был лишен своего имущества и вынужден был уехать из города. Артельщики делали железные койки, тазы, ведра, паяли чайники. Известно, что это предприятие существовало в 1930-е гг. и во время Великой Отечественной войны, включая в себя несколько мастерских-цехов, находящихся в разных точках города.

Все, кто занимался гужевыми перевозками, были объединены в артель «Ломовик», в которую вошли 80 экипажей. Однако вскоре артель распалась. Некоторых извозчиков заставили продать своих лошадей в организацию «Союззоло-

⁴⁰ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 17. Л. 29.

⁴¹ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 44. Л. 5.

⁴² Отчет Кузнецкого окружного исполнительного комитета... 1929. С. 26.

то». В начале 1930-х гг. в городе была создана новая гужетранспортная артель «Красный моряк». Новое предприятие перевозило грузы, в том числе на золотые прииски, а также занималось сплавом угля на своих баржах с шахты «Абашевской» до города, где сырье разгружали в районе Топольников.

В ходе свертывания НЭПа в Кузнецке были уничтожены частное заведение Сташука по изготовлению сальных свеч, сапожная мастерская Лыченкова. В 1929 г. портниха Сыркашева и другие портные Кузнецка со своими швейными машинами были объединены в артель «Игла», возглавил которую П.Я. Рузин. С началом борьбы с частным элементом Коробовы были лишены права голоса и своих построек. Н.О. Коробов в трехдневный срок был выселен из Кузнецка. З.П. Коробову пришлось сдать мясорубки в Тельбесский ЦРК, где он некоторое время заведовал колбасной мастерской. В дальнейшем Коробов был вынужден уехать из города: сначала в Мундыбаш, где он вновь сумел организовать колбасную мастерскую при руднике, затем в Прокопьевск. Однако наступивший 1937 г. и арест прекратили деятельность колбасного мастера.

Своеобразие мелкой промышленности Кузнецка в отличие от кустарной отрасли, где практически полностью господствовал частный капитал, заключалось в существовании здесь всех трех форм собственности — государственной, кооперативной и частной. Однако этот вид промышленности по данным 1926 г. в своем объеме заметно уступал кустарной отрасли. Тем не менее, наибольшее количество сведений в воспоминаниях, касающихся 1920-х гг., связано именно с информацией о мелкой промышленности, а точнее о таком ее виде, как табачные фабрики. История этих предприятий, пожалуй, наиболее яркое явление в социально-экономической жизни Кузнецка эпохи НЭПа.

По рассказам старожилов, одним из первых частных предприятий Кузнецка, которое возникло здесь еще на заре НЭПа — в 1921-1922 гг., была организованная китайцами табачная фабрика, получившая от горожан название «Шанхай». Каким же образом оказались жители Поднебесной в отдаленном от центров Кузнецке, к которому в то время даже не была проведена железная дорога? Стоит заметить, что китайская миграция в России, Сибири имеет свою историю. Представители этой удивительно трудолюбивой и энергичной нации начали селиться на территории России, Дальнем Востоке еще в 1830-е гг. Проникая сюда в качестве искателей женьшеня, охотников и купцов, они проводили здесь лишь лето, а с наступлением холодов возвращались обратно на родину⁴³. После начала Первой мировой войны в страну царским правительством и различными фирмами был завербован и привезен 100-тысячный контингент китайских рабочих для выполнения тяжелых военно-оборонительных работ, на лесозаготовки, шахты, каменоломни⁴⁴. Известно, что на угольных копях Кузбасса в годы первой мировой трудились завербованные китайцы. В частности, в 1916 г. на Кольчугинском руднике из 2432 рабочих 96 были китайцами. В 1917 г. из почти 12 тысяч рабочих предприятий «Копикуза» 658 были китайцами⁴⁵.

Революция 1917 г. и гражданская война перевернули судьбы всех народов, проживавших на территории бывшей Российской империи. Не обошли стороной эти события и китайцев, большая часть которых осталась без постоянной работы. Лишившись возможности вернуться на родину, китайцы вынуждены были, чтобы не погибнуть от голода и холода в чужой стране, перебиваться случайными зара-

⁴³ Китайцы // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. II. Ст. 686-687.

⁴⁴ Ларин А. Красноармейцы из Поднебесной // Родина. 2000. №7. С. 56.

⁴⁵ Очерки истории партийной организации Кузбасса. Кемерово, 1973. Ч. I и II. С. 59, 75.

ботками или службой в армии (как в Красной, так и в армии Колчака)⁴⁶. Как вспоминает один из старожилов города Денис Быков, принимавший непосредственное участие в гражданской войне, «...в 1920 г. китайцев в Кузнецке было много, они служили в красноармейском караульном батальоне, который прибыл из Новониколаевска». Видимо, с окончанием военных действий демобилизованные бойцы остались в Кузнецке, а начинающаяся новая экономическая политика помогла им проявить себя в другой, более приемлемой для них области.

В начале 1920-х гг. устойчивые, хотя и немногочисленные китайские колонии, сформировались во многих городах и населенных пунктах Западной Сибири. В Новониколаевске, Рубцовске, Славгороде, Бийске, Барнауле китайцы одними из первых воспользовались относительной либерализацией экономического режима страны пребывания, начав заниматься лоточной торговлей, бытовым обслуживанием местного населения, кустарным промыслом и т.д.⁴⁷

Как выяснилось, в нашем городе наблюдалось такое же явление. «Кузнецкие» китайцы смогли точно уловить потребности и возможности местного рынка. Еще с конца XVIII в. жители города и уезда достаточно активно занимались выращиванием табака, сбывая его купцам, которые в свою очередь увозили и продавали этот товар на табачные фабрики в Томск и Бийск. Китайцы, видимо, быстро поняли: сырье можно перерабатывать на месте, без особых усилий изготавливая конечный продукт — пачки с махоркой, которые пользовались постоянным спросом. Созданная китайцами табачная фабрика размещалась в несохранившемся ныне деревянном доме в районе Советской площади (Кузнецкий район города Новокузнецка). Трудилось там человек 10-12 китайцев, которые закупленный у населения табак рубили топорами на чурках, обитых жестью. Жительница города Анна Кропотова вспоминает: «Кузнечане, в том числе и Кропотовы, высевали на участках много табака, обрабатывали его и сдавали на фабрику китайцам. Работы по уходу за табаком было очень много. После высадки его надо было поливать, полоть, 2 раза пасынковать, обламывать шишки, листья, уметь складывать их, рубить стволы, расстилать в кучах на землю. После просушки табак укладывали в папуши, связывая шпагатом за кончики стебельков. Кропотовы наготавливали и сдавали на фабрику целую телегу сушеного табаку, но цена была низкой». Еще одна кузнечанка Ольга Ардакова рассказывает: «Имея 2 огорода, мы с сестрой и отцом почти всю землю засевали под табак. Работы по его выращиванию и обработке было много. Отец то и дело на таратайке с Томи возил воду, а мы изматывались в огороде, не зная отдыха». Ввиду отсутствия в городе промышленности некоторые из жителей нанимались к китайцам в качестве надомников делать пачки под махорку. Например, Валентина Шабаргина две зимы подряд клеила этикетки для фабрики «Шанхай». Кроме нее этим делом занимались другие женщины и подростки Кузнецка. Оплата их труда также была низкой. Кто-то из рабочих развозил надомникам бумагу, клей и приспособления. Готовые изделия Шабаргина отвозила в контору в деревянных ящиках.

Помимо изготовления махорки китайцы торговали в Кузнецке шелковыми платками и блузками. Жили китайцы на частных квартирах, а для удобства общения брали себе русские имена. Например, заведующего фабрикой звали Алек-

⁴⁶ Дацышен В.Г. Проблемы китайской миграции в Сибири: история и современность // Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. Материалы международного научно-практического семинара. Новосибирск, 2002. С. 206.

⁴⁷ Бойко В.С. Миграционные связи Азиатской России и Зарубежной Азии как фактор социально-экономической жизни и безопасности региона (на примере Алтайского края) // Миграция и опыт взаимодействия... Новосибирск, 2002. С. 199-200.

сей Алексеевич, рабочих — Иван, Владимир... Некоторые китайцы даже успели жениться на кузнечанках и обзавестись детьми.

Несмотря на дальнейшее существование китайских общин в Сибири, судьбы китайцев в Кузнецке не сложились. Работа табачной фабрики «Шанхай» — одного из первых частных предприятий нашего города в период НЭПа, продолжавшаяся от силы года два, была приостановлена властями. Как вспоминают старожилы, все китайцы, проживающие в городе, были выселены из пределов Советского Союза. В 1920-гг. в Кузнецк китайцы больше не вернулись. Однако китайская идея о табачной фабрике в нашем городе продолжала жить, прибыльное дело было подхвачено другими людьми. Из многочисленных рассказов старожилов известно, что чуть позже, в середине 1920-х гг. в Кузнецке возникли и работали еще две табачные артели.

Первая из них — фабрика «Надежда» — была организована ссыльными спецрасселенцами, сведения о которых весьма скудные. Старожилы называют их евреями, приехавшими в количестве 5-6 человек то ли из Ленинграда, то ли из Москвы. Бывшая работница «Надежды» Елена Миляева, к сожалению, плохо запомнила фамилии всех своих руководителей-частников, в ее памяти сохранились лишь следующие имена: Николай Моисеевич Шапиро, Александр Львович и Олег Сергеевич. Благодаря справке, которую выдали руководители «Надежды» Елене Николаевне, нам известны некоторые подробности из истории этой фабрики. Данные документа, который скопировал краевед В.П. Девятяров, свидетельствуют: 1 августа 1925 г. Миляева устроилась работать бандерольщицей на табачно-махорочную фабрику производственно-промышленного объединения «Надежда», где служила вплоть до 25 августа 1926 г. На справке стояли подпись «Шапыро» (Шапиро) и штамп.

Фабрика «Надежда» располагалась на бывшей усадьбе владельца кузнечно-слесарных мастерских Н.А. Степанова. По рассказам старожилов, владельцы «Надежды» скупали у местных жителей табак (по 5 рублей пуд), сами его рубили и держали несколько наемных рабочих. В качестве надомницы по наклейке этикеток здесь трудилась кузнечанка Елена Ковырзина, вместе с которой работали еще несколько жителей. «Мы собирались часто для клейки этикеток вместе, пели», — вспоминает она. Старожил Илья Мясоедов трудился на «Надежде» сушильщиком табака. «Это был вредный цех, работали всего по 6 часов, каждому выдавали за счет фабрики молоко, платили по 46 рублей в месяц. По тем временам это были большие деньги». Бывший ученик сушильного отделения Владимир Попугаев рассказывает, что платили на фабрике хорошо, и после одной из получек он смог купить себе бобриковое пальто.

Расцвет табачной промышленности в Кузнецке в 1920-е гг. привел к возникновению здесь наряду с фабрикой «Надежда» еще одной табачной артели под названием «Труд». Доказательством одновременного существования двух предприятий в городе являются следующие факты. По воспоминаниям Елены Миляевой, после ликвидации «Надежды» в августе 1926 г. все ее имущество, машины и рабочие кадры были переданы *уже существовавшему в городе* производственно-промышленному кооперативу «Труд». Помимо сведений старожилов в нашем распоряжении находятся статистические данные 1926 г., из которых узнаем, что в Кузнецком округе числилось две табачные фабрики с валовой продукцией 120 тыс. руб. и количеством рабочих 15 человек⁴⁸. Кстати, следует отметить, что по уровню доходности табачные фабрики опережали все остальные предприятия мелкой промышленности округа, что также служит подтверждением относительно высокого развития табачной отрасли. Несмотря на прибыльность табачных фаб-

⁴⁸ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 17. Л. 30об.

рик, на них в полной мере отразилось свертывание новой экономической политики, начавшееся со второй половины 1920-х гг.

Ликвидация «Надежды», а именно ее насильственное объединение с кооперативом «Труд», явилось сигналом к будущим переменам. Закрытие этой фабрики, видимо, объяснялось борьбой с частным элементом, в ходе которой государство использовало самые различные меры — налоговое наступление, административные меры, политику запрещения, закрытия, насильственного объединения. Ситуация с «Надеждой» в Кузнецке — пример подобной политики, в результате которой в стране к 1929 г. произошло сокращение мелкого и кустарно-ремесленного производств. После закрытия «Надежды» контора реорганизованной в 1926 г. фабрики «Труд» была перенесена на бывшую усадьбу Степанова. По воспоминаниям работницы фабрики Елены Миляевой, «вобрав в себя от «Надежды», «Труд» экономически усилился». Как и предыдущие артели, «Труд» осенью скупал сырье у жителей города, которые по-прежнему засевали табаком по несколько соток земли. Из рассказов старожилов известно, что председателем артели, созданной на паях, был некий Георгий Андриянович Демидов. Профессиональный состав рабочих фабрики включал в себя такие специальности, как заготовители, сушильщики табака, набивщики махорки, которые трудились на станках по набивке махорки, наклеивщики этикеток, бандерольщики, оклеивающие пачки с махоркой тонкой бумагой для защиты товара от подделки.

Кроме воспоминаний старожилов работу кооператива «Труд» иллюстрируют еще два интересных документа, которые удалось обнаружить в фондах краеведческого музея. Первый — это цветная этикетка для пачки с махоркой с изображением дамы бубен (Рис. 7)⁴⁹. Этикетка заказывалась в Новосибирской типографии и была выпущена 21.11.1927 г. Интересно, что она попала в музей в качестве своеобразного удостоверения 1931 г., принадлежащего участнику гражданской войны, жителю города П.В. Потопаеву, которое он получил, являясь работником Новокузнецкого районного союза кустарно-промысловых кооперативов. Личный документ этого человека был выполнен на оборотной стороне этикетки. Как вспоминает старожила Елена Михайлова, владелица еще одного такого удостоверения от 1932 г., ввиду нехватки бумаги исполком всякие справки, удостоверения печатал на обратной стороне этикеток, оставшихся после закрытия фабрики «Труд». На этикетке с удостоверением Потопаева напечатаны: полное название предприятия — «Махорочная фабрика промыслово-кооперативного товарищества «Труд», название товара — «курительная махорка», его вес — «50 грамм», предупреждающая надпись — «Продажа по цене выше обозначенной карается по закону. Ц. 7¹/₂ к.», «тираж 200.000». Еще одним свидетельством, рассказывающим о деятельности фабрики «Труд», является протокол № 6 заседания бюро Кузнецкого РК ВЛКСМ от 7.09.1927 г.⁵⁰ В нем зафиксировано решение комсомольцев Кузнецка о разделении городской комсомольской ячейки на 2 части: городскую и производственную при табачной фабрике «Труд». По рассказам бывших работников этого предприятия, среди которых большинство составляла молодежь, они развернули настоящее соревнование, наклеивая этикетки: кто больше? Екатерина Шестерина вспоминает: «Норма на день была 4 тысячи штук. Активисты создали специальные комиссии, ежедневно учитывали: как быстро и кто больше. Потом об этом печатали в стенных и городских газетах».

По воспоминаниям старожила Дениса Быкова табачная артель «Труд» перестала функционировать в городе в ходе наступившего экономического кризиса 1929 г., известного в истории под названием «ножницы цен»: «Образовалось

⁴⁹ НКМ. ОФ. ДФ. 951.

⁵⁰ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 14. Л. 13.

много излишков махорки (затоваривание), и артель была ликвидирована. К этому времени в Томске и Бийске были созданы государственные советские табачные фабрики. При ликвидации кузнецкой артели «Труд» остатки табака были переданы на Томскую табачную фабрику».

Помимо обширных сведений о табачных фабриках в воспоминаниях имеются факты о работе еще нескольких предприятий мелкой промышленности, которые имели механические двигатели. Одно из них — паровая мельница, располагавшаяся в районе современного Деревообрабатывающего завода (ДОЗа) г. Новокузнецка, на левом берегу Томи (речной вокзал) (Рис. 11). До революции это предприятие принадлежало частнику А.В. Соколову, который приехал в Кузнецк с Алтая, где работал управляющим золотого прииска. После установления Советской власти в 1918 г. паровая мельница была национализирована. Как рассказывают старожилы, некоторое время А.В. Соколов еще продолжал жить в городе, но затем покинул Кузнецк. Средств на восстановление порядком изношенного мельничного оборудования у новой власти не было, и предприятие, которое нуждалось в ремонте, было законсервировано. Правда, ненадолго. С началом НЭПа мельница была передана в ведение Кузнецкого Союза кооперативов. Предприятие отремонтировали и, несмотря на то, что большой мощностью мельница не отличалась, в 1920-е гг. она продолжала давать муку, обслуживая как организации, так и частных. Известно, что в середине 1920-х гг. с пуском первой городской электростанции в районе современной Советской площади начала свою работу другая мельница, которая действовала уже при помощи электричества и подчинялась райисполкому и коммунальному хозяйству города.

Пивной завод, построенный в Кузнецке в конце XIX в. ссыльным поляком И. Красимовичем, в первой половине 1920-е гг. не работал, стоял на консервации. В 1925 г. пивной завод, получивший название «Бавария», был сдан в аренду некоему М.А. Владиславскому (Рис. 6). По данным 1926 г. на заводе работало 10 человек, валовая продукция оценивалась в 9 тыс. 570 рублей⁵¹. Старожил М.Н. Севергин, работавший в то время на пивном заводе, вспоминает: «После смены каждому рабочему разрешали унести домой по 2 бутылки пива». С началом свертывания НЭПа и в ходе проведения в Кузнецке компании по раскулачиванию в 1929/30 гг. семья Владиславского подверглась репрессиям и выехала из города. Пивной завод на некоторое время вновь был закрыт.

По данным 1926 г. в Кузнецком округе было две типографии, которые располагались в Щегловске и Кузнецке. В нашем городе типография под названием «Алтай» возникла в 1912 г. как частное предприятие, которое основал приехавший из Иркутска мещанин И.С. Коковин. В 1918 г. Коковин продал свою типографию акционерному обществу «Копикуз». После пожара 1921 г., в котором сгорели здание, занимаемое типографией, и часть ее оборудования, предприятие было передано только что организованному Укустпрому. В восстановленной И.С. Коковиным типографии, которую после этого разместили в здании винного завода, в 1920-е гг. печатались: двухполосная газета «Крестьянская правда», различные бланки для учреждений города. По воспоминаниям дочери Коковина, Александры Ивановны, в 1923 г. типографию перевели в дом купчихи Медниковой, где в трех комнатах располагалось оборудование предприятия, состоявшее всего из двух печатных машинок. Трудилось в типографии около 10 рабочих, включая заведующего. В таком виде типография, принадлежавшая во второй половине 1920-х гг. коммунальному хозяйству, просуществовала вплоть до начала строительства КМК, после чего была перестроена.

⁵¹ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 17. Л. 30об.

Кооперация. Наряду с развитием промышленности и частной торговли в социально-экономической жизни Кузнецка и Кузнецкого региона заметное место в годы НЭПа приобрели различные виды кооперации. В годы военного коммунизма все виды кооперации были слиты в один — потребительскую, которая занималась заготовкой второстепенных сельскохозяйственных продуктов и распределением товарного фонда среди населения. С переходом к НЭПу государство предоставило возможность развития различным формам кооперации: потребительской, сельскохозяйственной, снабженческой, кредитной, промысловой, производственной. Все звенья кооперативной системы переводились на хозрасчет и получали финансовую самостоятельность. Наиболее быстро развивалась потребительская кооперация, тесно связанная с сельским хозяйством.

Потребительская кооперация. По данным 1929 г. система потребительской кооперации была самой мощной в округе из всех кооперативных организаций. В организационном плане кооперация округа претерпела следующие изменения. Существовавший с 1916 г. Кузнецкий союз кооперативов в сентябре 1921 г. был преобразован в Кольчугинское и Кузнецкое Райотделение Томгубсоюза. 30 сентября была создана коллегия Кузнецкого Райотделения из 3-х человек во главе с И.Г. Бекишем. В 1924 г. районирование заставило Томгубсоюз распаться на ряд райсоюзов, и с июля 1924 г. в Кузнецком округе был образован самостоятельный «Ленинский союз потребительских обществ»⁵².

В Кузнецком районе, видимо, существовал свой районный потребительский союз («Райпотребсоюз») (Рис. 3), сведения, о деятельности которого мы находим на страницах воспоминаний. Старожилы сообщают, что управление Райпотребсоюза находилось в Кузнецке, в деревянном двухэтажном доме купца Родионова и в каменном магазине купца Окулова на Базарной площади. Как и каждое районное отделение, Кузнецкий РПС имел свою сеть потребительских обществ в деревнях. Видимо, РПСу подчинялось также городское потребительское общество, о котором мы знаем не так много. Известно лишь, что правление единого потребительского общества из 5 человек было создано на заседании Кузнецкого укома 10.02.1922 г.⁵³ Кроме того, в воспоминаниях старожила Д.Я. Петрова, работавшего в городском потребительском обществе, содержатся данные о времени действия этой организации на протяжении 1922—1926 гг. (Рис. 4).

Основными задачами потребительской кооперации являлись заготовительные операции сельскохозяйственных продуктов и снабжение населения промышленными товарами. Из воспоминаний старожилов становятся известны факты именно о заготовительной стороне работы Кузнецкого Райпотребсоюза, который имел свое подсобное хозяйство в деревнях Лучшевой, Бедаревой в виде покосных угодий, посевных площадей, где также содержал лошадей. В частности, упоминаемый выше Петров летом 1922 г. сеял хлеб для РПС в Лучшевой. Житель деревни Бедаревой Л.В. Лоншаков рассказывает, что «РПС имел в этой деревне свои покосные угодья и содержал лошадей, здесь же пахали и сеяли пшеницу. В 1923 г. управляющий РПС Дементьев выписал для организации конную молотилку, которую доставили в разобранном виде по железной дороге в Кольчугино. Из Кольчугино в Кузнецк отец Лоншакова вез ее на своих лошадях. Все снопы с полей РПС измолотили за три дня, а поскольку отцу были должны за перевоз молотилки, она перешла к нему». До 1925 г. РПС занимался также заготовкой масла, в связи с чем там существовала специальная молочная секция. Работу раймолсекции с 1922 по 1926 гг. возглавлял В.А. Калюш. Правда, само маслоделие в те годы находилось на низкой стадии развития. Вплоть до 1924 г. масло-

⁵² Десять лет борьбы за Советы. 1917-1927 гг. С. 58, 59.

⁵³ ПАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 448. Л. 62.

заводов в округе было мало, их состояние было неважным. В 1926 г. маслодельная промышленность перешла от потребительской кооперации к Маслосоюзу, т.е. оказалась объединена системой молочной кооперации⁵⁴. Данных о развитии маслоделия в Кузнецке в годы НЭПа в воспоминаниях практически нет. Мы располагаем лишь сведениями о семье Антипиных, которые еще до революции занимались этим видом сельского хозяйства. В 1920-е гг. в семье Антипиных насчитывалось 9 коров, телята. Антипины продолжали делать сливки, сливочное или топленое масло, сдавали его в кооперацию. Последнее указывает на объединение представителей данной отрасли в Кузнецке в системе молочной кооперации.

Рабочая кооперация. После издания декрета от 7.04.1921 г. «О потребительской кооперации» в Сибири стали развиваться, как и по всей стране, рабочие кооперативы. Основными задачами рабочей кооперации были снабжение рабочих и городского населения продуктами питания и товарами первой необходимости, а также вытеснение из бюджета рабочих частного торговца⁵⁵. Несмотря на то, что с 1921 г. в Кемерово, Ленинске, Прокопьевске возникли рабочие кооперативы на базе бывших потребительских обществ, мы не располагаем данными о рабочей кооперации в Кузнецке вплоть до 1926 г. Первое упоминание о Кузнецком ЦРК относится к октябрю 1926 г.⁵⁶ Видимо, рабочий кооператив в нашем городе появился после создания весной этого же года Тельбесского бюро, в условиях начала строительства Кузнецкого металлургического завода (Рис. 9). Как вспоминают старожилы, Кузнецкий ЦРК располагался в бывшем деревянном магазине купца Ермолаева на Базарной площади (Рис. 10). После начала строительства КМК Тельбесский ЦРК открыл магазин на Верхней колонии.

Кредитное и машинное товарищества. Из других видов кооперации в Кузнецком округе существовала сельскохозяйственная кооперация, которая объединялась представительство Сибсельскосоюза, начавшего свое существование в округе 1 мая 1926 г.⁵⁷ Из 6 банков, существовавших в стране в годы НЭПа, сельское хозяйство преимущественно финансировал местный банк — Сибирский Краевой сельскохозяйственный банк (Сибкрайсельбанк) или Сибирское общество сельскохозяйственного кредита и низовой сети. Банк был учрежден в Новониколаевске в 1923 г. и вскоре приобрел систему, состоящую из его отделений и кредитных товариществ, входящих одновременно и в систему сельскохозяйственной кооперации⁵⁸. Для финансирования сельского хозяйства в Кузнецком округе 26 октября 1925 г. было создано Кузнецкое отделение этого банка, которое производило кредитование хозяйств и выдавало ссуды кредитным товариществам⁵⁹.

В Кузнецком округе сельскохозяйственная кооперация была представлена кредитными, машинными, семенными, мелиоративными, животноводческими товариществами. Из воспоминаний старожилов нам известно о деятельности в нашем городе в 1920-е гг. кредитного и машинного товариществ.

По данным 1926 г. в Кузнецком округе насчитывалось 19 кредитных товариществ с 9919 членами. В Кузнецкое кредитное товарищество входило 414 физических лиц, его обороты составляли 52556 рублей, что ставило эту организацию на 5-е место среди всех кредитных товариществ округа⁶⁰. Кредитное това-

⁵⁴ Десять лет борьбы за Советы. С. 51.

⁵⁵ Дудукалов В.И. Деятельность партийных организаций Сибири по развитию советской торговли в первые годы НЭПА (1921-1923 гг.). Томск, 1976. С. 63-64.

⁵⁶ Отчет Кузнецкого окружного исполнительного комитета... 1929. С. 59.

⁵⁷ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 17. Л. 35.

⁵⁸ Банки // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. I. С. 218.

⁵⁹ Десять лет борьбы за Советы. С. 54.

⁶⁰ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 17. Л. 35, 35об.

рищество в Кузнецке располагалось в магазине купца Шутова и как все подобные организации занималось выдачей ссуд, в основном в виде сельскохозяйственной техники. Старожилы сообщают, что кредитное товарищество выдавало в кредит: конные грабли, плуги, бороны, сепараторы, сортировки, веялки, сеялки, телеги, колеса и др. Например, кузнецанин И.М. Антипин с сыном купили в кредитном товариществе сортировку и жили за счет нее, провеивая зерно горожанам-хлебопашцам и получая за работу деньги или зерно.

Наряду с кредитными товариществами, выполнявшими функцию машиноснабжения населения, в Кузнецком округе возникли и существовали машинные товарищества как особая форма организации совместного использования крупных сельскохозяйственных машин — молотилок, борон, плугов, жнеек, конных граблей. По данным 1926 г. в округе было 29 машинных товариществ с 236 физическими лицами⁶¹. Организация подобных товариществ объединяла в своем составе 1-2 десятка домохозяев, имеющих ту технику, использование которой было непосильно для каждого крестьянского хозяйства в отдельности. Как сообщают старожилы, в досоветское время и в период 1920-х гг. у жителей города ни у кого не было молотяги на приводе для обмолачивания снопов. Только И.Р. Шуков имел в период НЭПа старую молотилку. Кузнецане молотили вручную цепями или наймовали молотилку у жителя деревни Лучшевой — Мамонтова. Первые машинные товарищества появились в Сибири в 1921-1922 гг., однако их было всего несколько. В 1925 г. Сиббюро ЦК РКП(б) и Сибревком приняли ряд мер, которые облегчали организацию машинных товариществ. Их освобождали от налогов, машины отпускали по низким ценам⁶². Судя по рассказам старожилов, к 1925/26 гг. — времени повсеместной организации машинных товариществ в Сибири — относится появление подобного объединения в Кузнецке.

Торговля. Бурное развитие частной торговли в Сибири началось в 1922 г., когда частный торговец убедился, что НЭП является основой хозяйственных отношений, а не временной кампанией. Первоначально все частное предприятие состояло в лотке, в лучшем случае в столике с товаром, торговля велась с рук, с возов. Затем в городах стали возникать частные торговые заведения стационарного типа (лавочки). Достаточно емкую характеристику состояния частной торговли в Кузнецке мы находим в воспоминаниях А.Г. Дудина, который вместе с другими коммунистами-продработниками с началом НЭПа в Кузнецке был переведен на работу в финансовые органы. «На базарных площадях Кузнецка много частных торговцев открыли свои лавки, палатки, заработали кустарные промыслы»⁶³ (Рис. 1). Как и по всей стране, частные торговцы в нашем городе торговали в основном предметами продовольствия — хлеб, хлебобулочные, кондитерские изделия, молоко, мед, колбаса. С целью контроля над развернувшейся частной торговлей декретом «О порядке открытия и производства всякой торговли и правилах надзора над ней» (июль 1921 г.) была предусмотрена выборка торговых и промысловых патентов, устанавливались санитарные правила и надзор над операциями частных торговцев⁶⁴. Вновь назначенному фининспектору пришлось быстро изучать законы и инструкции о патентах и патентном сборе, о налогах с оборота, с прибылей. «Приходилось туго завинчивать налоговый пресс и настигать частных торговцев повсюду. Мы начали проводить налоговую политику нашей партии в отношении нэпманов, чтобы они не превратились в капиталистов»⁶⁵.

⁶¹ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 17. Л. 35, 35об.

⁶² Боженко Л.И. Роль сельскохозяйственных орудий и машин... С. 154-155.

⁶³ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 44. Л. 6.

⁶⁴ Дудукалов В.И. Деятельность партийных организаций Сибири... С. 113.

⁶⁵ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 3. Д. 44. Л. 6.

Наряду с развитием частной торговли в годы НЭПа шло формирование государственного торгового аппарата. Уже в конце 1921 г. в ряде промышленных районов страны на базе отделов снабжения при губсовнархозах были организованы торговые бюро (губторги). Основными задачами губторгов являлись сбыт промышленных товаров и заготовка продовольствия и сырья (т.е. товарооборот). В Сибири губернские торговые бюро появились в начале 1922 г.⁶⁶ В Кузнецком уезде товарообменные конторы губторга были открыты в это время в Щегловске и Кузнецке. Однако торговые операции появившихся магазинов госрозницы ввиду слабой покупательной способности населения проходили еще слабо, и вскоре конторы были закрыты⁶⁷. На свертывание работы губторга в Кузнецком уезде в это время также повлиял ассортимент предложенных товаров. Это были неходовые материалы, залежавшиеся на складах. Особенно большое количество малоходовых товаров получил в момент организации Томский губторг — около 50%⁶⁸.

В период НЭПа уровень развития государственной торговли в Кузнецком округе, как и по всей стране, находился на последнем месте после частной и кооперативной торговли. Несмотря на открытие в 1925 г. в Щегловске и Ленинске розничных государственных магазинов, принадлежавших государственному паевому товариществу «Сибторг»⁶⁹, Кузнецк в это время не был охвачен системой розничной торговли. Причиной этому послужила малочисленность городского населения и, соответственно, отсутствие спроса на предметы госрозницы в виде промышленных товаров. По-видимому, магазин государственного акционерного общества розничной торговли («Акорт»), которое стало преемником «Сибторга», появился в Кузнецке только в связи с началом строительства КМК. Информатор А.В. Иванова сообщает, что «с весны 1931 г. работала кассиром в магазине «Акорта», который только что разместили в 2-хэтажном магазине купца Фонарева. Торговала мануфактурой, галантереей. Проработала с год, потом магазин закрыли, акционеров выгнали». Помимо «Акорты» государственная торговля в Кузнецком округе была представлена еще несколькими организациями. Продажа сельскохозяйственных машин осуществлялась Ленинским Отделением Сибсельскосклада; обслуживание литературой, канцелярскими и писчебумажными принадлежностями производилось отделением Сибкрайиздата (в г. Щегловске). Кроме того, в округе имелись государственные торговые организации по специальной торговле в виде «Госспирта», «Госшвеймашины», «Сибмедторга»⁷⁰.

В период НЭПа государственной торговле, также как потребительской и сельскохозяйственной кооперации, помимо сбыта были присущи заготовительные функции. Сибирь с ее огромными природными богатствами в этом плане представляла огромные возможности для заготовок пушнины, хлеба, масла и сырья. В 1920—е гг. в Сибири торгово-заготовительной деятельностью занимались многие тресты и синдикаты Европейской России, Урала, Украины и других районов страны. Их целью являлся сбыт своих товаров и заготовка сырья и экспортных ценностей⁷¹. По данным 1925/26 гг. в Кузнецком округе было 9 государственных заготовителей⁷². Одним из них было акционерное общество «Хлебопродукт», созданное государством в 1922 г. для сохранения своего господствующего положения на хлебном рынке. Отделения «Хлебопродукта» были созданы во всех

⁶⁶ Дудукалов В.И. Деятельность партийных организаций Сибири... С. 50-51.

⁶⁷ Десять лет борьбы за Советы. С. 62.

⁶⁸ Дудукалов В.И. Деятельность партийных организаций Сибири... С. 52.

⁶⁹ Десять лет борьбы за Советы. С. 62.

⁷⁰ Там же. С. 63.

⁷¹ Дудукалов В.И. Деятельность партийных организаций... С. 72-73.

⁷² Отчет Кузнецкого окружного исполнительного комитета... С. 61.

губерниях и районах Сибири. Конторы этой организации снабжали крестьян промышленными товарами и занимались заготовкой хлеба, масла, мяса, пушнины, которые в большинстве реализовывались на местных рынках⁷³. По воспоминаниям А.Г. Дудина, организация «Хлебопродукт», созданная в системе Наркомпрода, проводила в Кузнецке смешанную торговлю продовольственными товарами.

По данным 1927/28 гг., количество государственных заготовителей в Кузнецком округе сократилось до двух. Это были Госторг по всем видам экспортного сырья и Кожсиндикат по заготовкам кожсырья. К концу 1920-х гг. в общем объеме заготовок округа заметно увеличилось количество пушнины⁷⁴. По воспоминаниям Дудина и старожилов в Кузнецке при НЭПе действовала некая организация «Сибпушнина», склад которой размещался в амбарах купца Шутова. Мария Майнакова рассказывает о деятельности своего отца — шорского купца Н.А. Майнакова — большого знатока по торговле пушниной. «В Кузнецке он работал в организации под названием «Россо» по заготовке пушнины, был товароведом, зав. отделом, агентом и т.д. Менялись названия учреждений, а Майнаков на разных должностях работал в системе «Сибпушнина» вплоть до 1930 г. После доноса, ареста и кассации он восстановился и продолжал работать там же»

Сельское хозяйство. Сельское хозяйство страны, в том числе Сибири и Кузнецкого округа, в результате Первой мировой и гражданской войн находилось в состоянии упадка. С переходом к НЭПу в стране была пересмотрена система земельных отношений, и 22.05.1922 г. был принят основной закон о трудовом землепользовании. Главным моментом новой земельной политики являлось предоставление крестьянству свободы выбора форм и порядка землепользования — коллективное и единоличное, допускалась трудовая аренда земли и наем рабочей силы. За период с 1922 г. по 1926 г. в Кузнецком округе было подвергнуто землеустройству 1.157.045 га (общая площадь земель округа в 1925 г. равнялась 6.564.228 га, из них обжитых земель 2.568.413 га и необжитых 3.995.815 га)⁷⁵. Землеустроительные работы проводились за счет населения, но губисполкомам было предоставлено право понижать таксы для беднейших землепользователей или совсем освобождать их от оплаты за землеустройство за счет местных средств⁷⁶. Сибирская Советская энциклопедия, критикуя землеустройство восстановительного периода, указывает, что оно осуществляло свои задачи по восстановлению мелкого единоличного хозяйства, опирающегося на простейшие средства производства. По данным энциклопедии, в общем объеме землеустройства социалистический сектор в 1920/25 гг. занимал только 4,3%, в 1925/26 гг. — 7%⁷⁷. Таким образом, индивидуальный сектор резко преобладал над государственным и колхозно-кооперативным. Не было исключением и Кузнецкий округ, где до 1928 г. товарищеская или коллективная форма землепользования не имела развития. По данным 1926 г., в округе было только 9 коммун на площади 5.805 га⁷⁸.

Несмотря на то, что по новому закону земли городов и рабочих поселков относились к социалистическому сектору, в Кузнецке, как свидетельствуют воспоминания старожилов, широко практиковалась раздача участков в трудовое землепользование. Жительница города А. Кропотова рассказывает: «...в период

⁷³ Дудукалов В.И. Деятельность партийных организаций... С. 76-78.

⁷⁴ Отчет Кузнецкого окружного исполнительного комитета... С. 61.

⁷⁵ Десять лет борьбы за Советы. С. 53.

⁷⁶ Суверов Е.В. Землеустройство крестьянских хозяйств Сибири в первые годы НЭПа // 55 лет Кемеровской области. Кемерово, 1998. С. 85.

⁷⁷ Землеустройство // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. II. Ст. 140-141.

⁷⁸ НКМ. НФ-Д. Оп. 1. Р. 5. Д. 17. Л. 8об.

НЭПа в борьбе с разрухой и голодом, чтобы оживить хозяйственную жизнь горожан, местная городская Советская власть разрешила жителям разрабатывать, раскорчевывать вокруг города кустарники, всякие неудобицы под земельные участки, распахать их и засеять зерновыми и кто чем сможет». Кузнечанин Д.Я. Петров вспоминает: «Горсовет стал наделять земельными участками жителей Кузнецка. В этих целях городская наружная поскотина была перенесена ближе к городу. Высвободившаяся земля при этом выдавалась в частное пользование под засев зерновых». По многочисленным свидетельствам старожилов, Советская власть разрешила жителям Кузнецка расчищать от кустарника (боярышника, тальника) участки земли в пригородной части, вдоль есауловской дороги, начиная от городского кладбища (современный Сад алюминщиков) в сторону деревни Елань до Есауловки и Феськов. Пашнями были заняты площади современного КФЗ, НИХФИ, кирзавода, ЗРМК, завода монтажных заготовок, земли за Малоэтажным поселком. О размахе полеводства в Кузнецке в годы НЭПа говорит количество информаторов, связанных с земледелием — около 30 семей. Эта цифра намного больше числа занимавшихся этим видом хозяйства до революции, по данным тех же воспоминаний — 3 семьи. Благоприятная политика государства в 1920-е гг. привела к тому, что на первый план в сельском хозяйстве кузнечан вышло земледелие, в то время как до революции главным направлением здесь являлось скотоводство и огородничество.

Свидетельства старожилов указывают, что кузнечанам давали участки земли в зависимости от потребности семьи: от 1,5 до 8 десятин. Земли были хорошие, урожаи землепашцы получали отменные. В один год Д.Я. Петров с братом собрали богатый урожай — 160 пудов с 11 загонов. Семья Ушаковых с 1 десятины в первый год собрала урожай в более 100 пудов. Кузнечане сеяли и сажали самые разнообразные культуры: овес, просо, пшеницу, лен, коноплю, картофель. Как и до революции, уровень сельскохозяйственного производства оставался таким же. В качестве необходимого инвентаря землепашцы использовали борону, сеялку, телеги, сани. Урожай жали вручную серпами, снопы ставили в суслоны.

Существование достаточно большого количества жителей города, занимавшихся земледелием, привело к появлению в городе лиц, практиковавших аренду сельскохозяйственных машин. В частности, упоминаемый выше Д.Я. Петров в 1928 г. купил сортировку и пользовался ею 2 сезона. Горземотдел обложил его высоким налогом. Установив сортировку в своей ограде, Петров разрешил пользоваться ею другим жителям. За эти услуги он брал 1 фунт с пуда зерна и выписывал квитанции. За все это его чуть не раскулачили. Петров успел продать сортировку в колхоз деревни Мокроусовой. Помимо сведений о занятии хлебопашеством старожилы сообщают также о разведении различных пород скота и птицы в хозяйствах кузнечан: коров, лошадей, овец, уток, гусей. Покосы, необходимые для содержания скота, горожане отводили либо на своих земельных участках, либо, как до революции, покупали или обменивали у крестьян близлежащих деревень. По воспоминаниям старожилов, «частное предпринимательство на землю» в Кузнецке было ликвидировано в 1930/31 гг. У основной части землепашцев участки отобрали и передали образованному совхозу «Металлист» (деревня Кругленькое, поселок Нижнеостровский).

ЛИТЕРАТУРА:

Банки // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. I. Ст. 214-222.

Боженко Л.И. Роль сельскохозяйственных орудий и машин в развитии социально-экономических отношений в сибирской деревне (1920–1926 гг.) // Си-

бирь и Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1971. Вып. V.

Бойко В.С. Миграционные связи Азиатской России и Зарубежной Азии как фактор социально-экономической жизни и безопасности региона (на примере Алтайского края) // Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. Материалы международного научно-практического семинара. Новосибирск, 2002.

Боханов А.Н., Горинев М.М., Дмитренко В.П. и др. История России. XX век. М., 1996.

Горюшкин Л.М., Чаплик В.Е. и др. Борьба за восстановление народного хозяйства (1921-1925 гг.) // История Сибири. Л., 1968. Т. 4. Гл. IV. С. 177-218.

Дацышен В.Г. Проблемы китайской миграции в Сибири: история и современность // Миграция и опыт взаимодействия регионов по усилению этнополитической стабильности в Евразии. Материалы международного научно-практического семинара. Новосибирск, 2002.

Десять лет Советской власти. 1917-1927 гг.

Дудукалов В.И. Деятельность партийных организаций Сибири по развитию советской торговли в первые годы НЭПА (1921-1923 гг.). Томск, 1976.

Землеустройство // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. II. Ст. 136-145.

Китайцы // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. II. Ст. 686-688.

Кручина А. В глухом углу, в Кузнецке // Повествование о Земле кузнецкой. Кемерово, 1992.

Кузнецк // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. II. Ст. 1076-1077.

Кузнецкий округ // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т. II. Ст. 1093-1102.

Ларин А. Красноармейцы из Поднебесной // Родина. 2000. №7.

Лесное хозяйство // Сибирская Советская энциклопедия. Новосибирск, 1932. Т. III. Ст. 110-123.

Отчет Кузнецкого окружного исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов третьему Кузнецкому окружному съезду советов. Цегловск, 1929.

Очерки истории партийной организации Кузбасса. Кемерово, 1973. Ч. I и II.

Суверов Е.В. Землеустройство крестьянских хозяйств Сибири в первые годы НЭПА // 55 лет Кемеровской области. Кемерово, 1998.

Угольная промышленность Кузбасса. 1721-1996. Кемерово, 1997.

Усков И.Ю. Административно-территориальное деление Кузбасса. 1920-2000. Кемерово, 2000.

Рис. 1. Кузнецк. Базарная площадь. 1920 г.

Рис. 2. Хлебопекарня в Кузнецке. 1920 г.

Рис. 3. Члены правления и аппарат Кузнецкого Райпотребсоюза. 1923 г.

Рис. 4. Кузнецкая уездная конференция потребкооперации. 1920—е гг.

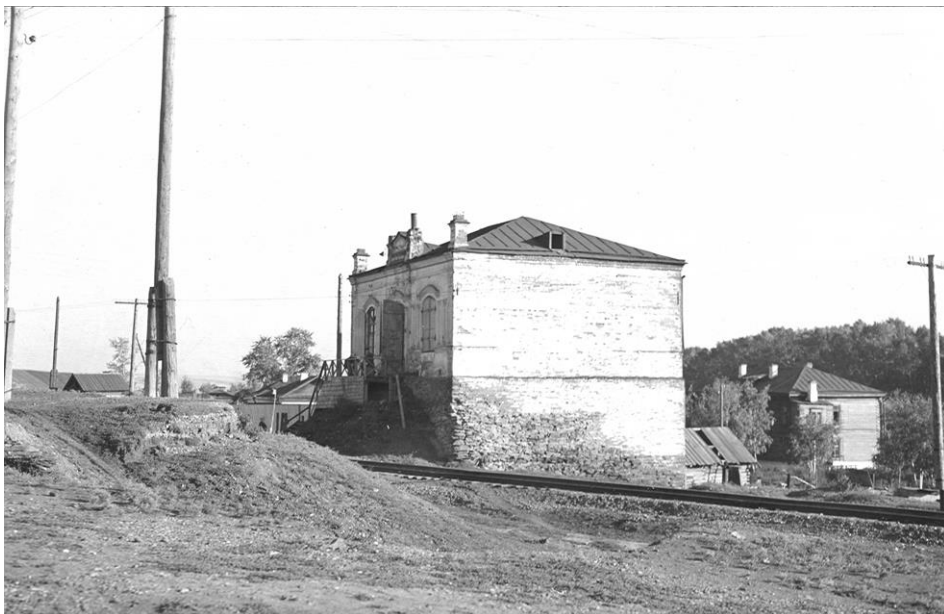

Рис. 5. «Золотоскупка» в Кузнецке. Бывший магазин купца Фонарева.

Рис. 6. Коллектив рабочих и служащих пивоваренного завода «Бавария» (арендатор М.А. Владиславский). Владиславский — третий во втором ряду (справа налево). 20.07.1928 г.

Рис. 8. Рабочие колбасной мастерской Тельбесского УРЦ г. Кузнецка. 1929 г.
Э.П. Коробов внизу, в центре.

Рис. 9. Участники 3-го собрания уполномоченных
Кузнецкого РАБКООПа (Тельбесского ЦРК). 1928 г., январь.

Рис. 10. Здание магазина Тельбесского ЦРК.

Рис. 11. Паровая мельница. Владелец А.В. Соколов.
На противоположном берегу р. Томи — с. Христорождественское.

Формирование уголовно-исполнительной системы Кузбасса в 1917-1941 годах

Репрессивная система любого государства во все времена являлась предметом особого интереса исследователей, общественности. Сказывалось отсутствие полной, достоверной информации о ее деятельности. Относительная закрытость системы от общества способствовала распространению различных слухов и домыслов, формированию у населения своего собственного взгляда на систему исполнения наказания. А ведь наказание является неперенным элементом карательной политики власти, сама же система наказаний и их исполнения представляет собой единое целое. Тюремная система в сознании людей всегда отождествлялась с насилием, произволом, беззаконием. Поэтому в периоды революционных потрясений энергия восставших часто направлялась (случайно или специально) на слом тюремных учреждений. В их разрушении виделся выход из бесправия, гнета и вечного страха перед государством. Такова история французской Бастилии в XVIII в., такова история десятков тюрем на территории бывшей Российской империи в Феврале и Октябре 1917 г. Помимо долгов царского и временного правительств, Советам «в наследство» от старой власти достались и места заключения. В ходе гражданской войны большевики использовали их для подавления сопротивления свергнутых классов и борьбы с уголовной преступностью. После окончания войны и интервенции большевики взялись за реформирование силовых структур, должных стать опорой нового строя.

Правда, первое время коренной ломки непосредственно тюремной системы ни в центре, ни на местах не производилось. Управление тюрьмами было передано в ведение местных Советов. Общее руководство перешло в Народный комиссариат юстиции. Главное управление местами заключения переименовали в Карательный отдел Наркомюста, в тюремные инспекции были назначены комиссары. Правовая база применялась, главным образом, старая. Юридически новая система мест заключения была закреплена Временной инструкцией Народного комиссариата юстиции РСФСР от 23 июля 1918 г.: «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такового».

В годы гражданской войны и интервенции на территории Кузбасса продолжали действовать Мариинская (Рис. 1) и Кузнецкая (Рис. 2) тюрьмы. Война сказалась на них одинаково негативно: разруха, дефицит топлива, одежды и продовольствия. Тюрьмы были переполнены, тем более что к уголовным преступникам после бело-чешского мятежа летом 1918 г. добавились и политические. По словам современников, санитарные и хозяйственные условия содержания заключенных способны были стать источником эпидемий.

Политические заключенные в Кузнецком тюремном замке содержались вместе с уголовниками. В ночь с 1 на 2 декабря 1919 г. кузнецкая воинская команда (в обязанности которой, в том числе, входило и несение караульной службы при арестантских ротах) подняла антиколчаковское выступление. Заключенные, под революционными лозунгами, без выяснения вины были распущены. Здание тюрьмы, как оплот и символ царского режима, было сожжено. После оконча-

тельного установления советской власти в Кузнецке подследственные некоторое время содержались в подвалах винного склада (сегодня — Новокузнецкий ликероводочный завод). Однако вскоре заключенных перевели в один из бывших купеческих домов. В конце 1920-х гг. было построено деревянное здание тюрьмы.

С 1919 г. формирование УИС в Западной Сибири проходило под руководством Сибирского революционного комитета и Сибирского бюро ЦК ВКП(б). Реформа тюрем началась с назначения специальных комиссаров для управления местами заключения и освобождения политических заключенных. Вместо упраздненной тюремной инспекции в Западной Сибири была образована коллегия по управлению местами заключения. В январе 1919 г. при Сибревкоме появился Сибю и соответствующий подраздел, ведающий системой ИТУ Сибири.

К 1920 г. обстановка в стране более или менее стабилизировалась, а с переходом к НЭПу и вовсе изменилась. В мае 1920 г. было принято постановление, по которому освобождению подлежали те, кто искупил вину или не мог представлять опасности для республики. Одновременно проверялось положение дел во всех местах заключения. Одним из самых распространенных типов преступления стало хулиганство. До революции основную массу нарушителей составляли мелкие приказчики, ремесленники, босыки. В период гражданской войны наблюдалось сокращение хулиганства, так как в городах действовал военно-коммунистический режим. К тому же многие из социально опасных элементов находили выход своим наклонностям в революционной или контрреволюционной деятельности. С возвращением к мирной жизни волна хулиганства резко выросла.

Некоторое время на «новых хулиганов» смотрели с некоторым умилением. Потом решили разом с ними покончить. В тех случаях, когда хулиганы действовали группой, решено было квалифицировать их преступления как бандитизм. Сотрудники милиции выступали с докладами и лекциями среди населения. Проводилась антихулиганская кампания в печати. Дела о хулиганстве рассматривались в срочном порядке. Как отмечал начальник городской уездной милиции в 1922 г., «элементом преступности были бандиты, грабители и убийцы, воры и неплательщики продналога». Только за февраль-март 1922 г. было задержано около 200 человек. В Томск и на рудники в 1922 г. было отправлено 150 преступников¹. В газете «Кузбасс» писали о росте преступности в Ленинске: «За последнее время преступники обнаглели до такой степени, что расклеили на столбах объявления: «До восьми часов шуба ваша, после восьми — наша». Нахождение трупов на окраине — обычное явление»².

В октябре 1922 г. все места лишения свободы из наркомата юстиции передаются НКВД. На НКВД возлагалась задача проведения карательной политики и организации общих и специальных мест лишения свободы. Следует отметить, что в Кузбассе первые сельскохозяйственные колонии, а также учреждения для несовершеннолетних правонарушителей — трудовые дома и колонии — были созданы еще в марте 1920 г. За время с 1921 по 1941 гг. Кузбасс покрылся сетью исправительных учреждений. Уже в августе 1920 г. были открыты лагеря принудительных работ. Этот факт доводился до сведения советских учреждений. «Желающих воспользоваться трудом арестованных, находящихся в лагере по Иркутскому тракту — бараки бывших военнопленных, прошу обращаться в комтруд за разрешением, указав требуемое количество людей и на какой срок, и за это же время по ставкам профсоюзов внести деньги в депозит лагеря принудительных

¹ Главное управление Внутренних дел Кемеровской области... С. 110.

² Кузбасс. 2 декабря. 1927 г.

работ, а квитанцию предоставить в лагерь вместе с требованием о высылке людей», — говорилось в объявлении коменданта лагеря принудработ³.

В 1921-1926 гг. создается Главное управление мест заключения, места заключения сосредоточиваются в НКВД. Создаются новые виды учреждений, в том числе трудовые коммуны и колонии для несовершеннолетних. Сведения о Мариинской, Кузнецкой и Кольчугинской тюрьмах на эти годы весьма обрывочны. Создаются исправительно-трудовые учреждения в Яе, Тайге, Мариинске. Здесь преобладало, в основном, сельскохозяйственное производство, но кроме этого в Тайге труд заключенных использовался в лесозаготовке, деревообработке, а в Мариинске — в промышленном производстве. С 1929 г. начинают создаваться исправительно-трудовые лагеря. ИТК РСФСР 1933 г. объявил труд основной исправления заключенных.

К середине 1930-х гг. в Кузбассе действовало 3 тюрьмы и более 10 ИТУ. Тюрьма № 3 в городе Сталинске была выстроена в 1932 г. В единственном корпусе (нижний этаж кирпичный, второй — деревянный) находилось 38 общих и 1 одиночная камеры, 4 карцера. Здание было рассчитано на 360 человек, общая площадь тюрьмы составляла 7524 кв. м. Ограда тюрьмы деревянная, высотой 5,80 м.⁴ Вот как описывает Сталинскую тюрьму Булаев, работавший в тюремном архиве в разгар ежовских репрессий: «Тюрьма располагалась между ул. Достоевского и площадью. Деревянный забор, опутанный колючей проволокой в три ряда, огораживал двухэтажный барак с кирпичным низом и рубленым верхом. Окна барака располагались высоко и были зарешечены арматурным железом. Внутри помещение было разбито на камеры с коридором в центре. Внутри двора, в 15 м длиной и 6 шириной, обустроена прогулочная площадь. Там же банька, кухня. По углам забора стояли смотровые вышки. За тюрьмой крестовый дом, рубленый в 4 комнаты. Здесь расселились бухгалтерия, начальник канцелярии, начальник тюрьмы, архивариус»⁵ (Рис. 3).

Мариинская тюрьма № 2 (Рис. 1) состояла из одного четырехэтажного корпуса на 760 мест постройки 1912 г. Строили тюрьму долго. Проект каменного Мариинского тюремного замка (взамен обветшавшего деревянного) был утвержден еще в 1872 г. Строительство несколько раз замораживали, и завершили только в 1917 г. Следует отметить, что Мариинский замок внешне сильно выделялся среди своих кузбасских «товарищей», прежде всего с архитектурной точки зрения. Здание выполнено в лучших традициях русской промышленной архитектуры, имеет форму буквы «П», с фасада в левом крыле находится 4 этажа, в правом крыле — 5. В ходе строительства была спроектирована и проведена система отопления и вентиляции⁶. Кирпичная ограда тюрьмы достигала в высоту 4,5 м. Непосредственное строительство здания тюрьмы заняло 5 лет (с 1911 по 1916 гг.). В 1920 г. тюремный замок был отдан органам здравоохранения под дворец освобожденного труда. Но сильно выросший уровень преступности заставил городские власти вернуть зданию его первоначальные функции. В 1925 г. в Мариинском доме заключения содержалось около 300 человек (срочные, подследственные, пересыльные), а также лица, отбывающие принудительные работы без лишения свободы. Надзор за ними осуществляли 32 человека⁷.

Кемеровская тюрьма № 1 (Рис. 4) до 1944 г. состояла из одного деревянного корпуса. Он был построен в 1922 г. (до 1928 г. использовался как магазин

³ Главное управление Внутренних дел Кемеровской области... С. 74.

⁴ Из архива музея Истории УИС России. ГУИН по Кемеровской области.

⁵ Фойгт Л.И. Сталинск, годы репрессий. Вып. 1. С. 9.

⁶ Терентьев Н. А в Мариинске тюрьма большая, народа в ней не перечесать...

⁷ Из архива музея Истории УИС России. ГУИН по Кемеровской области.

и склад, до 1943 г. оно было одноэтажным, в 1943 г. подведен полуподвал из бута)⁸. Общее количество камер — 40, в том числе 6 одиночных, и 4 карцера⁹.

Все тюрьмы имели камеры для осужденных, приговоренных к смертной казни. Однако следует отметить, что в системе исполнения наказаний подобные тюрьмы уже с конца 1920-х гг. играли второстепенную роль и использовались в основном в качестве следственных изоляторов и сборно-пересылочных пунктов. Места заключения были ориентированы на решение хозяйственных задач, готовность усилить репрессии по отношению к лицам, признаваемым классово-чуждыми, за счет ужесточения условий содержания и ограничения условно-досрочного освобождения. Долгое время не велось строительство новых мест заключения, несмотря на постоянно возрастающее пополнение тюрем.

В апреле 1930 г. при ОГПУ было создано Управление лагерей (с февраля 1931 г. — ГУЛАГ), которому подчинялись все ИТЛ. Система управления ИТЛ была сугубо централизованной, организационная структура и штатный состав работников каждого лагеря были особыми и каждый раз утверждались ОГПУ.

Создание системы лагерей шло исключительно быстрыми темпами. К началу 1930-х гг. в стране складываются две системы отбывания наказания: в лагерях и в общих местах заключения. Последние находились в ведении Наркомюста и были рассчитаны на содержание преступников со сроком наказания до 3 лет. В конце 1934 г. произошла очередная реорганизация в управлении органами, исполняющими наказания. ИТУ были переданы из Наркомюста в ведение НКВД.

В Кузбассе ГУЛАГ открылся в 1931 г. тылоополченцами. Юношей призывного возраста собирали из семей «чуждых» элементов со всего Запсибкрая и отправляли под конвоем на бессрочные работы — на строительство КМК, в горнодобывающую и лесную промышленность. Однако одной из наиболее важных составляющих ГУЛАГа стал Сибирский ИТЛ — Сиблаг. Открыт он был в сентябре 1929 г. и действовал по меньшей мере до 1960 г. Территориально Сиблаг охватывал Западную и Центральную Сибирь, основная часть отделений сосредоточилась в Кузбассе, в районах лесозаготовок, строительства крупных заводов и шахт. На всем протяжении 1930-х гг. структура Сиблага и численность заключенных менялись. Постоянный состав лагеря насчитывал 60-70 тысяч человек.

Управление Сиблагом дислоцировалось в г. Новосибирске с открытия до декабря 1933 г., с августа 1935 г. по февраль 1937 г. и с июля 1939 г. по сентябрь 1943 г., в остальные периоды в г. Мариинске. В 1931 г. в его ведение были переданы спецпоселения от Алтая до Нарыма с населением почти в 300 тысяч человек. Экономическая роль лагеря сильно выросла. Кузбасское управление лагерей включало в себя Антибесское, Арлюкское, Кемеровское, Кузнецкое, Мариинское, Ново-Ивановское, Орлово-Розовское, Осинниковское, Сусловское, Яйское отделения и отдельные лагерные пункты: Антибесский, Баимский, Кемеровский, Мариинский, Сусловский, Тайгинский, Кожуховский, Юргинский, Яйский.

Ссылные из Алтайского края, Московской, Ленинградской областей, из Украины и Молдавии начали прибывать в Кузнецкий район уже в 1929 г. Основными их занятиями стали лесозаготовки и добыча угля, а с 1930 г. — работа на строительстве КМК и вспомогательных ему предприятий. В местах расселения были открыты спецкомендатуры для контроля за жизнью и деятельностью переселенцев. Известно, что в 1932 г. действовала 21 районная комендатура Сиблага, в том числе Кузнецкая, Анжерская, Прокопьевская, Колпашевская, Каргасокская, Барнаулская, Крапивинская и другие. Всего на конец того же 1932 г. в

⁸ На месте одного из корпусов тюрьмы № 1 сейчас располагается КемГУ.

⁹ Из архива музея Истории УИС России. ГУИН по Кемеровской области.

комендатурах числилось почти 230 тысяч спецпереселенцев¹⁰. В 1938 г. в трудовых поселениях УНКВД по Новосибирской области на территории Кузбасса 143694 человека¹¹. Массовое раскулачивание дало приток рабочей силы на Кузнецкстрое. Только в 1931 году на стройку из западной части СССР было переселено 4617 семей (22077 человек)¹². Между краевым управлением мест заключения и принудработ и «Кузбассутлем», например, был подписан договор о передаче последнему для работы в угольной промышленности 2000 семей. Спецконтингент «перебрасывался» на новое место работы при условии обеспечения людей (наравне с остальными рабочими) жилищем, продовольствием и одеждой. На самом деле ни о каких приемлемых условиях жизни говорить не приходилось. С другой стороны, один из работников Томского лагерного пункта в 1934 г. сообщал, что неразбериха, царившая в лагере, «позволяла всем желающим заключенным жить в частных квартирах в городе и деревне, выписывать себе жен и детей, которых немедленно зачисляли на паяк. Кое-кто даже покупал себе жилье или строил его. Многие из них, как и администрация лагпункта Сиблага, сами не знали, кто они — заключенные, трудпоселенцы или спецпереселенцы»¹³.

Массовые репрессии в Сталинске начались в 1935 г. В результате тысячи человек оказались арестованы, расстреляны, заключены в лагерь. «Все политзаключенные шли с приговором», — вспоминал Булаев. Это маленькая бумажка в восьмую часть листа с графами: Ф.И.О., год рождения, должность, статья, срок. Вместо подписей два слова: «тройка НКВД». Новички проходили досмотр в привратной. Кормили заключенных как попало, особенно плохо, если их скапливалось много: баланда, пайка хлеба в 150 г». Подобная же ситуация сложилась в других тюрьмах Кузбасса. В Мариинске в 1938 году смертность заключенных от эпидемий, голода достигала «астрономических цифр»¹⁴. Однако репрессивная политика государства в 1936-1938 гг. позволяла компенсировать большую смертность за счет постоянного поступления новых партий осужденных.

К концу 1930-х гг. произошла более четкая дифференциация контингента в ИТЛ. Осужденные подразделялись на две группы. К первой относились судимые по составу контрреволюционных преступлений, особо опасные уголовные преступники и люди, неоднократно судимые. Во вторую группу входили все остальные заключенные. Политические заключенные были признаны наиболее опасными (по сравнению с уголовными). Инструкции предусматривали два вида режимов: общий (для осужденных за уголовные преступления) и усиленный (за государственные преступления). Однако чаще всего уголовные и политические преступники содержались в общих камерах, и различия между ними устанавливало не государство, а лагерное начальство.

В систему исправительных учреждений Кузбасса, помимо лагерей, входили и другие места заключения. Подчинялись они Отделу трудовых колоний НКВД по Западно-Сибирскому краю, затем — по Новосибирской области. Наиболее известными в те годы были промышленная ИТК № 1 и промышленная ИТК № 2. Первая еще называлась Яйской швейной фабрикой. В довоенное время здесь занимались пошивом вещевого довольствия для заключенных, в годы Великой Отечественной войны шили одежду для солдат. Фабрика имела 4 пошивочных

¹⁰ Главное управление Внутренних дел Кемеровской области... С. 169.

¹¹ Там же. С. 178.

¹² Всего в промышленности Западно-Сибирского края в это же время использовался труд более 50 тысяч спецпереселенцев.

¹³ Папков С.А. Сиблаг // Сталинский террор в Сибири (1928-1941). Новосибирск, 1997. С. 130.

¹⁴ Там же. С. 133-134.

цеха, 900 швейных машин. Работали в Яе в основном женщины — репрессированные и члены семей «врагов народа». Здания здесь были деревянные, построенные в 1930-1935 гг. Промышленная ИТК № 2 в Тайге занималась «лесоэксплуатацией», в том числе изготовлением мебели и других изделий. Жилые помещения были построены в 1928-1933 гг. по типу временок. В результате интенсивной вырубki леса колония оказалась к 1941 г. отодвинута от него на 10 км.

В Сиблаге вместе с матерями, отбывающими заключение, содержались и их дети. Женщины с грудными детьми выходили на работы на общих основаниях. Чтобы дети «не отвлекали» матерей от выполнения заданий, администрация Мариинского лагерного пункта, например, организовала «детские ясли». В июне 1941 г. здесь содержалось 253 ребенка, тех, кому мест не хватило, оставались в лагерной зоне¹⁵.

К 1941 г. Сиблаг включал в себя сельскохозяйственную группу (9 отделений), лесную группу (2 отделения), промышленную группу (4 отделения), контр-агентские работы (7 отделений), 5 исправительно-трудовых колоний (в том числе инвалидная колония в Томске). К началу Великой Отечественной войны здесь содержалось 63646 человек¹⁶. Сиблаг МВД вплоть до 1960-х гг. оставался крупнейшим лагерем в стране и самым большим учреждением исправительной системы Кузбасса. В начале 1950-х гг. число лагерных отделений Сиблага достигло 30. В каждом содержалось от 4 до 6 тысяч заключенных. За счет дешевой рабочей силы и хорошей организации управления деятельностью лагерей, здесь был достигнут высокий уровень сельскохозяйственного производства. Подразделения Сиблага под видом «совхозов МВД» являлись немыми участниками ВДНХ СССР, где коллективы и сотрудники лагеря неоднократно награждались дипломами, золотыми и серебряными медалями. За выполнение планов, «высокоосознательное отношение к труду» премировался не только личный состав, но и заключенные. Для них предусматривалось снижение сроков заключения, денежные вознаграждения, снятие ранее наложенных взысканий¹⁷.

В предвоенные годы НКВД организовал лагеря специального, оборонного, промышленного, железнодорожного и шоссейного строительства. Так, с апреля 1938 г. по январь 1941 г. действовал Горношорский ИТЛ. Управление лагеря находилось в районе станции Ахпун. Заключенные занимались строительством железной дороги, разработкой рудных месторождений. Число заключенных достигало 11700 человек, процент смертности в лагере составлял около 25-27%¹⁸. Для оперативного управления этими лагерями были созданы соответствующие промышленные управления. Возросший объем деятельности повлек за собой реорганизацию структуры ГУЛАГа. Создавались политический отдел и отдел военизированной охраны, в состав которого вошел новый отдел режима.

В годы Великой Отечественной войны производство перестраивается на нужды фронта. Число лагерных отделений выросло до 20. В каждом содержалось до 12-15 тысяч заключенных. В военные годы Сиблаг стал собственно ис-

¹⁵ Папков С.А. Сиблаг. С 136.

¹⁶ Там же. С 135.

¹⁷ Например, приказом начальника управления Горношорского ИТЛ НКВД СССР, в связи с окончанием строительства железной дороги, для награждения должна была быть определена группа заключенных. Каждая предложенная кандидатура тщательно рассматривалась и обсуждалась. Кроме хороших производственных показателей учитывалось соблюдение лагерной дисциплины и участие в культурно-общественной жизни лагеря (См.: Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30-50-е гг.). Кемерово, 1994. Т. 2. С. 51, 51.).

¹⁸ Принудительный труд. Т. 2. С. 10.

правительно-трудовым учреждением Кузбасса.

В заключение следует отметить, что Кузбасс, и до установления советской власти не отличавшийся низким уровнем преступности (по сравнению с соседними районами), в годы сталинских репрессий превратился в один огромный исправительно-трудовой лагерь. В результате деятельности ГУЛАГа здесь, в отличие от других регионов страны, исправительная система получила наиболее широкие масштабы проникновения в народное хозяйство. Соответственно, более медленно шла потом и реорганизация исправительных учреждений. Значительно дольше сохранялись в Кемеровской области ИТЛ. И до сих пор Кемеровская область сохраняет за собой неофициальное первенство в Западной Сибири по количеству мест лишения свободы.

ЛИТЕРАТУРА:

Андреева И.А. Очерки истории органов внутренних дел России. 1920-2000. Омск, 2000.

Бужак А. Становление и развитие исправительных учреждений Кузбасса. Кемерово, 1997.

Главное управление Внутренних дел Кемеровской области. 1917-2002. Кемерово, 2002.

Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М., 1999

Зубков А.И., Калинин Ю.И., Сысоев В. Д. Пенитенциарные учреждения в системе Министерства юстиции России: История и современность. М., 1998.

Папков С.А. Сиблаг // Сталинский террор в Сибири (1928-1941). Новосибирск, 1997.

Принудительный труд. Исправительно-трудовые лагеря в Кузбассе (30-50-е гг.). Кемерово, 1994. Т. 1, 2.

Терентьев Н. А в Мариинске тюрьма большая, народа в ней не перечесть... // Вперед. 27 октября 2004.

Фойгт Л.И. Сталинск, годы репрессий. Новокузнецк, 1994. Вып. 1.

Чайка Ю. Реформирование уголовно-исполнительной системы: прошлое, настоящее, будущее. // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. 1999, № 10.

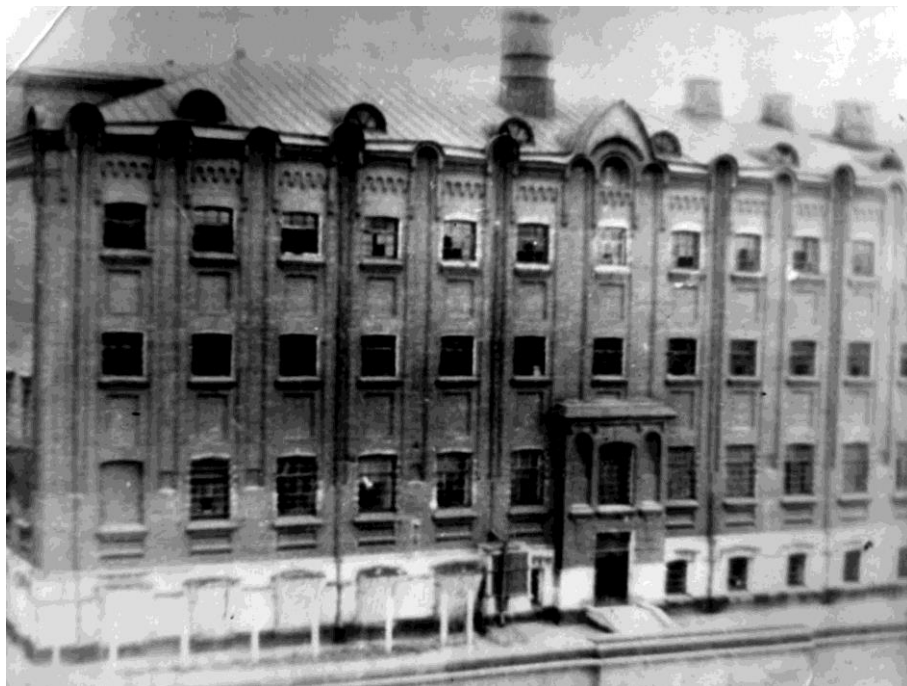

Рис. 1. Мариинская тюрьма
(сегодня следственный изолятор № 3 г. Мариинска).

Рис. 2. Кузнецкий тюремный замок. Фото 1913 г.

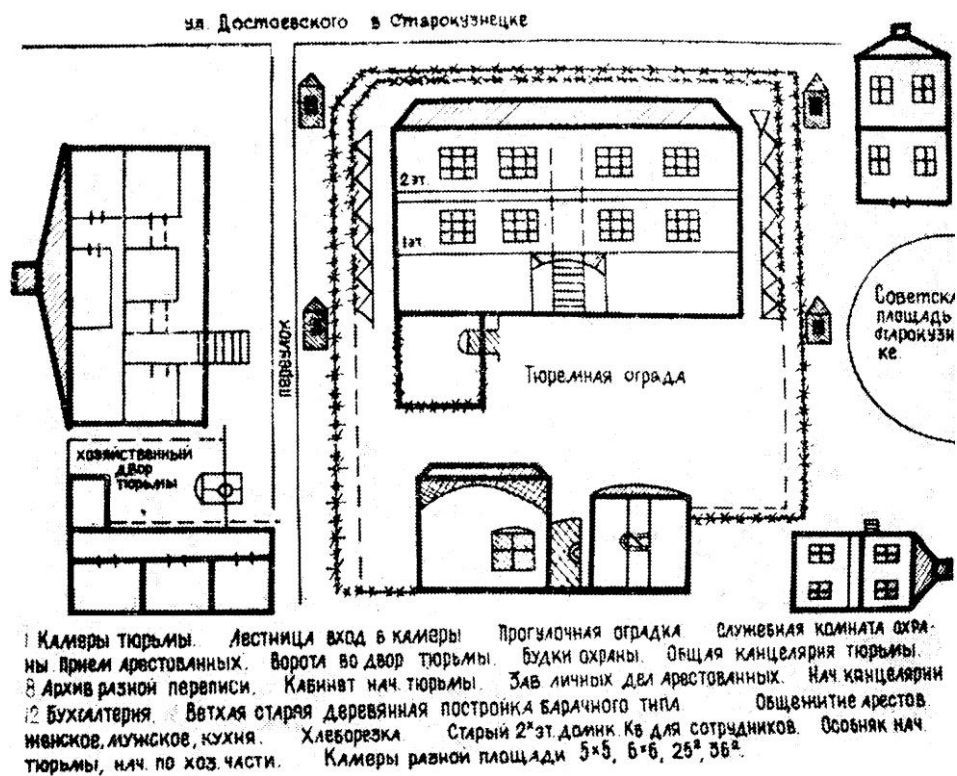

Рис. 3. Рисунок Кузнецкой тюрьмы по ее состоянию на 1930-е гг.

Рис. 4. Вид одного из корпусов тюрьмы № 1 в г. Кемерово.

Чрезвычайные органы управления в СССР и на железнодорожном транспорте Кузбасса в 1930-1940-е годы

Строительство государственной структуры Советской России изначально предполагало использование методов, основанных на насилии. Советы должны были стать и стали проводниками диктатуры пролетариата, а по сути партийной диктатуры. Со временем принцип демократического централизма, основанный на сменяемости, выборности и подчинении основных органов власти, сохранился только в плане усиления властной вертикали.

С середины 1930-х гг. был упразднен Всесоюзный съезд Советов, а со временем и выборы в Советы на местах заменены назначением депутатов. Советы утратили свою реальную власть, основополагающее значение в плане управления государством играли не государственные, а партийные структуры. В сфере хозяйственной деятельности партийное руководство во многом опиралось на методы насилия и принуждения.

В плане организации народного хозяйства насилие выразилось в насаждении негосударственных структур, например, так называемых политотделов (ПО) — чрезвычайных органов партийного руководства. Когда традиционные органы государственного и партийного руководства — Советы, первичные партийные организации, профсоюзы, комсомол и т.д. — не были в состоянии «оказать должное влияние на мобилизацию сил» в экономике и осуществление «соответствующего партийного контроля», тогда в дело вступали чрезвычайные органы управления.

Природа происхождения политотделов с одной стороны партийная, с другой — военная. Первые политотделы возникают в Красной Армии для установления жесткой партийной и военной дисциплины. Примерно с этой же целью они возникали и в различных отраслях народного хозяйства: в сельском хозяйстве, МТС, на железнодорожном и речном транспорте, во многих отраслях промышленности. Примерное время организации этих органов 1930-е гг. — период форсированной индустриализации и ужесточения методов руководства на селе.

Сфера деятельности политотделов на железных дорогах была чрезвычайно велика, они занимались не только и не столько идеологизацией производства и управления, сколько хозяйственными и кадровыми вопросами на производстве. Столь широкие полномочия оглашались изначально в постановлениях ЦК ВКП(б) по деятельности политотделов. Так, например, в постановлении ЦК ВКП(б) от 10 июля 1933 г. «О политотделах на железнодорожном транспорте» четко прописано, что помимо «партийно-политической работы ...политотделы должны возглавить борьбу за четкую организацию труда, за овладение железнодорожниками новой техникой... политотделы распределяют партийные кадры (руководство — *Н.Р.*) на транспорте, утверждают секретарей ячеек, производят перемещение коммунистов»¹⁹.

¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 6. С. 81

Структура политотделов была всепроникающей: от наркоматов до управлений ж/д на местах. При НКПС создавалось Политуправление, начальник которого являлся одним из заместителей наркома и подчинялся непосредственно ЦК ВКП(б). Именно ЦК могло смещать или назначать начальника ПУ. ПУ НКПС руководило работой политотделов на местах. Причем на местах начальник Политотдела дороги являлся одновременно замом начальника дороги и подчинялся непосредственно начальнику ПУ НКПС, он «руководит работой ПО районов, парторгов депо, заводов и важнейших железнодорожных узлов»²⁰.

Такая же система продолжалась и при создании ПО железнодорожного района, железнодорожного узла и заводов НКПС. Таким образом, каждый руководитель-хозяйственник имел в своем штате главу чрезвычайного органа власти, который не только не находился в его непосредственном подчинении, но наоборот, имел большие права и полномочия²¹. Система ПО на ж/д ничем не отличалась от системы ПО, создаваемой в других отраслях народного хозяйства.

Однако для Кузбасса железные дороги стали наиболее важным производственным звеном после угледобывающей и металлургической промышленности. В дореволюционный период сеть железных дорог по Сибири в целом, и по Кузбассу в частности, была мизерной, в годы гражданской войны состояние железнодорожных путей и организация перевозок вообще находились в плачевном состоянии. В годы первых пятилеток народное хозяйство Сибири сумело во многом преодолеть последствия разрухи.

Важнейшим стал вопрос создания Урало-Кузнецкого промышленного комплекса, в состав которого должны были войти Магнитогорский и Кузнецкий металлургические комбинаты, ряд предприятий угольной промышленности, в связи с чем перед железной дорогой (в частности перед Омской и Томской дорогами) ставились соответствующие задачи.

С началом роста промышленного производства в Кузбассе вопрос модернизации железной дороги был очень актуальным, но не всегда выполнимым. Нередко увеличение одних перевозок шло за счет сокращения других: при форсированной перевозке хлебных грузов, скопившихся к лету 1927 г., возникли осложнения в доставке топлива из Кузбасса.

Оставаясь узким местом в народном хозяйстве страны, железнодорожный транспорт сдерживал развитие экономики Сибири. Для улучшения положения с 1926-1929 гг. в развитие железных дорог Сибири было вложено более трех миллиардов рублей. Строились новые линии и ветки на грузонапряженных участках, что повышало пропускную способность на участках, ведущих к Кузнецкстрою, Магнитогорску и Челябинску. На Томской ж/д началось интенсивное строительство железнодорожных линий Новокузнецк—Таштагол. К началу первых пятилеток общая площадь региона, тяготеющего к Томской ж/д, составляла 672,5 тысяч кв. км. В сферу непосредственного обслуживания дороги был включен Западно-Сибирский край с центром в Новосибирске. Большую часть территории Урало-Кузнецкого промышленного комплекса (обслуживаемого Томской железной дорогой) составлял Кузбасс²².

По разработанному НКПС в 1928 г. плану реконструкции ж/д транспорта было решено сделать упор не на полную тяжелую реконструкцию, а на использование имеющихся материально-технических ресурсов. Паровозное депо Омской и Томской ж/д существовало со времен постройки Сибирской магистрали без осо-

²⁰ КПСС в резолюциях и решениях... С. 83.

²¹ Руководителю ПО любого уровня подчинялись и руководители первичных партийных организаций.

²² Вековой путь на службе Отечеству... С. 135

бых изменений. Устройство мастерских, маленькие масштабы не позволяли справляться с нагрузками. Железнодорожный транспорт Сибири не справлялся с индустриальным развитием Кузбасса.

Грузопоток к началу 1930-х гг. увеличивался вчетверо, а пропускная способность из Кузбасса оставалась незначительной. Не хватало дороге квалифицированных кадров. Нерешенным оставался вопрос социального устройства работников. Из-за текучести кадров НКПС перебрасывал на обслуживание отдельных участков дороги полки железнодорожных войск. В январе 1931 г., в связи с продолжающимся ухудшением положения, ЦК ВКП(б) и Совнарком обратились к низовым организациям проявлять инициативу и преодолеть отставания²³.

Благодаря энтузиазму железнодорожников, развернувшемуся социальное соревнованию, изменению в организации работы каждой бригады, положение дел заметно улучшилось — коллектив депо Топки завоевал в 1932 году всесоюзное первенство в борьбе за звание «Лучшее депо СССР»²⁴. Однако по итогам первой пятилетки железнодорожный транспорт сильно отставал за остальными отраслями промышленности.

Относительно оценки работы железных дорог уместно будет привести слова Полонского (Политуправление НКПС) на XVII съезде ВКП(б): «Мы, большевики железнодорожного транспорта, с особым чувством шли на XVII съезде, зная, что наша работа будет подвергнута суровой большевистской критике, так как железнодорожный транспорт, за который мы несем полную ответственность, работает неудовлетворительно и является отстающим участком народного хозяйства, который тормозит социалистическое строительство и может оказаться у нас гирей на ногах, как сказал товарищ Сталин»²⁵.

Одной из основных причин отставания, по мнению руководства, являлась дисциплина, вернее отсутствие партийной дисциплины, вопросам технического оснащения уделялось второстепенное место. Именно поэтому, по мнению руководителей, работа политотделов и их влияние были особенно важны.

Впервые деятельность политотделов освещается на этом же знаменитом XVII съезде ВКП(б) 1934 г. Именно здесь впервые была дана оценка их работы, в частности, по работе с кадрами: «За последние полгода смещено шесть начальников дорог из 22 дорог, снято с работы административно-технического персонала на дорогах только за последние полгода 1700 человек, смещено на низшие должности около 900 человек. Это не считая всякого рода других наказаний»²⁶. Такого рода чрезвычайщина была вызвана недостаточной эффективностью выполнения поставленных заданий, следствием чего, по мнению отраслевых руководителей, является слабая дисциплина: «Одним из самых острых и основных вопросов является организация дисциплины на железных дорогах. К сожалению, этого часто не понимают у нас руководители железных дорог, часто дело ограничивается только болтовней и формальным проведением дисциплинарного устава. А между тем дисциплина есть одно из основных условий порядка на железных дорогах и правильной их работы»²⁷.

Конечно же, чрезвычайные меры способствовали активизации работы и ужесточению дисциплины, в организации четкой оперативной работы. Но партийные руководители политотделов не всегда объективно оценивали положение дел в силу слабой профессиональной подготовки как работники ж/д и стремлению к чрез-

²³ Краткий курс истории ВКП(б). Гл. XI.

²⁴ Вековой путь на службе Отечеству... С. 137.

²⁵ Стенографический отчет, воспроизведенный с издания...

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

мерной идеологизации. Многие руководители политотделов стали организаторами партийных чисток и массовых репрессий на ж/д транспорте. В 1937 г. свыше 50 человек были сняты с командных постов на Кузбасском участке Томской ж/д. Жертвами стали и сам начальник дороги А. Ваньян, его заместитель А. Торобов и даже начальник политотдела Томской дороги Л. Туровцев.

Весной 1934 г. Сибирь посетил «всесоюзный староста» М.И. Калинин. Он побывал на строительстве КМК и на собрании рабочих Новосибирского ж/д узла²⁸. Калинин призвал железнодорожников выполнить взятые обязательства. Устанавливались новые границы Томской ж/д — образовывались 5 эксплуатационных отделений, также вся Кузбасская железная дорога.

Дальнейшая трудовая история Томской железной дороги и важнейшего ее участка — Кузбасса, содержит немало славных страниц, посвященных трудовым прорывам. Трудовой энтузиазм первых пятилеток, сопровождавшийся строительством Днепрогэса, Магнитки, КМК, угольных предприятий Кузбасса, подвигал советский народ к еще большим свершениям.

Планы второй пятилетки предусматривали большой объем развития ж/д транспорта Сибири. Однако убийственной новостью стало то, что Томская железная дорога не справилась с заданием 4 квартала 1934 г., оказались невывезенными 840 тыс. т каменного угля, 80 тыс. т металла²⁹. Это опять таки было связано с наращиванием темпов индустриализации Кузбасса и слабой модернизацией ж/д. Однако официально основным недостатком было названо неумелое руководство. Вновь сыграл свою роль идеологический аспект. На деле же были предприняты шаги не только кадровых передвижек — парк пополнился новыми локомотивами, увеличилось количество вагонов, запчастей, в отстающие депо были переброшены с центральных магистралей ремонтные поезда и квалифицированные кадры.

Одновременно с развитием стахановско-кривоносковского и лунинского движения, борьбой с «предельчеством», что во многом культивировалось политотделами, началась чистка партийного состава, выявление «чуждых партии элементов», вредителей. Все вопросы, обсуждаемые на производственных и партийных собраниях, не только не оставались без внимания ПО, но чаще насаждались по указке последних. Это касалось и кадровых, и производственных, и хозяйственных, и социальных проблем.

В отчетах деятельности политпоездов Кузбасской железной дороги часто описываются мероприятия, совершенно несвойственные идеологическому органу отраслевого управления: работа дезинфекции, разбор семейных споров, работа вокзального буфета, решение жилищных вопросов и т.д. Политотделы начинают подменять собой хозяйственные и профсоюзные структуры, что в конечном счете привело к апатичности производственных структур.

С началом Великой Отечественной войны происходят существенные изменения в структуре государственной власти, фактическое восстановление военномобилизационной системы. В июне 1941 г. создается ГКО под председательством Сталина. Комитет сосредотачивал в своих руках чрезвычайные полномочия. Его приказам беспрекословно подчинялись не только вновь созданные городские комитеты обороны, комитет и комиссии по эвакуации, генеральный штаб, военные советы фронтов и т.д., но и прежние органы власти. Советские, хозяйственные и партийные органы власти оказались в сфере деятельности ГКО.

ПО, естественно, вынуждены были подчиняться решениям ГКО, однако и необходимость подчинения их высшим чрезвычайным партийным органам никем

²⁸ Управление Томской ж/д к этому времени было переведено в Новосибирск.

²⁹ Вековой путь на службе Отечеству... С. 141.

не отменялась. В результате возникла достаточно противоречивая ситуация в управлении. С одной стороны, чрезвычайные партийные органы власти, существовавшие с середины 1930-х гг. и занявшие уже свою определенную нишу в хозяйственном и государственном управлении, а с другой стороны, чрезвычайные государственные органы управления, возникшие в ситуации военного времени как жизненно необходимые. По сути, нарушался принцип единоначалия — один из основных в советской командно-административной системе хозяйствования и управления.

С началом изменений в государственном и хозяйственном управлении, вызванных войной, спор между прагматиками и идеологами в руководстве страной разрешался сам собой. Если в мирное время, особенно в период утверждения диктатуры, вопрос идеологизации был основополагающий, то в военное время основным стал вопрос выживания государства в принципе.

В мае 1943 г. постановлением ЦК ВКП(б) «О ликвидации политотделов на ж/д, морском и речном транспорте» деятельность ПО была прекращена, причем примерно в этот же период ПО были упразднены во всех отраслях хозяйственной деятельности и управления. В формулировках ЦК ВКП(б) по ликвидации ПО указывалось: «В целях укрепления единоначалия..., повышения ответственности хозяйственных руководителей за работу... и улучшения партийно-политической работы»³⁰.

На основании постановлений о ликвидации ПО произошли не только полная передача власти хозяйственникам и упразднение должности помощника по политической части, но и сами члены ПО передавались в распоряжение НКО. Значительная часть сотрудников политуправлений и отделов была мобилизована, оставшиеся поступали в распоряжение соответствующих наркоматов. Но и этим дело не закончилось.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 сентября 1943 г. на ж/д были введены персональные звания и новые знаки различия, утверждавшие окончательное переведения ж/д транспорта на положение военной организации. Были введены следующие должности: генерал-директор путей сообщения, генерал-директор движения (для высшего начсостава) или директор-полковник движения, директор-полковник тяги, инженер-майор связи (для старшего начсостава) и т.д. Таким образом, происходит непосредственное подчинение всех структур НКПС ГКО.

В целом в управлении народным хозяйством происходит новый виток утверждения принципа единоначалия, но уже другими по содержанию методами. Примечательно, что именно с середины 1943 г. происходит еще ряд существенных изменений: в Красной Армии было установлено строгое иерархическое деление личного состава, для определения званий и родов войск были введены погоны. Еще раньше, в конце 1942 г., упразднен институт военных комиссаров в армии (как препятствующий единоначалию в войсках).

В 1943 г. был распущен Коминтерн, Интернационал перестал быть гимном СССР. В этом же году восстановлено патриаршество в православной церкви, сформировано Центральное управление мусульман, появился муфтий в Ташкенте. С 1943 г. стали освобождать ученых из «шарашек»³¹. Но речь ни в коем случае не шла о либерализации системы, наоборот, годы войны способствовали укреплению централизма в государственной системе, укреплению в первую очередь государственной структуры и усилению личной власти Сталина.

³⁰ КПСС в резолюциях и решениях... Т. 7. С. 415.

³¹ Научные учреждения НКВД. Их работой руководил правая рука Берии Амаяк Захарович Кабулов.

Наркоматы наделялись чрезвычайными полномочиями, часть отраслей народного хозяйства и силовые структуры (НКВД) переводились на военное положение. Коренной перелом в военных действиях во многом способствовал коренному прелому в сознании и идеологии власти. Победа была одержана под государственно-патриотическими лозунгами и культом верховной власти, которая олицетворялась не в лице партийного руководства, а в фигуре вождя, И.В. Сталина. Национализм и патриотизм были противопоставлены интернационализму, а затем и космополитизму. Произошла определенная консолидация власти и общества, обнаружилось стремление к «державности», оформление ее в атрибутах, символах и идеологии.

ЛИТЕРАТУРА:

- Вековой путь на службе Отечеству. Новосибирск, 2001.
Железнодорожный транспорт. 1943. № 8.
Краткий курс истории ВКП(б) // http://lib.ru/DIALEKTIKA/kr_vkpb.txt
КПСС в резолюциях и решениях съездов. М., 1984. Т. 6, 7.
Стенографический отчет, воспроизведенный с издания: XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 26 января - 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. // http://17.by.ru/24_4.htm; http://17.by.ru/23_6.htm.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ — Акты исторические
АИК — Автономная индустриальная колония
АН — Академия наук
АО — Археологические открытия
АГУ — Алтайский государственный университет
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВСНХ — Всесоюзный совет народного хозяйства
ГАКО — Государственный архив Кемеровской области
ГАТО — Государственный архив Томской области
ГКО — Государственный комитет обороны
ГУИН — Главное управление исполнения наказания
ГУЛАГ — Главное управление лагерей
ДАИ — Дополнения к Актам историческим
ЗРМК — Завод ремонта металлоконструкций
ИЛАИ — Известия Лаборатории археологических исследований
ИТК — Исправительно-трудовая колония
ИТЛ — Исправительно-трудовой лагерь
ИТУ — Исправительно-трудовое учреждение
КемГУ — Кемеровский государственный университет
КМАЭЭ — Музей археологии, этнографии и экологии КемГУ
КМЗ (КМК) — Кузнецкий металлургический завод (комбинат)
КФЗ — Кузнецкий ферросплавный завод
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории АН
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
МВД — Министерство внутренних дел
МИА — Материалы и источники по археологии
НИХФИ — Новокузнецкий исследовательский химико-фармацевтический институт
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел СССР
НКМ — Новокузнецкий краеведческий музей
НКО — Народный комиссариат обороны
НКПС — Народный комиссариат путей сообщения
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ПАКО — Патриный архив Кемеровской области
ПАТО — Партийный архив Томской области
РА — Российская археология
РИБ — Российская историческая библиотека
РК ВЛКСМ — Районный комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи
РПС — Районный потребительский союз
СА — Советская археология
САИ — Сборник археологических источников
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды института этнографии
УИС — Уголовно-исполнительная система
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов
ЦРК — Центральный рабочий кооператив
ЦК — Центральный комитет

Содержание

<i>М.Т. Абдулганеев, Ю.Ф. Кирюшин, Я.В. Фролов</i> Комплекс скифского времени на могильнике Тузовские Бугры I.....	5
<i>Ю.В. Ширин</i> Поселения фоминской культуры в Кузнецкой котловине и в Горной Шории.....	28
<i>Н.А. Кузнецов</i> Есаульская курганный группа.....	46
<i>А.Ю. Огурцов</i> О тысячелетнем споре.....	77
<i>А.О. Кауфман</i> Некоторые аспекты процесса формирования Кузнецкого гарнизона в XVII — начале XVIII вв.....	99
<i>В.М. Кимеев</i> Религиозные верования шорцев.....	109
<i>И.В. Ульянова</i> Сиротский суд в г. Кузнецке.....	128
<i>Е.В. Майорова</i> НЭП в Кузнецком уезде.....	133
<i>О.А. Белоусова</i> Формирование уголовно-исправительной системы Кузбасса в 1917-1941 годах.....	163
<i>Н.В. Рогалева</i> Чрезвычайные органы управления в СССР и на железнодорожном транспорте Кузбасса в 1930-1940-е годы.....	172
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	178

Историко-документальное издание

КУЗНЕЦКАЯ СТАРИНА

Выпуск 7

Редактор
Б.А. Рахманов

Допечатная подготовка
Ю.В. Ширин

Корректор
Г.Е. Бондаренко

Издательство «Кузнецкая крепость»
654007, г. Новокузнецк, пр. Кузнецкстроевский, 1
ДТС, Союз писателей

